

Александр ЮДИН

ЧУДЬ

Конспирологическая фантасмагория

(Журнальный вариант)

*Как-то в полночь, утомленный, я забылся, полусонный,
Над таинственным значеньем фолианта одного;
Я гремал, и все молчало... Что-то тихо прозвучало —
Что-то тихо застучало у порога моего.
Я подумал: «То стучится гость у входа моего —
Гость, и больше ничего»
Э.А. По, «Ворон» (пер. В. Жаботинского)*

Глава 1

— Те-те-те, — озадаченно протянул Николай Сажин, разглядывая конверт, только что вынутый им из почтового ящика.

Ему показалось странным, что отправителем письма значится не налоговая инспекция, не пенсионный фонд и даже не редакция какого-либо журнала, а некий Таганов В.А., проживающий в городе Чухломе Костромской области. Ни родственников, ни знакомых с такой фамилией он не помнил. Тогда кто же адресат? Неужто читатель? Неведомый ценитель его таланта? А что? Почему нет? Из глубинки, из самого, так сказать, расейского средостения. Писательский стаж Сажина в этом году перевалил за второй десяток, однако народным вниманием он, увы, избалован не был. Если не считать редких скупых отзывов на «Озоне» или в «Лабиринте». А потому, игнорируя склеж и настойчивые рыбки Тайсона, требовавшего, чтобы хозяин вывел его наконец из душного подъезда во двор, Николай вскрыл конверт и извлёк одинарный тетрадный листок в клеточку, исписанный примерно до середины убористым почерком. Заинтригованно хмыкнув, он взгляделся в текст:

«Здравствуйте, Николай Николаевич! Мы с вами ранее никогда не встречались, и вы меня не знаете. Зато я про вас знаю много чего. А главное, мне доподлинно известно, что у вас *шесть пальцев...*»

На этой фразе Сажин вздрогнул, настороженно оглядел тёмный пустой подъезд и, нахмурившись, продолжил чтение.

«Не могу утверждать наверное — на руке или на ноге, и на какой (правой или левой), мне тоже неведомо. Но могу предположить, что скорее — на ноге. В противном случае информация о сем анатомическом казусе уж как-нибудь да просочилась бы в прессу или интернет. Вас, понятно, нельзя назвать публичной фигурой, а все ж таки вы столичный писатель, пускай и «детективщик»...

Дойдя до этих слов, Николай скривился, точно разжевав кислое, но чтения не прервал.

«Хочу особо подчеркнуть, что никто из близких вам людей неповинен в разглашении столь интимной подробности (разумею ваш лишний палец). Я пришёл к такому выводу самостоятельно, без чьей-либо сторонней помощи, посредством многолетних архивных изысканий. Да-да, не удивляйтесь, именно архивных! И хотя учёным-историком я именоваться не вправе — образование мною получено техническое — тем не менее, многие считают меня опытным краеведом. Но к делу!»

Как вам, без сомнения, ведомо, предки ваши, в частности батюшка, родом из здешних чухломских мест. Так вот, мною достоверно установлено, что шестипалость является фамильной особенностью ваших пращуров по отцовской линии. Предвижу, вы

возразите, что у отца вашего ничего такого не присутствовало. Не спорю, Николай Алексеевич, подобно большинству людей, имел по пяти пальцев и на руках, и на ногах. Но моим выводам это никак не противоречит, поскольку сие генетическое отклонение передаётся в вашем роду строго через поколение. Шестипалым был ваш дед, Алексей Гаврилович, уроженец и житель города Чухломы. И тому у меня есть надёжные доказательства. Как и тому, что его дед, а ваш соответственно прапрадед, также имел лишний мизинец на правой руке. Между прочим, прапрадед этот, именем Богдан, а по прозвищу «Сажа», доводился в некоторой степени крестником замечательному русскому писателю Павлу Ивановичу Мельникову-Печерскому. Впрочем, не будем отвлекаться и вернёмся к нашим пальцам.

Вы можете спросить: ну и что с того? Ведь полидактилия, она же шестипалость — аномалия, как правило, наследственная. Уверю вас, это жизненно важно, причём в буквальном смысле! В письме я не стану раскрывать все детали сделанного мною открытия, скажу лишь, что вам грозит смертельная опасность. Это не шутка! Так уж вам мера намеряла да чудь начудила. Коли хотите узнать больше — приезжайте в Чухлому, адрес — на конверте. С уважением и тревогой, Виктор Антонович Таганов».

Сажин вложил письмо обратно в конверт, сунул его в задний карман брюк и вышел из подъезда, даже не ответив на приветствие консьержки. В глубокой задумчивости он пересёк двор, миновал старинную церковь Петра и Павла и очутился на берегу некогда приусадебного, а ныне довольно запущенного пруда; спустил таксу с поводка, сам же присел на скамейку, закурил сигарету и внимательно перечёл послание Таганова. А перечтя, резко поднялся и в раздражении растоптал окурки.

Письмо оставило после себя какое-то неприятное, ознобливое чувство. Словно раскусил румяное яблоко, а внутри — червяк... А стиль каков? «О сем», «доподлинно», «коли», «пращурь». Воображение Николая живо нарисовало паукообразного старикашку в пенсне и с бородкой клинышком, который со змеиной усмешкой чирикает бисерным почерком на пожелтелом тетрадном листе при свете керосиновой лампы. Как там в балладе одного из графов Толстых? «И пишет боярин всю ночь напролёт, перо его местию дышит; прочтёт, улыбнётся, и снова прочтёт, и снова без усталости пишет». А эта загадочная фраза в конце: «мера намеряла, чудь начудила». К чему она здесь? Что-то знакомое... Сажин наморщил лоб, сияясь припомнить, где раньше слышал или читал эти слова, но, так и не вспомнив, чертыхнулся и пожал плечами.

Нет-нет, решил Николай, прежде всего следует унять раздражение. И поразмыслить. Он подошёл Тайсона и принялся неспешно бродить по заросшему ивняком и черёмухой берегу. Погода в это утро прогулке благоприятствовала. Вот свежий августовский ветерок всколыхнул тяжёлые кроны трёхсотлетних лип, прошёлся гребешком по прибрежным кустам, по замшевым початкам рогоза и истаял, рассеялся без следа над дремотной, затянутой зелёной ряской гладью пруда. В эту пору, в восемь утра, да ещё в среду — день будний, в парке было безлюдно и тихо; лишь лягушачье кваканье да повизгивание Тайсона, обнаружившего утиный выводок, нарушало торжественную безмятежность природы.

Увы, этот буколический пейзаж Сажина сейчас мало занимал. Он испытывал странное, сродни зуду, беспокойство, как бывает в преддверии чего-либо крайне нежелательного, что вот-вот должно случиться... Ну да! Так и есть — у него чесался мизинец на левой ноге. Лишний мизинец, разумеется. А это — многолетний опыт подтверждал — верный признак близкой беды. «Палец у меня зудит, что-то страшное спешит», — пробормотал Николай и несколько раз с силой топнул ногой, чтобы унять неприятное ощущение. А всё дурацкое письмо! Чтоб ему сгореть вместе с Чухломой в придачу.

И не то чтобы он всерьёз воспринял предупреждение Таганова про грозящую смертельную опасность. Бред, конечно, реникса. Но откуда, как этот неведомый краевед пронюхал про его шестой палец?! Кроме родителей (царствие им небесное) да жены, пять лет как свалившей на ПМЖ в Штаты, о том, что на его левой ноге два мизинца, никто не знал. Не должен был знать. Ну, дочка в курсе, понятное дело. Так она у него не из болтливых, из неё лишнего слова не вытянешь. И не стала бы она распространяться про папины недостатки. Так каким же макаром об этом проведал совершенно сторонний человек? Из забытой богом дремучей Чухломы. Непонятно и досадно. И ведь выяснил же, стервец, что предки Сажина уроженцы тех мест. Это подлинно так. А про шестипалость деда соврал, интересно? Или правда? Отец ему никогда ничего... Впрочем, про то, что их фамилия находится якобы в каком-то духовном родстве с писателем Печерским, отец тоже никогда не упоминал. Николай само собой читал эпическую диологию «В лесах» и «На горах» Павла Ивановича Мельникова, творившего под псевдонимом Андрей Печерский; был он знаком и с некоторыми его историческими исследованиями, работами по расколу и сектантству. С другой стороны... если это не вымысел, не фантазия краеведа-доброхота, родство с таким литературным зубром

может украсить его, Сажина, писательскую биографию. Как знать, вдруг этот факт подстегнёт интерес издателей? Только вот, насколько Николай помнил, и служба, и творчество Мельникова-Печерского были связаны с Нижегородской губернией, а никак не с Костромской, к которой относится Чухлома. Хотя, они граничат...

Размышления Сажина нарушило мурлыканье айфона. Звонил Матушкин Федор Евгеньевич, главный редактор журнала «Луноход», где Николай регулярно печатал малую прозу — рассказы и повести, а порой тискал статейки научно-популярного содержания. Сажин вновь спустил Тайсона с поводка и присел на ближайшую скамью.

Пока Николай общался с редактором, к нему на лавочку подсел старик лет восьмидесяти, если не более, на вид, но в щегольском твидовом пиджаке с кожаными запятыми на локтях. Сложив костистые ладони на серебряном набалдашнике чёрной трости и жёстко выпрямив спину, он сидел, не шелохнувшись, точно мумия буддийского монаха. Худой, с жёлтой, почти коричневой кожей, туго обтягивающей абсолютно лысую голову с высокими азиатскими скулами, глаза спрятаны за синими стёклами круглых очков. Когда бы не европейский прикид и трость а ля Эркюль Пуаро — ну вылитый Далай-лама или император Хирохито.

В кустах раздался шорох, оттуда с пыхтением выскочил Тайсон и кинулся к хозяину, но, увидав рядом с ним мумию, остановился и тихонько зарычал. Будто в ответ с ближайшей липы раздалось низкое хриплое карканье — там, на толстом суку, сидел крупный иссиня-чёрный ворон.

— Спокойно, Тайсон, фу! — скомандовал Сажин. — Где твоё воспитание?

Пёс с недовольным ворчанием улёгся у ног хозяина. Между тем ворон продолжал каркать, широко разевая клюв и аж приседая на своей ветке от усердия.

— Быть беде, — неожиданно заметил Хирохито голосом, не менее скрипучим, чем у ворона, и указал на того тонкой чёрной тростью. Птица тут же заткнулась, видимо, удовлетворившись, что её, наконец, правильно поняли. «Ещё один вещун на мою голову», — подумал Николай, вслух же парировал:

— А древние германцы считали ворона добрым вестником.

Хирохито вновь по-птичьи дёрнул головой и вперился в Сажина. Пробившийся сквозь густую листву солнечный лучик скользнул по вяленой физиономии старика и отразился от его очков двумя зелёными просверками.

— *Сциэнца эст потэнца*¹, — заявил он.

— Простите, что?

Старик продолжал молча разглядывать Сажина.

— В вас нет арийской крови, — безапелляционно изрёк он после паузы.

Николай даже растерялся поначалу, а потом ответил со всей возможной язвительностью:

— Может быть. Но и вы на Арминия² не тянете.

Учуяв настроение хозяина, Тайсон приподнялся и опять зарычал.

— Ну-ну! — добродушно попенял ему Николай, встал, посадил пса на поводок и отправился в сторону дома.

Уже отойдя по аллее шагов сто, Сажин, повинувшись смутному позыву, обернулся. Желтолицый старец по-прежнему недвижимо сидел на скамейке, но — удивительное дело! — давешний ворон теперь утнездился на набалдашнике его трости. Николай зажмурился и потряс головой, а когда открыл глаза, не увидел не только ворона, но и старика.

Глава 2

«А не махнуть ли мне в эту самую Чухлому?» — такая мысль гвоздём засела в голове Сажина.

Будучи убеждённым материалистом, Николай не верил в грозящую ему, по утверждению Таганова, смертельную опасность. Вместе с тем, зная свой мнительный характер и дотошность, ясно осознавал — не видать ему покоя, пока не прояснит всё до точки. Кроме того, любопытство Николая было раздражено: что такого нарыл про его чухломских предков краевед-любитель? И к чему приплёл сюда давно забытые финно-угорские племена чуди и мери? Насколько Сажин знал, помимо топонимических названий от них и следов-то никаких не осталось. Растворились, истаяли они вместе с летописными весью да муромой в нахлынувшем на места их исконного обитания славянском море. Да и упоминание в письме о возможном, пускай и не кровном, родстве с Мельниковым-Печерским интриговало. Какие такие отношения могли связывать его

¹ «Знание — сила» (лат.)

² Арминий — вождь древнегерманского племени, нанесший римлянам сокрушительное поражение в битве в Тевтобургском лесу в 9 году н.э. Национальный герой Германии.

прапрадеда Богдана с чиновником особых поручений Министерства внутренних дел Павлом Ивановичем Мельниковым, он же — литератор Андрей Печерский? Мельниковы — дворянский род, хотя и захудалый, а его, Сажина, предки, насколько ему известно, принадлежали к чёрному крестьянскому сословию. Загадка!

А сверх того, имелись и иные резоны для поездки. В самом деле, рассуждал Николай, что его держит? Лекции в Литературном институте начнутся не ранее середины сентября, а за Тайсоном Мариша сможет присмотреть. И вообще, отчего бы ей не переселиться на пару недель со съёмной квартиры и не пожить у него, в двухкомнатной? И метро рядом.

Деятнадцатилетняя незамужняя дочь Сажина Марина была современной независимой девицей. Учась в Московской юридической академии, она одновременно работала юрисконсультантом в некоем ООО, название которого Николай не помнил, а проживала отдельно, снимая однокомнатную квартиру в Южном Бутово.

Более того, поездку эту допустимо рассматривать как творческую командировку. Засиделся он в Москве, что и говорить. А так, прикинув, можно сказать, к истокам, окунувшись в жизнь российского захолустья... Масса новых лиц, впечатлений, а значит, и новых идей. Глядишь, и на что-нибудь крупное, внежанровое замахнётся. Давно пора. Пятый десяток разменял, а всё в детективщиках ходит!

Ехать пятьсот километров на машине Сажин не рискнул. Неизвестно, какие туда дороги, а его «хонда» давно на ладан дышит. Поэтому решил добираться до Галича на поезде, а там — автобусом до Чухломы. Да и других вариантов не усматривалось: ни прямого железнодорожного, ни, тем паче, воздушного сообщения с Чухломой не имелось. Полная Чухлома!

Дочка с готовностью согласилась переселиться на время в Ясенево и клятвенно обещала дважды в день выгуливать таксу. Правда, попросила дозволения, чтобы вместе с ней пожил некий Виталий, её нынешний бойфренд. «Ты его не знаешь, мы познакомились недавно, — пояснила она. — Менеджер «Роснано», между прочим». — «А он аккуратный?» — строго спросил Николай. «Очень аккуратный, очень аккуратный!» — со смехом заверила Мариша. «Ну, хорошо, живите тогда», — сдался Сажин.

Итак, через два дня на третий после получения загадочного послания Николай с небольшим выдавшим виды чемоданом на колёсиках и наплечной сумкой уже шагал по платформе Ярославского вокзала; поезд «Москва — Чита», останавливающийся проездом в Галиче, готовился к отправлению.

Билет он купил в стандартное четырехместное купе, без кондиционера и питания, но смахивающая на каменную половецкую бабу проводница, что проверяла документы перед заходом в вагон, спросила его, понизив голос: «Вы вдвоём?» — «Нет, один». — «Ну, всё равно. Хотите в двухместное?» — «Сколько?» — догадался Николай. «Пятьсот рэ», — тем же конспиративным тоном ответила баба. «Хорошо, — согласился Сажин, протягивая пять сотенных. Но, спохватившись, уточнил: — А поеду-то я в нём один?» Проводница важно кивнула.

Купе — тесное и душное, зато без попутчиков, располагалось в самом начале вагона, первым от тамбура. Как понял Сажин, оно было служебным и предназначалось для проводников. Где теперь станет отдыхать половецкая истуканша, он решил не заморачиваться — не его дело, как люди деньги зарабатывают.

Николай разместил багаж и застелил нижнюю койку. Вообще-то в Галич поезд должен прибыть в десять вечера этого же дня, но вдруг ему захочется вздремнуть? Тем паче, бельё всё одно включено в стоимость билета. Ровно в 13 часов 50 минут состав вздрогнул, протяжно застонал сочленениями и тронулся.

Сажин достал из наплечной сумки два сваренных вкрутую яйца, щепотку соли в бумажке, горбушку «Бородинского», курью ножку, завернутую в фольгу и чекушку «беленькой»; распаковал всю эту нехитрую снедь и, плеснув пятьдесят грамм в раскладной походный стаканчик, выпил за удачное путешествие.

Тем временем городскую застройку сменили подмосковные пейзажи.

Утолив голод, Сажин закрыл дверь купе, опустил окно и с удовольствием выкурил сигаретку — ещё одно преимущество поездки в одиночестве. Затем он выложил на стол первый том «Полного собрания русских летописей» тысяча девятьсот двадцать шестого года издания и открыл его на «Повести временных лет». Николай не случайно выбрал для дорожного чтения именно эту книгу. По жизни, да и по роду орошаемой им жанровой нивы, он любил всяческие тайны и ребусы. Письмо Таганова — если не причина, то повод его внезапной поездки — и само по себе носило загадочный характер, но, по крайней мере, оно было логично. Хотя и весьма необычно. Утверждение, что крёстным его прапрадеда являлся писатель позапрошлого века Мельников-Печерский, безусловно, будоражило воображение. Правда, сопутствующее уточнение («в некоторой степени») несколько снижало ожидания. Как это можно приходиться кому-либо крестником или крёстным «в некоторой степени»? Но эту загадку он ре-

шил оставить на потом. А вот фраза про чудь и мерю... ну никак не соотносилась она с остальным содержанием! Он уже выяснил, конечно, что слова эти Таганов заимствовал у Блока: «Знала ли что? Или в бога ты верила? — писал поэт, обращаясь к Руси. — Что там услышишь из песен твоих? Чудь начудила, да меря намерила гатей, дорог да столбов верстовых...» Только это ровным счётом ничего не разъясняло.

Тут-то и вспомнилось Николаю, что в одной из своих институтских лекций он обращался к древнерусской литературе и, в частности, к «Первоначальной летописи», написанной в Киеве на рубеже XI-XII веков и более известной как «Повесть временных лет». Так вот, в ней точно упоминались — и не раз — племена чуди и меря.

Итак, под перестук вагонных колёс Сажин углубился в хитросплетения словес древнерусского литературного памятника.

Из летописи явствовало, что в IX-X веках поселения меря и чуди были широко разбросаны по просторам Северо-Восточной Руси; эти финно-угорские или, как их было принято называть в дореволюционной исторической науке, инородческие племена жили по всему течению Волги и на берегах Оки, и на Клещейном, и на Ростовском озёрах, и в самом Ростове. Впрочем, точные границы их расселения оставались читателю неясными. Особенно это касалось чуди.

Любопытно, однако, что оба этих племени вместе со славянами участвовали во всех знаковых событиях тех веков. По смерти Гостомысла в 860 году «кривичи и словене, и чудь и меря возсташа на варяги и изгнаша варяги за море и не даша им дани, а почаша сами себе володети». Как известно, такая самобытность продлилась недолго: «И не бе в них правды и вста род на род, и быша в них усобиц и воевати почаша сами на ся».

Чтобы покончить с таким печальным положением, все согласно решили: «поищем себе князя, иже бы володел и судил по праву». И опять же, когда дело дошло до посольства, летописец в его состав, помимо славянских племён, ввёл также чудь и мерю.

Под 882 годом, в походе Олега против киевских соправителей Аскольда и Дира, наряду с варягами, словенами и кривичами, снова участвуют чудь и меря. А потом меря пропадала со страниц летописи. Последний раз она, совокупно с чюдью, упоминалась под 907 годом, при описании похода Олега на Царьград. Что ж, возможно, процесс славянизации затронул это племя в первую голову, и говорить о нём на особицу от славян летописец уже не считал нужным?

А вот чудь продолжала изредка мелькать в жизни тогдашней Руси: то она вместе с князем Владимиром идёт на Полоцк в 980 году, то, наоборот, князь Ярослав идёт на неё в 1030-м. Последнее упоминание о чуди Сажин отыскал под 1071 годом, где, после описания проделок волхвов на Белоозере, шла речь о новгородце, обратившемся к некоему кудеснику из чудского племени. Во время волхования тот новгородец между прочим спросил у кудесника: где обитают чудские боги? И кудесник ответил: в безднах; и когда кто из людей чуди умирает, то попадает к чудским богам — в бездну.

За чтением Николай не заметил, как пролетели целых три часа, и кондукторша объявила остановку в некогда мерьском граде Ростове. Поезд здесь стоял лишь две минуты, поэтому Сажин поспешно выскочил на перрон, выкурил в нарушение анти-табачного законодательства сигаретку и прыгнул обратно в вагон. А там его уже караулила первая дорожная неприятность.

Глава 3

Рядом с открытой дверью его купе тяжело ворочалась монументальная фигура проводницы, а в самом купе некий гражданин с кряхтением затакивал в багажное отделение объёмистый чемодан. «Располагайтесь, — обращаясь к гражданину, заявила проводница. — Бельё вам принести?» — «Не нужно», — отвечал тот. Проводница развернулась и молча протиснулась мимо обескураженного Николая.

— Пойдите! — крикнул он ей вслед. Та притормозила, но оборачиваться не стала. Шагнул к ней, он зло прошипел: — Это что за номер? Вы же обещали, что я поеду один. Как же так?!

— А что я могу? — возразила коварная половчанка. — Купе-то двухместное. Ничего не могу.

— Да оно вообще служебное! — возмутился Сажин. — И за что я деньги платил?

— Всё не вчетвером, — парировала баба.

— Но я же... Но вы же, — опешил он от такой простоты.

Проводница повернула к нему корпус и укоризненно произнесла:

— Да он до Данилова только, а там сойдёт. Говорить не об чем!

— Тьфу, чёрт, связался я с вами, — махнул рукой Николай и, не сдержавшись, проворчал: — Чурбан тмутараканский.

— Ишо матерится, — не осталась в долгу тётка, — помогай им после этого.

Обе койки в купе находились по правую сторону от входа, двумя ярусами — одна над другой; по левую же, рядом со столиком, оставалось место только для маленького откидного сиденья, вот на этой откидушке и сидел его попутчик — поджарый мужчина неопределенного возраста.

— Георгий Маркович Реконкистов, — произнёс пассажир глубоким бархатным голосом и, приподнявшись, протянул руку. — Будем знакомы?

— Николай Николаевич, — представился Сажин, пожимая сильную сухую ладонь. — Очень приятно.

— Будет вам, — усмехнулся Реконкистов, — какое тут приятство. Обеспокоил я вас?

— Вы ни при чём. Это всё эта... — Николай раздражённо мотнул головой в сторону двери.

— Се ля ви, — вздохнул сосед и глянул на Сажина с пристальным прищуром. — Николай Николаевич... а фамилия ваша, простите, как?

— Зачем вам? — удивился Николай, в свою очередь присматриваясь к попутчику. Возраст того, действительно, определялся с трудом: фигура худощавая, спортивная, лицо загорелое, с выразительными морщинами и пытливым взглядом серо-стальных глаз; ему могло быть как пятьдесят, так и все шестьдесят. Одет в камуфляжную куртку (вроде бы подобная расцветка называется «Цифра ФСБ»), такие же штаны защитного цвета и высокие берцы армейского образца. Бывший военный? Сажин, вероятно, в силу профессии, любил приклеивать к новым знакомым мысленные клички, вот и Реконкистова он сразу окрестил про себя «Идальго».

— Нет, если не хотите говорить...

Николай, вспомнив, что тот-то свою фамилию назвал, ответил:

— Ну, Сажин.

— А не тот ли вы самый Николай Сажин, который писатель?

После такого вопроса Николай, по общей для большинства писательской братии слабости, окончательно отгадал.

— Тот самый, тот самый, — подтвердил он с лёгкой небрежностью, как если бы к нему то и дело обращались с подобным вопросом.

— Ага! — воскликнул Идальго. — Вот потому я и поинтересовался фамилией. У меня на лица память фотографическая.

— Понятно. Но где вы меня видели?

— А вот где, — сосед достал из нагрудного кармана книжку формата флипбук. Это было переиздание предпоследнего роман Сажина «Мой топор остёр», с крошечной фотографией автора на форзаце. — Не откажитесь поставить автограф?

— Без проблем, — Николай взял из рук Реконкистова книгу и, стараясь скрыть получаемое удовольствие, нахмурил брови. — Как вам подписать?

— А просто поставьте дату и подпись с расшифровкой.

Сажин хмыкнул. Он-то предполагал, что Идальго попросит написать нечто памятное, вроде «дорогому Георгию Марковичу на память о совместной поездке». А этот... Наверняка даже и не читал его романа. Купил в привокзальном киоске первый попавшийся, а после бросил в купе, как пустую упаковку из-под чипсов.

— Под вагонный стук и скрип получите мой инскрипт, — не удержавшись, срифмовал Николай, возвращая книгу.

— Николай Николаевич, — спросил Идальго, сунув флипбук обратно в карман куртки, — можно вопрос по содержанию? — сосед похлопал себя по нагрудному карману.

«Неужто читал? — усомнился Сажин. — Тогда зачем взял с собой?»

— Пожалуйста. Задавайте свой вопрос.

— У вас там главный злодей — серийный маньяк, варит из своих жертв холодец, а после торгует им на рынке. И даже сколачивает на этом капиталец. Вы подобный факт позаимствовали из реальной жизни или это всё вымысел, полет, как говорится, писательской фантазии?

«А ведь и впрямь читал», — приятно удивился Николай.

— Вымысел, чистый вымысел. С каннибалами мне не доводилось сталкиваться, бог миловал. Однако не следует понимать мой сюжет буквально. Это, гхм, отчасти метафорическая модель нашего сегодняшнего общества...

— Я не про то, — перебил попутчик. — То есть про метафорическую модель согласен, хотя, каюсь, сам бы не догадался. Просто мне показалось, что эта тема — тема каннибализма — вас как-то особенно интересует. Что-то личное?

Сажин рассмеялся.

— С чего вы взяли?

— Ну как же, — продолжал настаивать собеседник, — вы обращаетесь к ней довольно часто.

— Разве? Любопытно. И что, вы можете привести тому примеры?

— Да, — кивнул Реконкистов. — К примеру, возьмем ваш рассказ «Сердце красавицы». Если не ошибаюсь, он был опубликован в журнале «Луноход» в прошлом году...

— Не только там, — перебил Сажин. — Ещё в двух или трёх других журналах. Ой, простите! Так что вы хотели сказать?

— Вот я и говорю. Героиня вашего рассказа, патологоанатом в морге захолустного райцентра, узнав об измене мужа, расправляется с соперницей; потом, воспользовавшись служебным положением, извлекает из трупа разлучницы сердце и, потушив его с томатами и морковкой, скармливает неверному супругу под видом свиного.

— Да-да, я помню сюжет. Сам сочинил как-никак.

— Меня, кстати, особенно впечатлил финал. В плане способа сокрытия и ухода от наказания. Ну, когда она на следующий день в красках живописала мужу, что он съел вчера на ужин, психика у того не сдюжила, и он загремел в психушку. И вот как только он там — в больнице — более-менее приходил в чувство, то, понятное дело, тут же начинал всем и каждому кричать о съеденном им сердце любовницы. Врачи же, естественно, делали вывод, что у того обострение, и обкалывали беднягу лошадиными дозами психотропов, возвращая его обратно в «овощное» состояние. Ловко!

— Спасибо, — поблагодарил Николай. — Рад, что вам понравилось. И, значит, из этого вы сделали вывод, что...

— Не только. А ваш роман «Тело ангела»? В нём ведь тоже, как говорится, кроваво-красной нитью... Или ещё этот, как же? А! «Фуа-гра из прокурора».

— Сдаюсь! — поднял руки Сажин. — Хотя сам, признаюсь, как-то не задумывался об этом. Но вы правы, не стоит часто эксплуатировать одну и ту же тему. Пускай и выигрышную. Замечу в оправдание, что в полутора десятках других моих романов ни слова про людоедство.

Николаю его сосед определённо начинал нравиться всё больше и больше. Это ж надо! Оказывается, Идальго — его постоянный читатель. Честно говоря, до сего момента Сажин вообще сомневался, что такие существуют в природе. А тут, зрассьте-пожалуйста...

Глава 4

— Знаете что? У меня с собой бутылочка армянского коньяку. Не возражаете?

Сажин не возражал. Помимо коньяка, у соседа нашёлся ещё лимон, который он ловко порубал на тонкие ломтики. Николай вытащил свой набор походных стаканчиков.

После третьего стаканчика разговор принял доверительный, даже задушевный характер.

— Я ведь в прошлом следователь прокуратуры, — смачно пережёвывая лимонную дольку вместе с корочкой, поделился Реконкистов. — Дослужился до старшего следователя по особо важным делам. Работал и при Леониде Ильиче, и при Андропове, и при Черненко, даже при Горби, не к ночи будь помянут... А при Ельцине не смог. Ушёл на пенсию по выслуге лет.

— Чего так? — поинтересовался Сажин. — Зарплата не устроила?

— При чём тут зарплата, — досадливо отмахнулся Реконкистов. — Хотя в девяностые нам, прокурорским, да и большinstву бюджетников, платили сами знаете как — слёзы, а не зарплата. А я человек старорежимный, советской закваски, мзду брать не приучен. Но дело не в деньгах. Противно стало, аж до тошноты... Один мой приятель, гособвинитель, так он это называл «когнитивным диссонансом». Поддерживаю, говорит, обвинение, а сам ловлю себя на мысли, что те злодеи, что сидят на скамье подсудимых, никаких особенно негативных чувств не вызывают. Зато о власти, которую он в суде, по идее, представляет, только, говорит, вспомню, прямо желчь разливается. Дескать, дали бы пулемёт, да выстроили бы их всех в ряд, от президента до последнего губернатора, рука бы не дрогнула — я бы их, как Макар Нагульнов: тр-рах-тах-тах-тах-тах!... Так-то.

— Это, помнится, и баб, и детишек, значит? — поднял брови Николай.

— Эмоции, конечно, — хмыкнул Реконкистов, но тут же хлопнул по столу ладонью, так что подпрыгнули походные стаканчики. — Но посыл верный! Ведь в те годы кто дорвался к власти-то? Торгаши, ворьё, фарца бывшая. Ну и перевертыши из партноменклатуры. А то и прямые изменники, наймиты чужих спецслужб. Думаете, перебарщиваю? Поверьте, Николай, так оно и было, я человек информированный, не приучен языком плести. Так и было. Да и сейчас... — он махнул рукой и, взявши бутылку, наполнил стаканы. — Давайте за... эх! — не договорив, он выпил. Сажин последовал его примеру. — А в прокуратуре что творилось тогда? — с горечью продолжил Реконкистов. — Старые кадры поуходили, а кто им на смену? У нас в генеральной — сплошной

Северный Кавказ с солнечным Азербайджаном вкупе. Я против кавказцев ничего не имею, тем паче, кадровый состав там и всегда был многонациональным. Дело, понятно, не в национальности, а в пропорциях и качестве. Ведь правоохранительные органы — не рынок. И что характерно, в советские времена устроиться в прокуратуру особых проблем не составляло — получил высшее профильное в ВЮЗИ или, как я, в МГУ — и добро пожаловать. Помню, по окончании университета я хотел было в адвокаты податься, а мне: не-ет, раз поступал по распределению от прокуратуры, будь добр к нам. А тут вдруг, в девяностые, — только по большому благу. С чего бы? Платили-то копейки. За бакишием потянулись — место злчное. М-да... Вот и попёрли к нам хваткие да деловые. Что ж? У правителей одна забота — как страну по карманам раздербанить, а прокуратура останется островком «социалистической законности»? Квак бы не квак! Вот как только это прилагательное от нашей законности отвалилась, так и правоохранительные органы превратились в эдакую «контору решальщиков». Кто свой интерес пролоббировать, тому и «законность» на блюдечке с голубой каёмочкой.

— А при советской власти такого прям вовсе не было? — хмыкнул Сажин.

— Даже близко, — отрезал Реконкистов. — Вы, Николай, человек ещё молодой, со мной в сравнении. В сознательном возрасте что вы застали? Горбачёвский развал, безвременье. По тем годам о советской эпохе судить нельзя. Вот, послушайте, я вам расскажу. В восьмидесятом перевёлся я в генеральную прокуратуру. То бишь тогда она ещё называлась прокуратура Союза ССР. У неё имелся свой ведомственный дом отдыха, на Истре. Места славные: лес, речка. А при доме отдыха — дачный посёлок, прокурорский же. И на лето сотрудики прокуратуры имели возможность вывозить своих домашних на лоно природы; аренда, помню, стоила недорого. Но при этом каждый летний домик — три комнаты и одна веранда — был рассчитан на три семьи. Кухня общая, отопление печное, удобства на улице. И ничего, все довольствовались. В том же посёлке стояли служебные дачи замов генерального прокурора. У тех фазенды были побогаче — бревенчатые да с мансардой и на одну семью. Но удобства тоже во дворе! А вышел на пенсию — будь любезен съехать, уступить преемнику. Это строго. К слову сказать, территория пансионата и дачного посёлка никак и никем не охранялась, даже сплошное ограждение по периметру отсутствовало. В пансионате имелся небольшой кинозал, где вечерами крутили кино. Или танцы устраивали. Так молодежь из окрестных деревень свободно приходила — и в кино, и на танцы. И всюду этак — я сейчас по охране — ведь не было её ни в прокуратурах, ни в отделениях милиции, ни даже в судах. Суды-то у нас тогда назывались «народными». Так от кого же их охранять? От народа? А теперь?!

— Здесь с вами согласен, — закивал Николай, — нынешние правоохранители крепко огородились от людей, с улицы так просто не зайдёшь. Сам сталкивался.

— Во-во! Ладно, про правоохранителей я даже молчу, — махнул рукой Реконкистов. — Не с бухты-барахты милицию перелицевали в полицию, резоны-то в целом понятны. Но ведь этак повсюду — сверху донизу! Даже местные ДЭЗы и РЭУ держимордами обзавелись при входах, не проскочишь.

— Да-а уж, — вновь согласился Сажин, — власть отдельно, народ отдельно.

— Точно! Теперь оно так. Или вот ещё случай на память пришёл. В начале семидесятых, когда я работал в районной прокуратуре, один наш молодой следак купил себе «Москвич». Зам по следствию узнал, вызвал того к себе и спрашивает: на какие шиши? Тот: родители помогли. Зам ему и говорит, ладно, говорит, пускай... только рядом с прокуратурой его не ставь, паркуй где-нибудь квартала за два. А то, говорит, граждане могут сделать неверные выводы. Представляешь? А сейчас? Что там прокуратура, зайди во двор любого, самого районного ОВД — сплошь иномарки представительского класса. Скажешь, на зарплату?

— Не скажу.

— То-то и оно-то... Рынок! Власть капитала. А в чём её суть? У Максима Горького на этот счёт есть замечательное определение, как же это... запаматовал... что-то про грязню.

— Всех грызи или лежи в грязи, — подсказал Николай.

— Точно! Точнее классика не скажешь, верно ухватил. В этом и есть вся суть капитализма, весь его гнилой ливер. Э-эх, да что говорить, Николай, давай-ка лучше ещё по рюмашке. Ой, а ты не в обиде, что я на ты? Мы пили уже на брудершафт?

— Нет, но я не против. В смысле, на ты. А вот от коньяку воздержусь — мне, пожалуй, довольно. Мы и так полбутылки уговорили, боюсь, завтра голова будет трещать, а она у меня — рабочий инструмент.

— Хозяин — барин, — не стал спорить Реконкистов. — Мне тоже хватит. Только на брудершафт хлопнем, чтобы закрепить. А то неудобно — я тебе тыкаю...

Но после брудершафта собеседники как-то забыли о своем намерении и продолжили фуршет.

По ходу общения Сажин пришёл к выводу, что попутчик его весьма любопытный, даже колоритный типаж, и его вполне можно тиснуть в новый роман. Даже на роль главного героя. Или злодея. А значит, совсем не лишнее его как следует разговорить, чтобы потенциальный персонаж оброс, так сказать, мясцом.

— Георгий, а после прокуратуры ты куда подался?

— Я ушёл после октября девяносто третьего, по выслуге лет. Расстрел парламента стал для меня последней каплей. Помнишь те события? Я ж как-никак юрист и понимал, на чьей стороне правда. Мог по тогдашней конституции Верховный совет объявить президенту импичмент? Мог. А имел ли право, по той же конституции, президент разогнать парламент и Конституционный суд заодно, который встал на защиту основного закона? А потом своим указом и саму конституцию аннулировать к чертям? Нет, не было у него такого права! Про расстрел прямой наводкой из танков я молчу, тут всё понятно. Ну вот, я сотрудник органов, которые должны наблюдать за неукоснительным соблюдением этой самой законности, вынужден защищать интересы этой самой власти, строго говоря, изначально преступной, президента, который взял власть посредством государственной измены, попрания воли народа, проголосовавшего на всесоюзном референдуме за сохранение Союза. А теперь — я про октябрь девяносто третьего — удержал её путём государственного переворота. И ведь как тогда наши журнашлюшки дело повернули: пресёк-де «гарант конституции» попытку государственного переворота! Чего он пресёк? Он его совершил! Верховный-то совет действовал строго в рамках своих полномочий. Строго. Тьфу! Отвлёкся... Ты меня оставлайвай, эта тема для меня больная, сразу завожусь. О чём я, бишь, говорил?

— Ты хотел рассказать, куда подался после прокуратуры, — напомнил Николай.

— Верно.

Тут состав сбавил ход и заскрипел тормозами. «Остановка «Ярославль-главный», время стоянки 30 минут», — объявили по внутренней связи. Друзья вышли на перрон размять ноги и покурить на свежем воздухе.

— А согласись, — заметил Георгий, указав зажжённой сигаретой на монументальное, с часовой башней, здание вокзала, — есть в сталинском ампире что-то такое... вневременное, хтоническое даже. Смотришь и понимаешь — это на века, это навсегда. Вселяет чувство уверенности. Согласен?

Сажин рассеянно пожал плечами. Его внимание целиком занял чёрный ворон, увенчавший голову Савве Мамонтовой, чей бронзовый памятник высился неподалёку; казалось, птица, приоткрыв клюв и сердито встопорщив перья, пристально гладела прямо на него.

— Крупный экземплярщик, — хмыкнул Реконкистов, проследив взгляд Николая. — Мне кто-то говорил, что ворон — посредник между живыми и мёртвыми. Оттого-то, дескать, их на кладбищах так много, — и неожиданно спросил: — Ты у нас какого года рождения?

— Семьдесят четвёртого, — удивленно ответил Сажин. — А что?

— Значит, в следующем, восемнадцатом, тебе исполнится сорок четыре, — задумчиво пробормотал Георгий, — а в двадцать четвёртом полтинник стукнет.

— И что с того? — поднял брови Николай. — Ты это сейчас к чему?

Вместо ответа Реконкистов пропел хорошо поставленным грудным тембром:

*По военной дороге
Шёл в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги,
От Кубани и Волги
Мы коней поднимали в поход.*

Потом взглянул на наручные часы и присвистнул:

— Пора в вагон. Цигель, цигель, ай-лю-лю!

Глава 5

В купе Георгий зябко передернул плечами:

— Как-то здесь сыро. Не хлопнуть ли нам по рюмашке? — и, не дожидаясь реакции, наполнил походные стаканчики, напевая под нос: — Вспомнят псы-атаманы, вспомнят польские паны конармейские наши клинки... М-да... Вот ты давеча интересовался, куда я из прокуратуры подался. В коммерцию, куда же ещё? В смысле, возглавил юридическую службу в некоей частной компашке. Сначала в одной, потом в другой... Сменил я их порядок. ООошки всякие росли в ту пору как грибы после дождя. И столы же быстро исчезали. И знаешь что? Знаешь, к какому, в конце концов, я пришёл

выводу? Не моё это. Не могу я работать на хозяина.

— Что, прям одни сволочи попадались? — закусывая лимонной долькой, спросил Николай.

— Разные. Попадались всякие. Иные, как и я, из бывших правоохранителей. М-да, типажи очень разные. Но общий знаменатель у всех у них был.

— Какой же?

— Порядочных, честных людей я среди них не встретил. Ни единого. Впрочем, это естественно. Ну не может торгош быть честным человеком. По определению не может! Как-то раз один из последних моих работодателей — он в начале девяностых вице-губернаторствовал на Сахалине, ну и, понятное дело, добыв на этой должности первоначальный капитал, открыл своё дело — так вот, очень он со мною любил поспорить, особенно на отвлечённые темы. Вот только терпеть не мог уступать в споре. А когда такое случалось, использовал, по его убеждению, железный аргумент: если, говорит, ты такой умный, отчего такой бедный? Однажды я не удержался и ответил. В том смысле, что по нынешним временам у владельца пары палаток шаурмы с Москворецкого рынка денег больше, чем у дюжины профессоров МГУ. А шаурмен это слово «брат» с двумя ошибками пишет. Бывший вице несколько опешил, а потом спрашивает: и как же ты это объясняешь? Так для успеха в бизнесе, объясняю, нужен не интеллект, а совсем иные качества. Хозяйчик мой: какие же? Жадность, хитрость и беспринципность, отвечаю. И чем их более, тем успешнее бизнес.

— И что, долго после этого ты на него работал? — хохотнул Сажин.

— Недолго. Но суть не в этом. Суть в том, что я прав. Нет, конечно, природный ум бизнесмену не помеха, даже напротив. Интеллект тоже не повредит, в принципе. Только он не является обязательным условием. Главным составляющим успеха в любом бизнесе, повторюсь, являются упомянутые три качества. Отсюда вытекает вопрос...

— Идальго поднял палец и значительно взглянул на Николая. — На сегодняшний день мы построили, точнее, реставрировали, у себя, в России, капитализм. Согласен?

— Согласен, — развёл руками Сажин, — только, на мой взгляд, мы его ещё строим.

Реконкистов погрозил пальцем:

— Тридцать лет строим? Советская власть за меньший срок в Гражданской победила, провела индустриализацию страны, ликвидировала всеобщую неграмотность и Великую Отечественную выиграла. Ведь после той войны вся промышленность, вся инфраструктура европейской части были уничтожены. Полторы с лишним тысячи городов стёрты в пыль, а сёл и деревень — под сотню тысяч. Цифры эти, как подумаешь... в голове же не умещаются! А через двенадцать лет мы первыми полетели в космос. Нет, на сегодня у нас, Николай, вполне себе сложившийся капитализм, с частной собственностью на средства производства, ярко выраженным имущественным неравенством, безработицей, инфляцией и прочими неизменными бонусами. Причем капитализм в высшей его стадии — монополистической, то бишь империализма. Что является основной чертой империализма? — спросил Идальго и сам же ответил: — Борьба империалистических держав за передел мира и делёж сфер влияния. Именно это мы сейчас и наблюдаем, разве нет? — и требовательно повторил: — Разве нет?

— Ну... да, пожалуй, — поразмыслив, ответил Сажин. — А к чему ты ведёшь?

— Общество у нас капиталистическое, это мы прояснили. А чьи интересы обязана представлять и защищать в таком обществе власть? Понятно, капиталистов, то бишь этих самых торгашей, о которых я тебе толковал. Не случайно же, что в Думе, что в Совете Федерации — особенно там — сплошь миллионеры с миллиардерами — их власть, им и править всласть. А в правительстве? Найдёшь ты в нашем правительстве хоть одного члена, который не был бы долларовым миллионером, а то и миллиардером? Может, назовёшь? Нет таких! Власть торгашей. Тебе это нравится? Мне нет, — Сажин открыл было рот, но Идальго поднял руку в останавливающем жесте: — Объясню почему. Какова природа, в чём суть любого торговца? Прибыль. Она же — нажива. Полагаю, это бесспорно. Вот наш президент делает ставку на национально ориентированный бизнес. Но у бизнеса нет национальности! У барыг вообще нет родины. Точнее, их родина там, где банковские счета и недвижимость, то бишь — а это в основном так — за рубежами, в офшорах. Следовательно, нами управляют люди, которым на Россию, по большому счёту, глубоко наплевать. Пока корова дойная — хорошо, а исласяло молочко — можно и на бойню.

Сажин почесал голову и взялся за бутылку.

— Уж очень ты, Георгий, того... Рассуждения у тебя какие-то кондовые, марксистско-ленинские. Но ведь у капитализма есть и очевидные преимущества.

— Ну-ну, — прищурился Реконкистов, пододвигая свою стопку, — назови. Мне даже интересно.

— Рынок, свободная конкуренция... — начал Николай.

— Пфф! — невежливо оборвал его Реконкистов. — Коля, не будь таким наивным.

Эту твою «свободную конкуренцию» сто с лишним лет назад похоронили сами же буржуазные экономисты. Нет, на заре капитализма так оно и было: множество мелких хозяйчиков свободно конкурировали друг с дружкой. Но в чём суть свободной конкуренции? Суть в том, что выживает сильнейший. Так? А раз так, это неизбежно ведёт к появлению сначала крупных хозяйств, а потом и монополий. А монополии — могильщики конкуренции. Монополисты всегда договорятся друг с дружкой. Картельный сговор называется.

— Допустим, — выдохнул Сажин, проглотив коньяк и потянувшись за лимонной долькой. — Пускай. Но, как ни крути, рыночная экономика эффективнее плановой социалистической.

Идальго, тоже опрокинувший стопку, поперхнулся и закашлялся.

— Здрате, приехали! — просипел он, уняв кашель. — Ты оглянись вокруг-то. Какая, к лебедям, эффективность? Где отечественные самолёты, пароходы, станки и машины? Куда подевались, угодив в потные частные ручонки, заводы «Москвич», «ЗиЛ», «Динамо», «Рубин» и сотни других предприятий-гигантов? Где, наконец, российские телевизоры, компьютеры, холодильники и стиральные машины? Даже наручных часов не сыщешь днём с огнём! А ведь всё это было.

— Ну, не знаю, не знаю, — хмыкнул Сажин. — Нам это всегда как аксиому: частная инициатива и прочее...

— Сейчас я тебе на пальцах растолкую, — Реконкистов пошарил вокруг взглядом, взял со столика складной нож-«бабочку», которым нарезал лимон, и продемонстрировал его Идальго. — Допустим, некое частное предприятие мастырит ножи. Нож стоит дороже металла, что пошёл на его изготовку, так? Это и есть прибыль, понимаешь?

— Ты уж мне, как ребенку, — возмутился Николай. — Я не отстаю в развитии и про прибыль понимаю.

— Ты дослушай! Прибыль эта образуется за счёт вложенного в изделие труда. Теперь как она распределяется при капитализме? Часть уходит на зарплату работников и другие обязательные платежи: аренда там, то, сё; часть — государству в виде налогов, как правило, по разным схемкам оптимизации, то бишь по минимуму. Всё остальное — предпринимательский доход — в карман собственника и тратится на яхты, виллы, футбольные клубы и прочие утехы.

— Ну, а при социализме этот доход забирает не хозяин, а государство, вот и вся разница.

— Верно, забирает. И тратит на медицину, науку, образование, пенсии и прочую социалку. То бишь возвращает гражданам. Ну и на оборону, понятно. А чтоб ты понимал, какой кусок пирога достаётся буржую, такой тебе наглядный пример: водоизмещение частных яхт наших олигархов превышает совокупное водоизмещение всего Военно-морского флота России. Нормально? Прочувствуй, как говорится, разницу. Так что капитализм, он и впрямь эффективнее, но лишь для одного класса — для самих капиталистов.

— Сдаюсь! — поднял руки Сажин. — Тебя не обспорить. Я-то марксистско-ленинскую мифологию в студенческие годы не изучал...

— Зря ты так, — покачал головой Идальго. — Марксизм-ленинизм не мифология, а наука. Почитал бы — понял, чай, не глупый человек, я же вижу.

— Спасибо, — склонил Николай голову в шутовом поклоне.

Идальго снова погрозил пальцем.

— Я серьёзно. Не веришь теории, взгляни на факты: буржуазная Россия русско-японскую в девятьсот пятом продула? С позором! Ни одного сражения — ни на суше, ни на море — не выиграла. Первую мировую продула? С треском! А почему? На второй год войны капиталистическая промышленность уже не в состоянии была обеспечивать фронт даже самым необходимым. Между прочим, тогда, к четырнадцатому году, все наши банки либо прямо принадлежали, либо контролировались германским капиталом. Чего ж тут было ожидать? Зато уж частные поставщики — торгаши — на армейских закупках нажились всласть. В шампанском купались, когда простой народ хлеб получал по карточкам. А теперь возьмём Россию социалистическую. В сорок первом единственным нашим союзником против объединённой четырёхсотмиллионной Европы, со всей её экономикой, кто был? Монголия! И ничего — сдюжили. Штаты с Британией когда открыли второй фронт? В июле сорок четвертого. Когда свою страну мы от нацистов уже очистили и вышли к западным границам. А почему? Испугались, что рабоче-крестьянская Красная армия закончит войну не в Берлине, а в Париже! Англосаксы до последнего рассчитывали разверстать послевоенный мир с Гитлером, пускай только тот сломает хребет большевистской России. Ан, не вышло — пришлось, хоть не хошь — со Сталиным. И ведь мы потом ещё Японию разгромили — полуторамиллионную квантунскую армию — отвоёвав потерянные царской Россией, по итогам провальной русско-японской, пол-Сахалина. И Курилы присовокупив заодно... А

уже в сорок седьмом в СССР отменили продуктовые карточки. Та же Англия, между прочим, лишь в пятьдесят четвёртом. Вот назови мне хоть одну войну, которую СССР проиграл?

— Ну, холодную-то войну проиграл.

— Враки! — отрезал Реконкистов, резанув воздух ребром ладони.

— А что, выиграл, что ли?

— Советский Союз не проигрывал Западу в холодной войне, повторяю. В восемьдесят седьмом страна свернула с пути социалистического развития, а в девяносто первом случилась буржуазная контрреволюция. Под эгидой перерожденцев из высшей партноменклатуры. Их, видишь ли, уже не удовлетворяли обычные должностные привилегии, им захотелось дворцов, зарубежных счетов и океанских яхт. Вот по причине прямого предательства с их стороны да ещё сговора этих ренегатов с национальными элитами союзных республик — а те жаждали самовластья — Союз и прекратил своё существование. А так называемая «новая Россия» окончательно отказалась от всех завоеваний социализма и от советской власти заодно. Всё! Социализм тогда кончился. Произошёл возврат в прошлое, в дореволюционное прошлое. Так вот, эта самая «новая» капиталистическая Россия холодную войну, да, проиграла. Что закономерно. И является лишним доказательством моей правоты. Усёк? Давай-ка закурим.

Спорщики одновременно закурили и минут пять, под гипнотический перестук вагонных колёс, созерцали пробегающие за окном пейзажи. От выпитого коньку Сажин порядком размяк и пребывал в благодушном настроении. «Всё-таки симпатичный тип, этот Идальго, — искоса поглядывая на соседа, думал он, — даже замечательный, по-своему. И зачем я с ним спорю? Ведь знаю же, что он прав, а всё равно спорю».

— Беда ещё вот в чём, — глубоко затянувшись, заметил Реконкистов. — В самое ближайшее время нам предстоит решающая битва с коллективным Западом... Чего ты кривишься-то? Попомни мои слова, Коля: это случится совсем скоро, ещё при нашей с тобой жизни. Нас ждёт не просто война. Это будет Рагнарёк. Армагеддон! В общем, как в песне: последний и решительный бой. И при всём при том положеньице-то у нас сегодня — у России — аховое. Похуже, чем тогда, в сорок первом. Мы ж — чего уж тут! — сами допустили расчленение страны, то бишь своими руками воплотили голубую мечту Гитлера. Даже единый славянский народ умудрились распахать по национальным квартирам. Плюс уничтожили собственную промышленность. А Центробанк превратили в филиал Федеральной резервной системы США. Встроились, едрёнах, в глобальный рынок по самое не хочу! Спасибо Горбачёву с Ельциным. Да и теперешняя власть следует тем же фарватером. Запад же, напротив, един как никогда. Англосаксы под себя всех подмяли, всю Европу. От так от, Николай...

— Страшно, аж жуть, — Николай усмехнулся, раздавил окурок и щелчком отправил его в окно. — А что случилось с нашей «ядерной триадой»?

— С триадой всё в порядке. Только это крайний аргумент, типа «так не доставайся же ты никому». Ядерное возмездие — аргумент проигравшего. На ближнем горизонте у нас — экономическая блокада, информационная война и череда прокси-войн на сопредельных территориях. Вот если не сдюжим на тех фронтах, тогда — куда деваться? — тогда бахнем. Как говорится, весь мир — в труху.

— И как полагаешь? Не сдюжим?

— Сам, Коль, прикинь: Россия сегодня — часть мировой капиталистической системы. С этим мы с тобой определились. А кто в той системе единовластный пахан?

— Штаты. И что?

— И то! Нельзя выиграть у хозяина казино. Потому и говорю: надо срочно менять вектор развития страны. На социалистический. Иначе беда. Катастрофа!

— По сути-то я с тобой согласен, вот только... что ты предлагаешь? Опять революция? Я лично стою за эволюционный путь развития.

Реконкистов поцокал языком:

— Многие думают, что эволюция — синоним прогресса. Дескать, это путь от низших, примитивных форм к высшим, более совершенным. Но ведь это не так. Тебе любой ученый-эволюционист подтвердит. Беда в том, что эволюция — приспособление живых организмов, путём естественного отбора, к окружающей среде. А это предполагает, что развитие жизни не всегда и не обязательно идёт от низших форм к высшим. Возможен и регресс. Если того требует среда. Ты ж, Николай, образованный человек и знаешь не хуже моего, что некоторые организмы в процессе этой самой эволюции утратили за ненадобностью, кто зрение, как землеройки или разные там паразиты вроде клещей, кто конечности, как киты и дельфины, а кто и мозг. То бишь эволюция может вести к упрощению, даже к дегенерации. Вот и в нашем случае наблюдается явный регресс, когда паразиты-торгаши взяли реванш. И здесь мы как раз видим работу законов эволюции в действии. Но, Николай, развитие человеческого общества тем и отличается от общей эволюции природы, что во внимание и в расчёт принимаются не

только выгода и выживание, но и такие отвлечённые понятия, как свобода, равенство, братство... справедливость, наконец.

— Либерте, эгалите, фратерите, — вставил Николай.

— Вот-вот. Подлинный прогресс общества возможен только в результате — и как итог — революционных преобразований. То бишь осмысленных и организованных. В рамках природы это невыполнимо, революция возможна только как продукт осмысленного движения человеческих масс. Я хочу сказать, что революция — это привилегия разумных существ, восставших против извечных законов эволюции.

— Революция — привилегия разумных существ, восставших против законов эволюции, — повторил Николай. — Звучит убедительно, однако... Выходит, всё-таки революция?

Реконкистов глубоко вздохнул и наполнил рюмки.

— Беда в том, Николай, что социальная революция сейчас по факту невозможна. Народ отравлен, зомбирован перманентной пропагандой, теле- и интернет-лапшой, регулярным охаиванием всего, мало-мальски относящегося к социалистическим ценностям. Ты-то, Коля, считай, не застал той эпохи, поэтому не замечаешь...

— Здесь соглашусь, — прервал его Сажин. — Вранья много. Брешут даже и по мелочам. Вот только вчера услышал по ТВЦ, дескать, в советские годы покупка трески была большой удачей, а про креветки народ вообще слыхом не слыхивал. А ведь брехня! У меня в детстве жил ангорский кот, Тихоном звали, он в нашей семье появился ещё до моего рождения, но и при мне прожил ещё лет десять. Так вот, жрал, гад, одну эту самую треску, каждый день. Больше ничего не признавал. Как сейчас помню, пятьдесят шесть копеек за кило. Дашь ему хек, так он нос воротит. Если и пожуёт, то без всякого удовольствия. Я к тому, что ни разу за все эти годы не было проблем с его кормёжкой. Это я хорошо помню. А сам я треской и хеком тогда брезговал — кошачий же корм.

— Вот-вот! — закивал Реконкистов. — А про креветки разве не та же брехня? Что ж я тогда в студенческие годы потреблял под пивко? Зайдёшь, бывало, к друзьям-приятелям в семейное общежитие на проспекте Вернадского, купишь в ближайшем рыбном креветок, или там ещё продавались такие огромные крабьи ноги, и на общей кухне сваришь по-быстрому. Красота! И ведь креветки-то были хотя и не королевские, зато настоящие, природные, а не нынешние мутанты, выращенные в грязных сточных прудах на кормах с пестицидами да антибиотиками... Это, понятно, мелочи. Но ведь во всём так! Я тебе вот что скажу, — он подался вперёд и понизил голос. — Это целенаправленная информационная политика, дабы оболванить новые поколения. Слушаешь, слушаешь и даже сам начинаешь верить про «империю зла». Втюхивают ведь круглосуточно, как мы плохо жили. А детям, тем и вовсе со школы выедают мозги. Потому я и говорю — социалистическая революция сейчас абсолютно невозможна. Ну, к примеру, скovyрнут некие барбудос нынешнюю власть, а кто придёт ей на смену? Новая семибанкирщина? Кто воспользуется плодами победы? Уж никак не левые силы. Социалистическая идея сегодня дискредитирована донельзя. И это, Коля, сделано намеренно, чтобы подстраховаться. Случись даже социальный взрыв, он приведёт лишь к перераспределению собственности между своими. Ну, вон как на Украине. Так что, прежде социальной нужна информационная революция.

— Шабаш, хватит политики, — сказал Николай, испугавшись, что разговор сползёт на бесконечную и болезненную украинскую тему, — вернёмся к личностям. Как я понял, частный сектор тебе тоже пришёлся не по нутру. И что ты теперь? Пенсионер?

— Не совсем. Сотрудничаю с одной общественной организацией, — уклончиво ответил Георгий. И вдруг кардинально сменил тему: — Давно мозолями маешься?

— Что? Какими мозолями? Ты о чём?

— Да вот, гляжу, у тебя один ботинок на размер больше другого, — Реконкистов кивнул на левую кроссовку Николая.

— А-а... Ты вот про что. Нет, это из-за артрита. Ревматоидный артрит у меня, — Сажин никому и никогда не говорил про свой лишний мизинец. Он и сам толком не знал почему, но тема эта его изрядно напрягала. Если, как сейчас, кто-нибудь обращал внимание на разномерную обувь, Николай отговаривался артритом или бурситом стопы. — А к чему ты вдруг?

— Не бери в голову, — махнул рукой Георгий, — это профессиональное. Профессиональная деформация личности. Привык, понимаешь, вычленять в каждом человеке особые приметы.

— Слушай! А как ты узнал, что я направляюсь в Чухлому?

— Ты мне сам сказал.

— Нет, — медленно произнес Сажин, — не говорил.

— Разве? — поднял бровь Реконкистов и пожал плечами: — Значит, от проводницы.

— Ей-то откуда знать? У меня билет до Галича, в Чухлому поезда не ходят.

— Вот! — поднял палец Георгий. — Выходит, ты сам давеча упомянул в разговоре про Чухлому. Иначе, сам посуди, откуда бы я это взял?

— Действительно... — засомневался Сажин.

— Ты лучше ответь, как ты намерен добираться из Галича до своей Чухломы? Пешедралом или на попутке?

— Очень просто, — самодовольно усмехнулся Николай. — Я всё разузнал заблаговременно. От Галича до Чухломы ходит автобус, а автовокзал — прямо в здании железнодорожного вокзала.

— Верно, — кивнул Георгий. — Только поимей ввиду, последний автобус отходит в 22.10, а в Галич ты прибудешь в десять вечера. Так что на всё про всё у тебя от силы десять минут, иначе придётся ночевать на лавочке.

— А вот за это спасибо! — порадовался Сажин. — Очень ценная информация, тебя мне прямо само провидение послало. И вообще... ты будто наперёд всё знаешь. Ты прямо-таки этот... как его? Вольф Мессинг!

— Мессинг был шарлатан, фокусник и враль. Сам про себя легенды сочинял и потом распускал для самопиара. Когда бы он и впрямь обладал такими сверхспособностями, что ему приписывают, зачем бы ему в цирке-то выступать?.. К слову сказать, я тут недавно прочёл любопытную статейку. В журнале «Наука и жизнь», про неандертальцев. Так вот, как известно, неандертальцы — не наши предки, они независимо произошли от питекантропов, то бишь приходятся нам родственниками, так сказать, по «прадедушке». Когда наши предки кроманьонцы пришли в Европу из Африки, там уже более сотни тысяч лет проживали эти самые неандертальцы. Порядка двадцати тысяч лет мы с ними сосуществовали, а потом не то их истребили, не то ассимилировали, а может, и то и другое. Короче, наш вид оказался жизнеспособнее. Ко всему у неандертальцев был популярен каннибализм, в том числе ритуальное пожирание собственных предков. Чтоб добро, хе-хе, не пропадало. Некоторые дикие племена Новой Гвинеи и сегодня практикуют подобное. Беда в том, что такие пищевые традиции способствуют распространению наследственных заболеваний. Вот так вот, Николай... Но не думай, что неандертальцы в умственном отношении стояли ниже нас. Совсем нет! Мозг типичного неандертальца по объёму даже превосходил мозг современного человека. Однако в отличие от нас, сапиенсов, у них были сильнее развиты затылочные доли и слабее — лобные. А лобные доли, если знаешь, отвечают, прежде всего, за логико-аналитическое мышление, затылочные же — за символическое. Следовательно, человек разумный, можно сказать, социальнее неандертальца. Ну, то бишь эффективнее обуздывает тёмные, животные инстинкты. Зато, если и есть какая-то реальная основа под всякими там телепатиями и магиями, то у неандертальцев это должно было присутствовать максимально...

— Да, я читал что-то такое, — покивал Сажин. — Так, может, у тебя, того... избыток неандертальских генов?

— Если бы, — вздохнул Георгий и посмотрел на наручные часы: — Ого! Десять минут девятого. Ну что ж, Коля, пора прощаться. Скоро моя станция... Знаешь, я очень рад нашему знакомству. Заявляю без всякой задней мысли. Приятно провести время с умным человеком.

— Взаимно, — заверил Николай.

— Спасибо. Но вот о чём я подумал. Нашей общественной организации нужен такой человек, как ты. Пишущий. Скажем, что-то вроде пиар-менеджера или пресс-секретаря. Не хотел бы посотрудничать? Оклад положим достойный.

— Спасибо, Георгий, — искренне поблагодарил Сажин, — только я дорожу своей независимостью. Сам же мне расписал «прелести» работы на хозяина. Нет, я — свободный художник. Почти.

— У нас хозяина нет! В том и фишка. Мы организация общественная, целей извлечения прибыли не преследуем. А управляет всем совет из числа членов самой организации. И свободы твоей никто не ущемит. Ходить на службу не надо, будешь работать на основе фриланса, дистанционно то бишь. Ну, знаешь, сейчас это модно. И загружать тебя шибко не будем, обещаю.

— Да ты толком и не рассказал, что у вас за общественная организация?

— Как тебе объяснить, — задумался Георгий. — Вот ты давеча согласился со мной, что в стране идёт массовая промывка мозгов, очернение как всех достижений советской эпохи, так и преимуществ социализма в целом?

— Факт очевидный.

— Во-от, — поднял палец Реконкистов. — А наша общественная организация имеет своей целью противостоять этому навалу клеветы и очернительства.

— Каким же макаротом? — хмыкнул Сажин. — Прокламации, что ль, лепите на фонарные столбы?

— Скажешь тоже. Путем публикации разоблачительных статей в тех же СМИ, ну

и... есть у нас и ещё кое-какие возможности, рычаги, так сказать, влияния.

— А! Готовите ту самую информационную революцию, про которую ты говорил?

— Скорее, пытаемся, по мере сил, сгладить последствия информационной контр-революции. На большее не посягаем. Пока.

— Любопытно. Нет, правда-правда. А... за чей счёт этот банкет? Финансирует-то вас кто?

— Иностранным агентом мы не являемся, если ты про это. Ни юридически, ни по факту. Чисто отечественная разработка. И, прошу заметить, всё в рамках закона, на легальных основаниях, как говорится.

— Всё равно туманно как-то и загадочно. Хотелось бы прояснить детали.

— Вступишь в наши ряды — будут тебе детали. Могу лишь сказать, идти против совести и убеждений никто тебя понуждать не станет. И вообще, обещаю не грузить чаще одного-двух раз в месяц.

— Ёлки-моталки! Чем не грузить? Ты всё вокруг да около.

— По профилю будем грузить, по профилю. Ну, напишешь пару статей в месяц для печатных или сетевых СМИ, не более того. Может, и менее. А оклад, заметь, положим твёрдый, независимо от объема работы. Скажем, тысяч восемьдесят. Для начала.

— Ого! — округлил глаза Николай. Перед его мысленным взором сами собой нарисовались радужные перспективы и приятные возможности. — Богато живёте, товарищи.

— Значит, по рукам? — прищурился Георгий.

— Ох... — заколебался Николай. — Заманчиво, что и говорить. Но всё ж таки дай мне время поразмыслить. Очень уж всё неожиданно.

Состав начал торможение. Реконкистов снял с багажной полки свой чемодан и протянул Николаю ладонь. Тот крепко её пожал.

— Подумай, Коля, подумай, — он сунул Сажину прямоугольный кусочек картона.

— Моя визитка. Там и мобильный, и е-мэйл. Надумаешь — звони или пиши.

Глава 6

Маленькая автостанция, где завершился маршрут Сажина, находилась, по всей видимости, на самой окраине города; невдалеке чернела стена леса. Прежде чем выйти из салона автобуса, Сажин поинтересовался у водителя, как ему найти в Чухломе гостиницу, чтоб прилично и недорого.

— А здесь одна, — пояснил шофёр. — Идите сейчас по улице Свободы к центру, до пересечения с Советской; как увидите церковь, сверните налево, и напротив памятника Ленину она и будет. Да на ней написано, не спутаете.

Улица, по которой отправился Сажин, была безлюдна и слабо освещена — лишь кое-где на деревянных телеграфных столбах висели фонари; впрочем, почти полная, лишь слегка на ущербе луна позволяла рассмотреть городскую застройку — в основном деревянные дома. Изредка попадались и каменные или со сложенным из кирпичей первым этажом. Заметив красивую бело-голубую церковь с шатровой колокольней, Николай повернул налево. В центре каменные здания встречались чаще — в большинстве своем постройки начала прошлого, конца позапрошлого веков. И освещение здесь было лучше.

На одном из домов он разглядел тускло мерцающую вывеску: «ГОСТИНИЦА». Здание было кирпичным, двух-, точнее, полутораэтажным, так как первый этаж глубоко — до середины окон — врос в землю, превратившись в полуподвал. Над средней частью гостиницы возвышался деревянный мезонин с ажурным железным балконом.

— Можно мне одноместный номер? — спросил Сажин у дежурной администраторши, сидящей в деревянной конторке с маленьким окошечком.

— Четырёхкопеечный есть, устроит?

— А цена какая?

— Пять сто сутки.

Николай присвистнул.

— Ладно.

— Давайте паспорт.

Взяв документ, дежурная предупредила: «Душ, туалет — в коридоре». Сажин только матюгнулся про себя.

— Николай Николаевич Сажин? — уточнила администраторша, поднимая голову и с подозрением рассматривая гостя.

— Как видите.

— У меня для вас тут оставили. Вот, — она протянула в окошечко заклеенный конверт, на котором крупными печатными буквами значилось: «Николаю Николаевичу Сажину лично в руки».

Николай распечатал конверт и достал сложенный вдвое тетрадный листок в клеточку. Там знакомым бисерным почерком было написано:

«Николай Николаевич, здравствуйте!

Я не знаю, воспользуетесь ли Вы моим приглашением, но коли читаете эту записку, значит, решились-таки приехать в наши пенаты. Ни в коем случае не останавливайтесь в гостинице. Во-первых, она Вам, столичному жителю, покажется весьма затрапезной, когда не хуже, а во-вторых, я Вам лично позже объясню, отчего этого не стоит делать. Да и к чему Вам тратить, когда у меня к Вашим услугам уютная свободная комната и даже с балконом? Стеснить Вы меня не стесните — я живу один, кроме того, именно мое письмо явилось причиной Вашего приезда сюда, и нам многое с Вами потребно обсудить, а потому никаких отговорок я не приму. Сейчас, как выйдете из гостиницы, поверните налево до первого перекрестка и спускайтесь вниз по Травяной улице. У самого Озера улица поворачивает направо и Вы — вместе с ней. Третий дом после поворота — с красными наличниками — мой. Жду Вас с нетерпением, Ваш В.А. Таганов».

Травяная улица, пролегающая между двумя рядами бревенчатых изб, на которую, следуя указаниям Таганова, свернул Николай, в этот поздний час оказалась абсолютно пустынной. Пешеходная дорожка отделялась от проезжей части канавой, густо заросшей травой, но была столь узка и ухабиста, что чемодан то и дело заваливался набок, поэтому Сажин, подняв его за ручку, перешёл на середину дороги, благо, никакого транспорта в пределах видимости не наблюдалось.

Впереди засеребрилась широкая лунная дорожка на чёрной глади Чухломского озера. Значит, он почти у цели. Когда улица поворотила направо и пошла вдоль пологого озёрного берега, Сажин принялся считать дома: первый, второй... а это что, дом или сарай? Он прошёл дальше и увидел бревенчатую избу с мансардой и кованым железным балконом, как он успел заметить, являющимся характерной особенностью здешней архитектуры. Все два окошка в доме теплились желтоватым светом; их обрамляли резные ярко-красные наличники. По узенькой утоптанной тропинке, проложенной во флоксовых зарослях, источавших в ночи густой пряный аромат, он обошёл дом со двора, поднялся на скрипучее крыльцо и трижды постучал.

Дверь отворилась сразу, будто хозяин караулил в сенях.

— Здравствуйте, — неуверенно поздоровался Сажин с вышедшим на порог мужчиной с керосиновой лампой в руке. — Вы Таганов Виктор Антонович? Я не ошибся домом?

— Он самый, — пробасил хозяин. — А вы, надо полагать, Николай Николаевич будете?

— Да, я Сажин, — подтвердил Николай, разглядывая Таганова.

Автор загадочного письма оказался совсем иным, нежели представлял Сажин. Коренастый крепыш лет пятидесяти пяти, широкое загорелое лицо, обрамлённое русой бородкой, в уголках бледно-голубых, будто выцветших глаз залегли смешливые морщинки. Он порядком смахивал на Хемингуэя, недоставало только трубки. Сажин тут же, по всегдашней своей привычке, окрестил его про себя «Папа Хэм».

— Как славно, как замечательно, что вы решились приехать! — воскликнул Таганов, вынул из кармана широких штанов короткую вишнёвую трубку и воткнул её в рот. — Что ж мы стоим? Проходите в горницу. Добрый гость всегда в пору. Давайте, я с вещами помогу.

Несмотря на протесты, он отобрал у Сажина чемодан. Пройдя через тёмные, заставленные хозяйственным инвентарём сени, они попали в освещённую комнату, которую Таганов назвал горницей. Николай осмотрелся. Горница имела вид патриархальный, даже музейный: русская печь едва не в полпомещения, тяжёлый потолок из сплошного круглого накатника, стены, сложенные из гладко отёсанных брёвен, по стенам — широкие лавки. На специальных полках над ними расставлены всевозможные предметы старинного домашнего обихода: горшки, угольные утюги, медные ковши и кувшины; по стенам развешаны коромысло, ухват, широкая деревянная лопата для отправки хлеба в печь (Николай позабыл её название); в одном углу стояла ступа, в другом — прялка с веретеном и окованный почернелым железом вещевой сундук. Снижал впечатление старенький пузатый телевизор «Sony» с электронно-лучевой трубкой в красном углу. Там же стоял покрытый кружевной скатеркой стол с латунным самоваром и три массивных стула с высокими прямыми спинками.

— Пойдёмте, я вам сразу покажу вашу комнату. Освежитесь с дороги — умывальник там есть. Остальные удобства, увы, во дворе. А после мы с вами отужинаем.

Таганов снова подхватил чемодан и по узкой лестнице поднялся вместе с Николаем на мансардный этаж. Предназначенная Сажину комната с низким, скошенным по бокам потолком несколько напоминала гроб, но в целом выглядела уютно. По левой стене разложилась железная пружинная кровать с шпалочками, над ней висел коврик с лебедями и удящим рыбу котом, у окна — массивный письменный стол, а по правой

стене — книжный стеллаж от пола до потолка. В пристенке рядом с дверью крепилась навесной рукомойник с подставленным под него эмалированным ведром; рядом с гвоздзя висело чистое вафельное полотенце.

— Вообще-то это мой, так сказать, кабинет, — пояснил Виктор Антонович. — Тесновато, согласен, но жить ведь можно?

— Вполне, — согласился Сажин.

— Вот и хорошо. Тогда располагайтесь, а я пока разогрею ужин.

Где-то через полчаса Николай сидел вместе с хозяином за столом в горнице. Нехитрый ужин — макароны «по-флотски» — был съеден, и теперь Сажин с Тагановым чаёвничали. Чай был крепким и ароматным, явно с добавлением каких-то душистых трав.

— Понимаю, — начал Таганов, до того попросивший гостя оставить все вопросы на после трапезы, — вам не терпится узнать о результатах моих изысканий, про которые я вам писал, так?

— Конечно. А ещё вы намекнули в письме о некой грозящей мне опасности.

— Это всё взаимосвязано. Но прежде я дам вам прочесть один документ исторического, не побоюсь этого слова, значения. Да-да, не улыбайтесь, Николай Николаевич. Впрочем, нет. Сначала я расскажу, каким образом этот документ попал мне в руки. Дело было так... Некогда у нас в Чухломе имелась своя городская библиотека. Весьма неплохая, замечу. Ваш покорный слуга являлся её завсегдатаем. Особенно мне нравилось копаться в библиотечном архиве, запаснике, так сказать, где хранились со всем ветхие издания и всякие старые документы. Я, знаете ли, всерьёз увлечён историей нашего города и даже, между прочим, написал книжку. «Чудный город Чухлома» называется. Но об этом после... И вот однажды мне на глаза попала папка, зелёная такая с тесёмочками, а в ней — кипа исписанных листов. Листочки все жёлтые, в «лисых» пятнах, а рукописный текст — с ятями, ерами, фитами да ижицами, то бишь писан, очевидно, до орфографической реформы восемнадцатого года. Я, понятно, заинтересовался, стал читать. И что же? Хотя начало рукописи отсутствовало — думаю, утрачен лишь самый первый лист — по всем приметам выходило, что эти листки — неизвестное письмо Павла Ивановича Мельникова-Печерского, адресованное Владимиру Ивановичу Далю. Вы, верно, знаете, что Мельников-Печерский был коротко знаком с автором «Толкового словаря живого великорусского языка» и даже три года жил в его московском доме на Большой Грузинской. А впервые познакомились они еще в Нижнем. По ходу чтения я понял, что, судя по многочисленным поправкам и пометкам, мне в руки попал черновик. Само же письмо, как мне думается, так никогда и не дошло до адресата. Черновик датирован не был, но поскольку речь в бумагах шла об изыскательской поездке Мельникова-Печерского в эти места по поручению тогдашнего министра внутренних дел Тимашева, мне без особого труда удалось установить, что описываемые автором события относятся к лету 1869 года. Хотя само письмо писалось спустя год после той поездки. А возможно, и позже. Содержание этого неотправленного письма настолько поразило мое воображение, что... Впрочем, лучше прочтите его сами, вот оно.

Таганов выгнул откуда-то из-под стола и передал Николаю линялую зеленую папку. Сажин развязал тесёмки; внутри, как и говорил Таганов, находилась нетолстая пачка листов, исписанных выцветшими от времени чернилами. Николай взглянул на рукопись, потом на хозяина, хмыкнул и начал читать.

«Всей душой надеюсь, что и вы, любезный мой Владимир Иванович, в столь же добром здравии ныне пребываете. Но вернемся к приключившейся со мною поистине диковинной истории. И хотя в прожитом времени много было мною видано, много слышано и немало такого знаемо, что весьма немногими знаемо, эта история стоит особняком, в силу её особенной удивительности. При всём том смею вас уверить в её полной правдивости. Во всяком случае рассказ мой коснётся лишь тех событий, которые сам видел и про которые сам слышал. А как вам, Владимир Иванович, ведомо, Бог дал мне хорошую память, и где я ни был бы, что ни видел, что ни слышал, всё твёрдо помню. И когда вздумается мне про то писать — пишу по памяти, как по грамоте, согласно старинному присловью. Коли изложение мое не стройно окажется — простите покорно, но представляя, что стало мне известно, не смею дозволить себе для большей стройности изложения что-либо переиначивать. Так вот, продолжаю.

Из Нижнего я выехал двадцать первого июня вместе с моим старинным приятелем Константином Николаевичем Бестужевым-Рюминым. Вам он также хорошо известен. Помните, в свое время вы весьма высоко оценили его статью о современном состоянии русской исторической науки в «Московском обозрении» за 59 год?»

Тут на Сажина напала непреодолимая зевота, а замысловатая вязь старинного почерка стала предательски расплываться.

— Что ж это я! — воскликнул Таганов. — Вы ж, считай, целый день в дороге, а я вас грузю по полной. Ложитесь-ка, Николай Николаевич, сейчас спать, а завтра с утра дочитаете, и мы все с вами обсудим.

— Да, глаза прямо слипаются, извините, — зевнул Сажин.

— Спать, спать, немедленно спать.

Глава 7

Но, удивительное дело, стоило Сажину лечь в кровать и выключить свет, сон точно рукой сняло. О какой такой «поистине диковинной истории» повествуется в письме? И каким боком она может касаться его, Николая Сажина? Да и вообще, как письмо, написанное без малого сто пятьдесят лет назад, способно таить для него опасность? Такие и подобные мысли заставляли ворочаться его с боку на бок, а металлическая сетка под тощим матрасом аккомпанировала им ехидным поскрипыванием. Наконец, плюнув, он включил настенное бра, взял со стола рукопись и вновь углубился в чтение.

«Пропускаю дальнейшие не относящиеся к моей истории события и перехожу... — (Это неоконченное предложение было зачеркнуто). — Когда мы с ним были в Урене, у самой границы Вятской и Костромской губерний, на постоялый двор, где мы остановились на ночлег, прискакал посыльный с запиской от капитан-исправника Чухломского уезда Ивана Андреевича Кокорина. В той записке исправник писал, адресуясь ко мне, что, как ему стало известно, что я нахожусь здесь по прямому указанию Александра Егоровича Тимашева с поручением провести изыскания о состоянии дел в северных губерниях, так он настоятельно просит посетить его уезд, поскольку-де в одной из деревень Алешковской волости творятся большие непорядки: завелись там якобы некие сектаторы — не раскольники и не хлысты, коими в Заволжье никого не удивишь, а какая-то вовсе неслыханная секта; и творят те сектаторы всякие безобразия и даже похищают для своих ритуальных целей местных девок. А продолжается-де это уж неведомо сколько лет — издавна, только прежнее полицейское начальство это всё под сукно прятало, а он, Кокорин Иван Андреевич, хочет оное непотребство вытащить на свет божий и пресечь. Но человек он на должности новый, опыта не достаёт, при этом немало наслышан о моих прежних успехах в борьбе с расколом и ересями, о ревностном исполнении служебного долга и неумолимой суровости, с каковой я приводел в единоверие керженские и чернораменские скиты, а потому обращается ко мне с просьбой оказать помощь и содействие в расследовании, дабы изобличить фанатиков-изуверов, привлечь их, — (следующие два слова были вымараны), — и прочая.

После ознакомления с сей запиской, мне на память поневоле пришёл рассказ (весьма недурной, кстати, а вот название позабыл) Алексея Феофилактовича Писемского, пропечатанный лет пятнадцать или более назад в «Современнике». В нём тоже ведётся речь о таинственных пропажах девок, приписываемых народной молвою лешему. Причём действие, помнится, разворачивалось именно что в Чухломском уезде! На проверку же разъяснилось, что всё это пустяки и виновник пропаж не в меру сластолюбивый барский управитель. Итак, изначально достоверность полученных сведений вызвала у меня серьёзные сомнения. Тем не менее, я тут же собрался и немедленно выехал. Константин же Николаича оставил за себя в Урене.

И вы меня, Владимир Иванович, знаете: мог ли я устоять, услышав про неведомую и дотоле неизвестную мне секту? Да и вправе ли я был исключать возможность существования оной? Уж с какими нелепыми, небывальными и изуверскими сектаторами не доводилось мне сталкиваться за годы службы! Чего стоят те же хлысты или скопцы, я уж не говорю про морельщиков, детоубивателей, самосжигателей, шелапунов и многих-многих других, обитавших и донныне обитающих в Брынских лесах нижегородского и костромского Заволжья. Признаться, польстило мне и сдланное исправником упоминание о прежних моих заслугах и победах. Хотя заслуги те далеко не всем пришлись по нутру. Керженские беглопоповцы, к примеру, иначе как «сыном пагубы, отступником Христовым» меня не именуют, говорят, что я-де знаком с чертями и при моём появлении гаснут свечи. В тех местах по сию пору ходит про меня одна легенда: дескать, когда я ночью увозил из Шарпана икону Казанской Богородицы — великую их шарпанскую святыню, то на плотине у речки Белой Санохты, под Зиновьевом, вдруг ослеп. И хотел, устранившись, тут же бросить ту икону в реку, но дьявольским научением отвращён был от этого; зато потом мне от дьявола же зрение возвратилось. Вот ведь оно как! Вам ли, друг мой, не знать, какая это сушая ерунда, сколь далеко это от истины. Да, я всегда был и остаюсь врагом религиозного фанатизма, аскезы и начётничества. — (Оба последующих предложения автор перечеркнул). — Впрочем, я, кажется, вновь вдаюсь во многоглаголатие, а поспею вернуться к предмету настоящего письма.

Опуская подробности поездки, перехожу сразу к встрече с исправником Иваном Андреевичем Кокориным, каковая состоялась в назначенном им месте — в деревне Филино Алешковской волости Чухломского уезда. Иван Андреевич оказался мужчиной в летах, но помоложе меня — лет этак сорока с гаком, представительной наружности и статного сложения. Он с первого погляда произвёл на меня самое благоприятное впечатление: в прошлом боевой офицер, участник трагической для нас Крымской войны, на груди — медали за оборону Севастополя и за усмирение недавнего польского мятежа (последняя — из светлой бронзы — порадовала меня особенно), значит, побывал в переделках; речь обстоятельная, манеры исполнены достоинства. В общем и по всему, человек на этой должности не случайный. В становой квартире, где ожидал меня капитан-исправник, присутствовали, помимо него, также местный преподобный — тонкий да звонкий, седой как лунь старец с козлиной, — (последнее слово вычеркнуто), — с жидкой бородёнкой, какие обыкновенно изображают у китайских мандаринов; ещё дюжий рябой дегтина с отёчным лицом и востроглазый мужик лет тридцати с курявой русой шевелурой.

— Имею честь представиться: чухломской земский исправник Кокорин Иван Андреевич, — отрекомендовался исправник. — Спасибо, Павел Иванович, что не оставили мою просьбу без внимания. Это вот, — исправник указал на преподобного, — отец Зосима, священник церкви Ильи Пророка села Верхняя Пустынь, он здесь на правах старожилы, хранителя, так сказать, преданий старины глубокой, ну и от духовных властей. А эти господа, — кивнул он на остальных, — представители уездной полиции, которые, так сказать, сопричастны и, гм... будут полезны. Вот здешний хозяин — становой пристав...

— Степан Звонов, — просипел рябой дегтина, распространяя вокруг злой водочный дух. И зачем-то добавил: — Не имеющий чина, из чухломских мещан.

— А этот вот, сотский Ефим Турусов. Он местный, филинский, и сможет засвидетельствовать, поскольку всё, так сказать, на его глазах...

— Точно так-с, вашбродь, — потряхнув кудрями, подтвердил сотский.

Перезнакомившись таким образом, мы сели чаёвничать. Стол уж был накрыт.

— Ну что же, Иван Андреевич, рассказывайте, какая такая диковинная секта у вас завелась, — спросил я исправника, — которая девок уводит. Между прочим, личность последней похищенной известна?

— Известна, Павел Иванович, как неизвестна, — несколько смущённо подтвердил исправник. — Впрочем, полагаю, правильное, если про неё вам расскажет пристав Звонов как лицо, изначально владеющее всеми, так сказать, деталями... Докладывай, Степан!

— Слушаюсь, ваше высокобродие! — вскочил пристав.

— Ты, Степан, чаю, что ли, похлебай, — поморщился исправник, — а то несёт, как из бочки. Нехорошо, братец, право нехорошо.

— Чай нам не по нутру, — пробурчал пристав, переминаясь с ноги на ногу.

— Известно! Было бы вино поутру. Тогда пожуй чего-нибудь, вон хоть баранку. И садись, не на плацу же.

— Да, давайте без церемоний, — поддержал я. — Время дорого — пропал человек, а мы политесы разводим.

Пристав послушно пихнул в рот баранку и продолжил с набитым ртом:

— Пропавшую зовут Настасьей Теляевой, девка неполных семнадцати лет, тушняя она, филиновская. Пропала четверо суток назад. Сегодня только сыскалась...

— Как сыскалась? — не понял я.

— Сама воротилась, — пояснил пристав.

— Стало быть, и пропажи никакой нет? Может, и с сектой та же история?

— Так ить она не целая воротилась.

— Что значит «не целая»? Надругались, что ль, над нею?

— Про это самое ничего не знаю, поскольку девка не в себе сделалась, полоумная. А не целая, потому как у ней три пальца — мизинец, средний и безымянный — на правой руке напрочь откушены.

— Откуда известно, что именно откушены? — уточнил я. — Может, отхватила серпом, топором оттыпала или ещё как?

— Таково заключение земского доктора Колокольского, который осмотрел её по моей просьбе, — вставил исправник.

— Сама-то как объясняет? — спросил я.

— Говорю ж, вашбродь, не в уме девка. Бормочет что-то про «чудь белоглазую», которая её в Чудь-гору утащила, и там, в той Чудь-горе, двое суток держала. А она отшель как-то сама сбегла, а после ещё двое дён плутала по лесу, ягодой да грибами питалась, покудова не вышла к соседней деревне Чурилово. Ещё бает про чудского божка Кузю, которому-де её в жёны там уготовили.

— Вы же понимаете, Павел Иванович, — вновь вступил в разговор исправник, — что

не стал бы я вас беспокоить из-за какой-то пропавшей девки. Не столичному же начальству эдакими делами заниматься. Тут важно, что не первая она такая. Как я вам и писал, тут действует стародавняя и притом тайная секта.

— Давайте по порядку и с самого начала, а то мы этак до сути никогда не доберёмся, — предложил я.

— По порядку вернее, — согласился исправник. — Тогда предлагаю следующий порядок: пускай сначала пристав Звонов изложит обстоятельства нынешнего похищения Настасьи Теляевой, а сотский Ефим дополнит, как и отчего. А после того отец Зосима расскажет, что в здешних местах известно про секту (или кто там эти лешие?), пояснит, так сказать, предысторию вопроса. Я же со своей стороны представлю обстоятельства, ставшие мне известными по ходу следствия.

— Давайте так, — согласился я. — Только я хочу после сам ту Настасью допросить.

На том и порешили.

(Далее был густо вымаран целый абзац; Сажин не стал его разбирать, а перешел к следующему).

Но я уже вижу, Владимир Иванович, что письмо мое стремительно превращается в беллетристический рассказ и едва ли не в духе Эггара Поэ, а посему, дабы не затягивать повествования, изложу своими словами содержание дальнейшей беседы, а также того, что поведала мне девица Настасья, которую я допросил в тот же день.

Со слов пристава Звонова и сотского Ефима выходило, что Настасья Теляева пропала с 23 на 24 июня, аккуратно в ночь на Иванов день. Вы, Владимир Иванович, знаете, что купальскую ночь во многих местностях Заволжья по сию пору празднуют, несмотря на очевидно языческий характер этого праздника. Как ни старалась церковность истребить всякие остатки языческой обрядности, много обломков древней старорусской веры доселе сохраняется в нашем простонародье. Вот и Настасья отправилась на закате с подружками на речку Вексу жечь костёр, купальные травы да банные венчики собирать, ну и в Вексе купаться, понятное дело. Пошла, а назад не вернулась. Подружки божились, что была она с ними до последнего; и они только тогда её хватились, как засобирались по домам; искали и кликали до самых петухов, потом вернулись с мужиками, но всё попусту — Настя как в воду канула. Да только в той речке Вексе не утонуть — больно мелка и омутов рядом нет. Думали разное: залутала в лесу, лихого человека встретила, а то мог медведь заломать, в чухломских лесах их про пасть.

А утром, в день моего приезда, её бесчувственной нашёл пастих, в березняке у поля, что возле деревни Чурилово, в пятнадцати верстах от Филино. Вместо сарафана на ней дерюга граная, сама с ног до головы исцарапана, точно через ежевичные кусты напрямки ломилась, и трех перстов на правой руке не хватает. Уже дома — а жила она без матери, со вдовым отцом, мужиком непутным, запойным, который даже и в поисках дочери не участвовал, а все дни провалялся пьяным, — маленько прочувствовавшись, Настасья поведала, что когда она с другими деревенскими девками купальные травы собирала, позвал её из лесу, из-за сосенки, некий голос, ласковый такой, шепотливый, вроде женского, по имени позвал: «Подь-ка сюды, Настасьюшка, подь, голуба-душа, глянь-кось, чего у меня есть для тебя». Девка сначала поостереглась, хотела подружек кликнуть, а голос снова: «Ты только не говори никому: у меня от матушки твоей гостинец, как помирала, горемычная, наказала передать тебе на Иванов день, во купальскую ночь». Осмотрелась Настасья: костёр весело горит, потрескивает, луна, от реки отражаясь, ярко светит, вокруг видать всё, ровно белым днем, да и подружки вот они, рядом, в речке плещутся, песни поют. Чего бояться? Она и зашла за сосенку-то. Зашла, глядь, никакой женщины там и нет, а стоят три мужичка: гробные, ниже её ростом, бородами по самые глаза поросли, а глаза — белые-белые, только зрачки угольками чернеют. Скумекала тут Настёна, что это её чудь белоглазая заманивает, хочет своему богу Кузе в жёны отдать. Дернулась прочь, да куда: сзади ей руки-ноги обхватили, повалили наземь, на голову мешок или что другое нахлобучили; она девок на помощь звать, да сквозь мешок не больно покричишь, а за смехом девичьим и песнями купальскими те, видно, не услышали, а тут ей рот зажали и уволокли в лес. Тащили долго, она все брыкалась, норовила вырваться, убежать, тогда похитители сделали остановку, всю её с головы до пят лыками обвязали и дальше понесли.

Очнулась она в какой-то каморе без окон вроде чулана; лежит она, развязанная уже, на свежей соломе, вдоль стен — не то каменных, не то глинобитных, не разобрать — толстые сальные свечи горят, будто в храме на двенадцатый праздник, а супротив неё, у самого изголовья, на корточках, по-татарски, сидит гег: страшный, жёлтый, тощеватый такой, но без бороды — лицо скоблёное, а на глазах стёклышки, «как у фершала», только синие. И принялся тот жёлтый гег её уговаривать да начинать, чтобы вела себя послушно, делала всё, что ей велят, и тогда-де будет ей счастье великое: примет её бог Кузя в законные жёны, и станет она как сыр в масле кататься — в золоте ходить, в руках серебро носить — ни в чём отказа иметь не бу-

дет. Ну а ежели супротивиться или того хуже — бежать удумает, то вовек уж белого света не увидит. И ставит перед ней липовую плошку, по виду с кашей, только вроде как с грибами, и строго так велит: «Ешь! Кузя до тощих девок не охотник». Настя не посмела перечить и поела той каши. А как поела, разморило её шибко и на сон потянуло. Долго ли спала, коротко ли, она не знает, только как очи размежила, видит, старуха над нею склонилась — чистая Яга! Горбатая, простоволосая, лохмы седые до пупа висят, нос в подбородок упирается, а изо рта три зуба щеряются. Проскрипела та карга что-то не по-нашему и ткнула узловатым пальцем в большую бадью с водой, которую, видно, пока Настя спала, в камору притащили, и руками эдак показывает, дескать, полезай мыться. Девка поначалу головой крутила, но ведьма как зашипит на неё, точно кошка бешеная, Настасья, делать нечего, скинула с себя сарафан и залезла в бадью. Ведьма сама её помыла жестким мочалом, выскоблила ровно чугунок, едва кожу не ободрала. Настасья, ничего, вытерпела и это, напугана была шибко. После мытья старуха забрала её сарафан, кинув взамен дерюжку, чтобы наготу прикрыть, и принесла ей снова плошку с грибной кашей, а сама скрылась в узкой дыре, что зияла в стене узилища этого, и в которую, только в три погребели согнувшись, можно было залезть. Тут уж девка смекнула, что каша та сонная, и не стала её есть — вывалила на пол да соломой прикрыла.

Через несколько времени после слышит — шаги; не будь дурой, притворилась она спящей, а сама поглядывает из-под ресниц. Заходят трое: давешний жёлтый старик со стекляшками, а с ним двое белоголазых, ядащие, ровно сморчки лесные; встали над нею и давай что-то на своём тарабарском наречии балакать. Жёлтый старик на неё показал и говорит: «Нейжне», — а те давай причмокивать: «Чёма, чёма, чёма». Потом сдёрнули с неё дерюжку и принялись всю её ощупывать, как кобылу на ярмарке. Настасья и это стерпела, хоть и жутко и срамотно ей то было. Жёлтый гед запалил пук каких-то сухих духовитых трав и обкурил им спящую. От запаха тех трав — тяжелого да горького — Настена едва снова не впала в забытьё. Наконец чудь ушла, девка же, выждав сколько-то, вскочила, намотала на себя кое-как дерюгу вместо сарафана, лыками для крепости обвязалась да и полезла в стенную дыру. За ней обнаружился лаз вроде норы, по которому двигаться можно было лишь на четвереньках. Долго она по нему ползла, коротко ли, девка не запомнила, только постепенно проход стал расширяться, и вот уже она смогла встать и идти в полный рост.

Вдруг слышит девка впереди глухие ритмичные удары, будто кто в полу колоду тукает, а потом и голоса различила. Голоса те пели что-то не по-нашему, то стихая, то поднимаясь до визга, как на хлыстовских радениях. Настя было затаилась, хотела уже назад повернуть, да прислушалась: вроде пение не приближается, и решила — крадучись двинулась далее. Голоса поющих меж тем становились всё громче, явственнее; а потом Настасья увидела впереди свет, только не дневной, а будто сполохи от костра по стенам пляшут.

Пройдя ещё сколько-то, увидела девка, что лаз уходит дальше на подъём, но в его правой стене зияет отнорок, уводящий вглубь. Из этого-то отнорка и идёт свечение и голоса слышны. Заглянула она в ту дыру и видит: крутые ступеньки ведут вниз, в пещеру, а там — костры горят и чуди видимо-невидимо. С полста борогатых карлов с смоляными факелами в руках беснуются, поют непонятное, в самой же серёдке на высоком каменном топчане сидит голый мужик — огромный, ровно медведь, дородный, белый; телеса его сплошь какими-то чёрными полосами да завитушками изрисованы, башка выскоблена, как яйцо, аж отсвечивает, рожа носатая да толстогубая от жира лоснится. В правой ручище у него кость белая, перед ним, промеж кривых ног, большой медный котёл стоит, сверху вроде как кожей обтянутый; и лупит тот детина по котлу костью, как в бубен, а чудь в лаг тем ударам подскакивает да подвывает.

Потом, смотрит Настасья, сквозь толпу чуди пробираются давешний старик в синих стекляшках и карга простоволосая, что её в бадье купала, и волокут под руки бесчувственную нагую девцу, лишь веночек из болотных кувшинок у ней на голове, а на теле живого места нет: всё исцарапано, в кровоподтёках и страшных укусах — как застарелых, так и свежих; местами прямо куски мяса выхвачены, словно её свора голодных собак погрызла. Тут детина на ноги вскочил и принялся ещё шибче по котлу лупить. Девка та голая очнулась и, увидав куда её тащат, ну голосить дурным голосом; вдруг — откуда силы взялись — вырвалась да наладилась прочь бежать. И вот только она лицом-то повернулась, Настасья враз признала в ней Агафью — старшую дочку старосты Пантелея, которая два года назад аккурат в эти же июньские дни сгинула и про которую мир решил, что она от отцовской строгости с отходниками в город подалась. Однако ж теперь далеко убежать ей не дали: щипками да шлепками погнала её чудь обратно к той образине с бубном. А бугай отшвырнул прочь кость и как ухватит Агафью за волосы, наземь как швырнёт, сам-от сверху на неё как кинется, и давай её, горемычную, катать да валять по всей пещере.

Долго он так с нею тешился, Настасья же видела всё это и, оцепенев от ужаса, гаже и пикнуть боялась. Вдруг леший этот в горло девке, как волк лесной, вцепился и — ну грызть, ну грызть с урчанием утробным, аж кровь во все стороны брызнула! Та ногами эдак мелко-мелко задрывала и обмякла. Тут он заревел, точно сохатый по осени, коленями грудь Агафье придавил и обеими ручищами хватъ её за голову. А чудь ещё более в раж вошла: скачут все, факелами машут и орут: «Рикта! Рикта! Рикта!» Бугай поднатужился да и оторвал девке башку, ровно курёнку какому; потом за волосы голову вздёрнул, раскрутил да и метанул через всю пещеру прямо Настасье под ноги. Тут уж та не сдюжила — в крик и прочь бежать что есть мочи. А чудь, с воем да вигом истошным, следом.

Себя не помня, добежала Настя до выхода из той норы, наружу сунулась, а там, под ногами — склон едва не отвесный, вот она и замешкалась чуток. Обернулась проверить, далеко ли погоня, а прямо за спиной бугай этот разрисованный стоит, на неё уставился буркалами своими. Морда вся в крови агафьиной, взгляд тяжёлый, мертвящий, как у аспиды, аж ноги у девки отнялись — хочет бежать, а шелохнуться не может. Подняла она кое-как руку, дабы крестное знамянье сотворить, он оскалится — зубищами клац — и скусил ей три пальца на правой глани напрочь, ровно стручки гороховые. Настасья от боли назад прынула и — кубарем под гору. Удивительно, как руки-ноги не переломала, пока с горы той катилась. Ну а потом двое или трое суток по чащам да болтам скиталась, покуда к людям не вышла. Чудом от чуди спаслась, не иначе. Ведь в лесу те инородцы, наго полагают, как дома себя чувствуют. Вино, Бог упас...

Вот такую историю поведали мне пристав Степан Звоной и сотский Ефим Турусов, а капитан-исправник со своей стороны дополнил некоторыми подробностями. Примерно то же, только короче и сбивчивее, поскольку пребывала в жару и едва не бредила, после рассказала мне и сама Настасья Теляева.

Настоятель церкви Ильи Пророка отец Зосима в целях прояснения обстоятельств изложил нам историческую подоплёку нынешних событий, каковая свелась к следующей легенде: в стародавние времена, задолго до Иоана Грозного, жил-де в этих местах народ чудского племени. Были те инородцы закоснелыми идолопоклонниками, и шла про них слава как о чародеях и волхователях изрядных. Из-за белесых, почти прозрачных глазных радужек прилепилось к этому племени прозвание «чудь-белоглазая». Когда же пришли сюда оседлые русские люди, не вынесла чудь соседства с православным христианством и всем скопом, с бабами и детишками, ушла под землю — в Чудь-гору, где обретается и поныне. И якобы молится эта чудь-белоглазая своему живому богу именем Кунингаз, которого наш простой народ переименовал на свой манер, прозвав Кузей. А ещё, рассказал Зосима, совсем недавно, каких-то полсотни лет назад, здесь в округе черемиса обитала. Несмотря на то, что числились черемисы воцерковленными и православными, однако ж, скорее, по форме. По правде же, как полагал отец Зосима, продолжали коснеть в язычестве. Как бы то ни было, немало их селений тут стояло, и вот эти-то черемисы, почитая себя данниками чуди, ежегодно в ночь на Ивана Купала приводили к подножию Чудь-горы девку своего племени и оставляли там на ночь, а белоглазые под покровом темноты из своих нор выходили и забирали уготованную жертву, как считалось, в жёны подгорному богу. Но шло время, и постепенно поселения черемисов безлюдели (очень возможно, не последнюю роль в их оскудении сыграл как раз сей изуверский обычай), пока лет пятьдесят назад не опустели под корень. Долгое время после того всё тихо да покойно было, как вдруг где-то лет двадцать тому назад стали из деревень Алешковской волости пропадать молодые незамужние девицы. Хотя и не каждый год такое случалось, но всякий раз — накануне или вскоре после купальских гуляний, а частенько и в саму иванову ночь. Понятное дело, по деревням в народе пошёл слух, дескать, это чудь-белоглазая озорничает. Да только земство, как волостное, так и уездное, никаких мер на сей счёт не принимало, почитая подобные слухи проявлением народного невежества. Про губернское начальство и говорить нечего. А ещё по словам отца-настоятеля упомянутая Чудь-гора, в недрах которой те язычники вместе со своим живым богом схоронились, находится в заповедных чащах здешних алешковских лесов, и в погожие дни её поросшую дремучими елями вершину гаже и из Филино видать. Но ходить туда никто не ходит — боятся.

Однако же, как вы, Владимир Иванович, наверное, догадываетесь, история этим не закончилась. Ведь земский исправник меня не для того за столько вёрст звал, чтобы я выслушивал старинные сказки. Наго было теперь решить, какие должно принять, ввиду случившегося, меры. Я предложил было не мешкая снарядить полицейскую экспедицию к той Чудь-горе и на месте удостовериться, насколько соответствует истине древнее предание, а равно есть ли правда в рассказе самой Настасьи Теляевой. Но пристав с сотским в один голос убедили меня, что сей прожект не исполним, поскольку-де гора та велика и обширна, дебрями лесными покрыта и целого полка солдат не хватит, чтобы всю её обшарить, да даже если до осени искать станем. Стоит

отметить, что сотский Ефим вообще настроен был весьма скептически и остальных призывал не верить Настасье на слово, дескать, та «колокол льёт», и следовало бы её «примерно наказать, и вся недолга». Впрочем, пристав Звонов быстро его пресёк, заметив, что сотский клеветает на девку со зла, потому как затаил на неё личную обиду, и Ефим тут же стушевался.

Что ж, принялись мы наново судить да рядить, как вдруг Степан Звонов по столу рукой хлопнул и говорит: «На живца, ваши высокобродия, ловить надобно!» В ответ на наше общее недоумение пристав предложил следующий хитроумный план. «Помнишь, Ефим, — обращаясь к сотскому, начал он, — как два года назад, аккурат перед самой пропажей старостиной дочки, случай был с девкой Акулькой, ну рыжая котопрая?» — «Это на Аграфену Купальницу-то? Когда бабы на закате из бани возвращались? Помню, как не помнись, — отвечал Ефим Турусов. — Так ить она не пропадала. Так, напужалась только». — «Это верно, — кивнул Звонов. — А после рассказала, что когда ломала в березняке банные веники, поотстав маленько от остальных, видит, в ореховом кусте бородатый мужичок-недомерок сидит — страшный, белоглазый, а потом, глядь, ещё двое таких из-за пня вылезли и к ней подбираются. Обомлела она со страху, да тут на её счастье бабы вернулись, и белоглазые сгнули, как в воду канули». — «Мирские пересуды, — пожал плечами Турусов. — Бабы они завсегда так: на супрядках аль у колодца зачнут языками молоть... Что их слушать?» — «Рассудлив ты, Ефимка, не по годам, — заметил пристав. — Заладил одно, как сорока Якова. А я вот про что: после того случая девки поостереглись и не пошли ночью, как заведено, костры жечь и в Вексе купаться, а потому Иван Купала без потерь минул. Да только всё одно, через четверо суток, в ночь на Петров день пропала Агафья, филинского старосты Пантелея дочь. Я к тому веду, что раз Настёне удалось из Чудь-горы сбежать, белоглазые наверно станут пробовать ей замену найти, видать, не может их бог долго без бабы обходиться. Вот и следует нам подсунуть чуди новую невесту. Отведем её в лес, поближе к Чудь-горе, а сами в засаду сядем. Так и нароем этих изуверов». — «Кто ж из деревенских решится на такое? — усомнился исправник. — И вправде ли мы рисковать невинной жизнью?» — «Никакого особенного риска, ваше высокобродие, — заверил пристав. — Ефим у нас опытный охотник, на медведя не раз хаживал, и я ружьишком балуюсь, а про вас и говорить нечего. А решится кто? Да вон хоть та же Дунька Тараканова! Она за мзду малую хоть к чёрту в пекло согласная». — «Тараканиха? — ухмыльнулся Ефим. — Из Чурилова которая? Да, эта может. И горевать, если дело не сладится, по ней некому: ни сродников, ни свойственников — сирота. Только польстится ли кто на эдакую, больно рылом погана».

Опуская дальнейшие споры-разговоры, скажу сразу: после долгих обсуждений и сомнений все, кроме разве отца Зосимы, который, ввиду позднего времени, покинул нас раньше, сошлись на том, что лучшего варианта, нежели предложенный приставом Звоновым, нам не придумать. И уже на следующий день вся наша компания: ваш покорный слуга (разумеется, я настоял на своём участии в сей авантюрной экспедиции), исправник Кокорин Иван Андреевич, становой пристав Степан Звонов и сотский Ефим Турусов — пробиралась по лесу в направлении пресловутой Чудь-горы. Впереди на изрядном от нас удалении, но в пределах видимости, шествовала упомянутая Дуня Тараканова — рябая, неуклюжая, как ступа, зато здоровенная девка, которая, действительно, без особенного труда позволила себя уговорить за пять рублей серебром. Сотский с приставом были при ружьях, мне исправник выдал однозарядный пехотный пистолет старого образца, сам же вооружился шестизарядным французским револьвером Лефорше. «Трофейный, с Крымской войны», — пояснил он.

Когда мы вышли к подножию Чудь-горы, стало смеркаться, и все согласно постановили дальше сегодня не ходить, а обустроить засаду здесь. Развели на небольшой луговине костёр, а Дуньке велели у огня сидеть да песни петь, чтобы её издалече слышать было. Пристав дал ей фляжку с водкой — для сугреву и для смелости, а мы соорудили себе по обе стороны от той полянки шалашики, укрыли их еловыми лапами и в них схоронились. В одном я с сотским затаился, а в другом — исправник с приставом. Лежим, ждём. А Дуня из фляжки отхлёбывает да знай себе поёт про своё, про девичье:

Сахаринка на полу,
Не ленива — подниму.
Сахар съела, песню спела,
Целовать гружка хотела.
Дудáрь, мой гударь молодой,
Самогудáрь мой, гударь молодой.
Ты играй, играй, гударик на дуду,
Я, младёшенька, плясать пойду.

Я, чтобы как-то скоротать время, тихонько перешёптывался с Ефимом и, между прочим, высказал сомнение в успешности нашего предприятия, которое всё более и более представлялось мне чистойшей аферой, заметив также, что на «невесту» нашу разве медведь позарится. «Как знать, вашбродь, — пожал широким плечом сотский, — как знать. Предыдущая-то, Агафья Пантелеева, тожа не принцесса была — левый глаз слепой, бельмастый, да и хроменькая... Ей ведь двадцать пятый годок шёл — перестарок, никто сватать не хотел. А высидеть мы здесь ничего не высидим, в этом я с вами согласный. Бабы сказки всё это, про чудь-белоглазую, про бога Кузю. Я так себе разумею: с полюбовником Настька сбежала, из соседней деревни, али с купчиком каким заедем, да что-то у них, видно, не заладилось. Может, прибил он её и прогнал от себя, вот она и блажит». Между тем Дуня затынула печальную, с причитаниями песню:

*Нерамнó жа муж достанется —
Ой, либо вор да горький пьяница,
Либо старый пёс удушливой,
Да либо ровнюшка да недружливой.
Уж я старого да утешила бы,
Среди полюшка ой повесила бы
Да на тонкую-то осинушку,
Да я на самую-то вершинушку,
Вот вершинушка ой да качается,
Да мой старый пёс болтается.*

Уже настал вечер, высота небесная потускла, и заискрились на ней бледные звёздочки, но луны видно не было. Тёплый воздух наполнили благовонные запахи ночных трав, в небе то и дело вспыхивали зарницы. «Курить страсть охота, — прихлопнув на шею комара, вздохнул Ефим, — да нельзя, Иван Андреич заругает». Я попросил сотского рассказать мне о всех прошлых случаях подозрительных исчезновений окрестных девок. К слову, Владимир Иванович, народный говор в Чухломском уезде отличается значительным своеобразием. Если в прочих местностях Костромской губернии, со всех сторон окружающих чухломские земли, окажут, то здесь произношение московское, на «а», и аканье выражено даже явственнее, резче, нежели в Первопрестольной. Пока мы так шептались, у нашей фальшивой невесты, вероятно, под влиянием содержимого фляжки, настроение изменилось. Загорно гикнув, она запела:

*Пошла Катенька горошек молотить,
Её некому за ой-ой-ой схватить,
Вот нашёлся парень бравый, молодой,
Привалил её к овину головой.
Заголяет он пестринный сарафан,
Вынимает кукареку с волосам...*

«Ух, зазорная девка, — усмехнулся в усы сотский. Но вскоре обеспокоился: — Чего она песню-то оборвала?.. Сползать разве, вашбродь, посмотреть?» Однако раздавшийся следом шум, треск и придушенный гуныкин крик заставили нас всех вскочить на ноги. Кинулись мы к костру, глядим, у нашей Дуни на плечах повисли два мужика — в вывернутых мохнатых тулупах, мелкорослые, лохматые — чисто лешаки, а третий такой же — ей на голову мешок нахлобучил и уже вокруг шеи верёвку вяжет. «Не стрелять! — крикнул исправник. — Девку зацепите!» Тут Тараканиха поднатужилась, поднатужилась, на ноги поднялась да обоих поганцев с себя стряхнула, ровно котят, а тому, что её верёвкой вязал, так поддала коленом в грудь, что он улетел прямокин в костёр. Разом потемнело — не разберёшь, где кто. «Хватай, вяжи нехристей! — вновь скомандовал исправник. — Уйти не дай пога...» Не договорив, он с руганью схватился за колено и рухнул наземь. А в следующий миг в нас со всех сторон полетели увесистые булыжники. Один из камней просвистел у самого моего виска. Я упал в траву, но успел разглядеть между окружавших поляну деревьев смутные невысокие фигурки, которые, раскручивая что-то над головой, метали в нас камни. Подняв пистолет, я выстрелил в одного из них, но, кажется, и близко не задел. Остальные тоже принялись палить в сторону леса, но фигурки врагов то появлялись, то исчезали во мраке, так что стрельба велась наугад, почти вслепую. Тем временем целая толпа лесных жителей накинулась на Дуню. Облепив девку, как мураши гусеницу, они повалили её и стремительно уволокли в чащу, покрывавшую Чудь-гору до самой макушки. Обстрел тут же прекратился.

Осторожно поднявшись на ноги, я осмотрел поле битвы: исправник сидел, держась за разбитое колено, а пристав Звонов, опершись о ружьё, смотрел куда-то вниз

и сокрушённо охал. Было ясно, что наша засадная экспедиция окончилась полным фиаско. «Где Ефим?» — спросил исправник. «Здесь он, — ответил пристав. — Кажись, кончается». Я помог Иван Андреевичу подняться, и он с моей помощью кое-как допрыгал до пристава. У его ног мы увидели сотского; он лежал с окровавленной, похоже, проломленной головой и был без сознания. Пристав склонился к нему, прислушался: дышит. «Девку надо идти спасать, пропадёт, — заявил исправник. — Только как быть с Ефимом?» — «Куда вам, ваше высокобродие, идти, — возразил пристав. — Я эту кашу заварил, мне и расхлёбывать, а вы тут Ефима постерегите». Иван Андреевич сначала заартачился, но я решительно поддержал Степана, заметив, что надо спешить, а исправник с его разбитым коленом будет нам лишь в обузу. Как человек трезвомыслящий, тот вынужден был согласиться и отдал мне свой револьвер, сам же взял ружье сотского.

Пристав обмотал палку берестой и соорудил себе факел, я же получил от исправника масляный фонарь со стеклянной, предохраняющей от ветра, колбой, который тот с военной предусмотрительностью захватил с собой. Снарядившись таким образом, мы отправились в погоню, благо земля сохранила явственные следы волочения горючего дунькиного тела, а тут ещё Луна взошла нам в помощь. Однако не прошли мы и ста сажень, как след оборвался. Шарилы мы со Степаном, шарилы — всё без толку: нигде ни единой веточки не поломано, а под ногами — толстый слой нетронутой хвои. «Чертовщина, — ворчал пристав, — не сквозь землю же они провалились?» Тут-то меня и осенило: именно что под землю! Воротились мы к тому месту, где след оборвался, и стали тщательно всё вокруг обыскивать. «Нашёл!» — через несколько времени крикнул Степан, обнаружив под корнями кряжистого тысячелетнего губа квадратный лаз, надёжно скрытый зарослями папоротника и уводящий куда-то в непроглядную тьму, в недра Чудь-горы. Я полез первым, Звонов Степан — следом.

Стены лаза были укреплены брёвнами, поддерживающими бревенчатый же настил. Высота его составляла не более полутора аршин, поэтому двигаться пришлось по-собачьи, на четвереньках. Факел Степана потух, да в столь узком проходе он бы только мешал, и путь нам освещал лишь тусклый свет масляной лампы. Сколь долго мы так ползли, не знаю, мне тогда показалось, что целую вечность и я уж, грешным делом, стал подумывать, не поворотить ли назад, как вдруг впереди забрезжил свет. Я задул фонарь и сделал знак Степану, чтобы не шумел. Лаз вывел нас в галерею, по которой можно было уже идти в рост, хотя и пригнув голову. Через каждые пять-шесть сажень в выложенных из необработанных камней стенах крепились глиняные плитки, заполненные неким жиром с плавающими в нём горящими фитильками. Где-то через версту мы очутились перед развилкой: левый проход был освещён, правый же уводил в чернильную тьму. Мы прислушались: слева явственно доносились голоса и глухие ритмичные удары, и мы свернули туда.

Шагов через полста галерея уперлась в стену, в которой зияла расщелина; из неё-то и слышались голоса и удары. Протиснувшись в щель, мы очутились в обширной пещере, и нашим глазам открылась следующая поразительная картина. Под сводами пещеры по всей её окружности на равном удалении были проделаны отверстия, через одно из которых мы и проникли внутрь; от тех проходов крутым уступом шли ступени, спускавшиеся к овальной площадке вроде арены, как в античном амфитеатре. Всю арену и часть ступеней заполняла возбуждённая толпа чуди — мужчины, женщины и даже дети; многие держали в руках смоляные факелы. В центре арены на каменном возвышении восседал жирный толстопузый урог — натуральное чудовище: исполинского роста, лысый, голый, разукрашенный по телу чёрными рисунками, как это делают американские индейцы и некоторые наши сибирские инородцы. Глубоко запавшие глаза его, под тяжёлыми, как кузнечные оковалки, надбровными дугами, казались парой чёрных угольков, источавших некое тёмное свечение. Кошмарный облик дополняли мощные выступающие челюсти при совершенном отсутствии подбородка. «Полно, да человек ли это?» — невольно усомнился я. В левой руке он держал белую кость, весьма походившую на берцовую человеческую, и равномерно колотил ею в стоящий перед ним медный чан, а окружавшая своего живого бога паства помавала факелами и речитативно, с подвываниями пела: «Кунингаз! Кунингаз! Мейде Кунингаз, сьонд Кунингаз! Кунингаз-маго!»

А у подножия каменного возвышения лицом вниз лежала наша Дуня. Одежда с неё была сорвана, руки связаны за спиной; спину и бёдра испещряли кровавые царапины и укусы; она не шевелилась. Неужто мы опоздали и беззаконная жертва уже принесена? Я, честно признаться, совершенно растерялся, что делать далее, как поступить. Выстрелить в чудовище? Но в моём револьвере оставалось четыре патрона... Даже памятуя о ружье пристава, что это против целой толпы чуди? Они же нас просто растерзают! Однако, пока я так мучился сомнениями, Степан, недолго думая, вскинул ружье да и выпалил в чудского бога. Под сводами что-то заворчало, точно в ненаст-

ный день перед громовым раскатом, и сверху дождем посыпались мелкие камешки. Когда пороховой дым рассеялся, стало видно, что примолкшая чужь оборотилась и вся смотрит на нас, а по груди восседавшего на каменном троне чудовища сбегает алая струйка крови. Но вот страхолюдный исполин медленно, как ни в чём не бывало, поднялся во весь рост и вперил горящий взор свой в Степана. А потом оскалился, поднял руку и молча указал ею на пристава. Не знаю, что послужило причиной дальнейшего: колдовская ли сила взгляда чужского божества или иное что, только пристав безвольно уронил ружьё и как зачарованный пошёл по ступеням вниз, прямо в лапы чудуши. Я ухватил Степана за плечо, но тот, не оборачиваясь, вывернулся из моих рук и ускорил шаг. В совершенном отчаянии я послал две пули в треклятого Кузю, а потом дважды выстрелил вверх. Страшный грохот сотряс пещеру... И начался ад кромешный! Земля у меня под ногами содрогнулась, и огромные глыбы стали рушиться со сводов прямо на головы побежавших во все стороны людей чужского племени. Всё заволокло густыми клубами, из которых доносились отчаянные вопли, звуки ударов, стоны. Я увидел, как каменный обломок размером с телегу рухнул и придавил собою чужского бога. В тот же миг, словно избавившись от наваждения, Степан Звонов пришёл в себя, и мы вместе кинулись к Дуньке. Пристав разрезал её путы, перевернул на спину и приложил ухо к груди: жива! Вдвоём мы подхватили бесчувственную девку под руки и, уворачиваясь от продолжавшегося камнепада, поволокли к выходу из подземелья. Бросив взгляд назад, я заметил торчащую из-под каменной глыбы руку чудовища — она была шестипалой...

(Далее в письме снова были густо вымараны два абзаца).

Не стану досаждать вам рассказом, как мы выбрались из Чудь-горы, как воротились в Филино — всё это мало относится к сути моей истории. Скажу только, что сотский Ефим, нас не дождавшись, отдал Богу душу, а мы с приставом Звоновым и едва могущим передвигаться, опершись нам на плечи, капитан-исправником кое-как дотащили Дуню Тараканову до становой квартиры, препоручив там обоих доктору Колокольскому.

Само собой я отправил Александру Егоровичу Тимашеву подробный доклад о сем происшествии, да только ходу ему дадено не было. Сколь мне известно, доклад засекретили и упрятали в архив по личному настоянию обер-прокурора Святейшего правительствующего синода графа Дмитрия Андреевича Толстого. Последний якобы выразился в том роде, что мало нам сраму перед просвещенной Европой от всяких самосжигателей да скопцов, так тут ещё хотят секту людоедов на суд мирской вытащить. Помимо того, огласка сего доклада может-де породить враждебность великороссов в отношении инородческого населения Российской империи. Короче сказать, история была, как у нас водится, упрятана под сукно и забыта. Однако ж этим она не закончилась.

После тех событий уж год минул, а мне случившееся всё не давало покоя, не отпускало. Летом сего года пришлось мне побывать в Ляхово — имении моей жены; оно верстах в восьми от Нижнего. Старый господский дом ныне в полном запустении, вот и решил я наново отстроить родовое гнездо. А там, в Ляхово, запала мне мысль съездить в Алешковскую волость, проведать станového пристава Звонова да разузнать у него, какие последствия имела наша прошлогодняя кампания. Я уж знал, что капитан-исправника Кокорина вскоре после того в отставку ушли (между прочим, колено его срослось худо, он так и остался хромым. Вот ведь, согласитесь, каприз Фортуны — две войны прошёл невредимым, а тут...), Степан же по-прежнему исполнял свои обязанности. Сказано — сделано.

К моей досаде, станového застать на месте не удалось — тот был в разъездах. Тогда решил я навестить несчастную Дуню Тараканову. По понятной причине, в её отношении я чувствовал себя виноватым, хотя и не моя была та идея сделать из неё подсадную утку. Дунька, как и прежде жила, в соседней деревне Чурилово, в покосившейся избёнке у самого леса. Встретила она меня радушно, едва ли не как своего спасителя (хотя я того и не заслуживал) и рассказала, что дня через два после её вызволения из чужского плена исправник с приставом организовали целый поход к Чудь-горе, однако ж пользы из того не вышло. Правда, нашли они ту поляну и даже тот самый дуб, под которым нам лаз открылся. Вот только лаз оказался накрепко забит глиной и камнями, будто его там от века не бывало. Пробовали мужики другие тайные проходы в Чудь-гору сыскать, да без толку — так ни с чем в Филино и воротились. «Как ты, Дуняша, сама-то живёшь?» — поинтересовался я. «Да как, барин? — заметно поскучев, ответила Дуня. — Ни девка, ни вдова, ни мужняя жена». Тут из кутного угла послышался детский плач. «Это что ж, дитё у тебя? Мальчик или девочка?» — спрашиваю. «Сынок», — отвечает. Заглянул я за занавесь, а там в деревенской колыбельке и впрямь здоровенький такой карапуз. «Сколько ему?» — снова спрашиваю. «Четвёртый месяц пошёл». Мальчик, увидав мать, стал просить грудь,

протягивая ручонки. И что-то мне неладно показалось... Присмотрелся внимательнее — с нами крестная сила! — левая ладошка младенца — о шести пальчиках...

Вот и вся история, дорогой Владимир Иванович. Согласитесь, из неё вышел бы замечательнейший рассказ, да кто решится такое напечатать, даже если изменить все имена и самое место действия? Полагаю, никто и никогда. А сейчас меня терзает сомнение, стоит ли даже и сие письмо доверять бумаге и вам отправлять? Опасаюсь, не доставит ли оно вам какие неприятности? По здравому размышлению — не стоит.

Как бы то ни было, остаюсь вечно вам преданный А.П.»

Глава 8

— Как впечатление? — спросил Таганов, забирая у Николая листы. — Не зря шкандыбали в эдакую даль?

Сажин пожал плечами.

— Пока не знаю. Документ чертовски любопытный, спору нет. Однако я по-прежнему не вижу связи с собственной персоной. И вообще, может статья, это не письмо, а черновик неизвестного рассказа Печерского. Не случайно же Павел Иванович подписал его начальными буквами своего литературного псевдонима — «А.П.», то есть Андрей Печерский, а не настоящими инициалами... Бесспорно, неопубликованная, никому неведомая рукопись Печерского — находка интересная и ценная. Но если так, вся история — плод писательской фантазии, не более.

— Не тешьте себя иллюзиями, Николай Николаич. Письма к Далю Мельников всегда подписывал своим литературным псевдонимом, потому как именно Владимир Иванович Даль этот псевдоним для него и придумал. И потом, зачем бы тогда автору использовать имена-фамилии реальных людей? Я проверил: все упомянутые в письме лица подлинны — от министра Тимашева до земского исправника Кокорина. Ну это ещё бог бы с ним... Конечно, нельзя исключить, что Мельников-Печерский планировал впоследствии сделать из этой истории рассказ либо повесть. На то он и писатель. Главное в другом.

— И в чём же?

— Да будет вам, Николай Николаич! Не давайте вид, что не поняли, о каком младенце — шестипалом, подчеркну, младенце — упоминается в финале письма.

— Понимаю, Виктор Антоныч, куда вы клоните. Хотите сказать, в записках идёт речь о родоначальнике моей фамилии. Шесть пальцев и всё такое... Но не много ли допущений? Да с чего вы вообще взяли, что тот шестипалый младенец — мой прапрадед? В рукописи даже имени его не называется. Честное слово, я разочарован... Так вот что вы имели ввиду, когда писали мне про «крестника Мельникова-Печерского»? Извините, Виктор Антоныч, но это ж курам на смех! То есть вы... как-то прознав про мой лишний палец и про то, что предки мои из здешних краёв, убедили себя в том, что... Вы вообще серьёзно?!

Таганов вытащил из-под письменного стола табуретку, сел напротив гостя и принялся невозмутимо набивать трубку.

— Представьте себе, серьёзно. Прошу, Николай Николаич, выслушайте меня спокойно и не перебивайте. Я же вам сразу написал, что провёл тщательные изыскания. И я на самом деле перерыл вороха метрических книг, перелопатил залежи бумаг в местных архивах, прежде всего в госархиве Костромской области, понятно. Но не только в местных, пришлось съездить в Питер, покопаться в историческом архиве — в фондах Министерства внутренних дел Российской империи и даже в государственном архиве древних актов. А необходимые сведения о вашем деде мне, к примеру, удалось сыскать в госархиве России, который у вас в Москве на Большой Пироговской... М-да, потрудиться пришлось изрядно. Из всех нужных документов я сделал выписки, а наиболее важные удалось и скопировать, — Таганов выдвинул ящик письменного стола и вытащил пухлую пачку разномастных бумаг, сшитых вместе суровой нитью. — Со всеми этими материалами я, разумеется, готов вас ознакомить, — он пошуршал бумагами. — А для начала послушайте вот эту выписку из метрической книги. Полное её название: «Метрическая книга церкви Ильи Пророка села Верхняя Пустынь первого округа благочиния Чухломского уезда для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1870 год». Слушайте внимательно, цитирую: «Марта тридцатого дня 1870 года родился и восьмого дня мая крещён Богдан. Мать — крестьянка деревни Чурилово вдова Авдотья Тараканова православного исповедания. Восприемники: становой пристав — мещанин Степан Звонов и диакономская дочь — девица Пелагия Васильева. Таинство крещения совершил приходской священник о. Зосима Колобородов». Не правда ли, знакомые всё имена? Видно, никто из деревенских не захотел быть крестным, вот и пришлось Степану Звонову

самому идти в восприемники к младенцу. Потом, он наверняка виноватил себя в приключившемся с Дуней. И не без оснований, ведь...

— Пойдите! — прервал его Сажин. — При чём здесь какая-то Авдотья?

— Уменьшительное звучание имени Авдотья — Дуня, — терпеливо пояснил Таганов.

— Хорошо. А почему она вдова? Почему эта Авдотья Тараканова записана вдовой? Из рукописи же ясно следует, что Дунька была девицей. Ну, в смысле, безмужней.

— Тонковата соломинка, — улыбнулся Таганов. — В метриках того времени вдовами именовали не только лишившихся законного мужа, но и тех, у кого появлялись на свет такие вот «богоданные» дети. Не в девицы же, в самом деле, записывать молодую мать? Кстати, отсюда и имя младенца: Богдан — «Богом данный». Чтоб вы знали, имя «Богдан» не использовалось как русское крестильное имя, а в здешних краях — тем более. Хотя оно и есть не что иное, как перевод с греческого имени «Федор» или «Федот». Думаю, назвать так ребёнка подсказал отец Зосима. С другой стороны... с учётом, гхм, обстоятельств его появления на свет, это попахивало бы кощунством. Так что, нет — скорее, сама Авдотья настояла на таком имени... Как знать, может, она и впрямь уверила себя, что понесла от бога? Чужая душа — потёмки.

— Допустим, так всё и было, — согласился Николай. — Повторяю: допустим, вы доказали, что Богдан из вашей метрической книги и есть младенец, о котором писал Мельников. Однако второй мой вопрос вы так и оставили без ответа.

— Готов ответить на любой, — кивнул Таганов, попыхая трубочкой, — задавайте.

— Я уже задавал: с чего вы взяли, что этот Богдан приходится мне прапрадедом? Только из-за лишнего пальца?

— А я уже отвечал: не в одном пальце дело — мне удалось проследить всю вашу родословную. По архивным документам, а не по каким-нибудь там рассказам стариков-старожил. Все бумаги вы можете посмотреть, они у меня здесь, — Таганов похлопал по пачке, — а пока, позвольте, я изложу лишь сухие факты.

— Валяйте.

Виктор Антонович набил трубку свежим табаком, неспешно раскурил и, периодически сверяясь с бумагами, начал:

— Итак, мною с абсолютной точностью установлено, что у Богдана, прозванного «Сажей» — к происхождению этого прозвища мы ещё вернёмся, — так вот, у Богдана Сажи в 1895 году родился сын Гаврила. Ребёнок появился на свет без всяких, извините, физических аномалий. Характерно, что уже в материалах всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года сын Сажи записан как Гаврила Богданов Сажин — прозвание, данное отцу, стало фамильным. Таким образом, его можно считать первым носителем вашей фамилии. В 1902 году мальчика отправили в Чухлому, где он был отдан в учение к скорняку; там, в городе, он и осел, в деревню обратно уже не вернулся. Да, собственно, и возвращаться было некуда. Но об этом после. В 1915 году Гаврила Сажин был мобилизован в армию, попал на фронт, но уже осенью шестнадцатого демобилизовался по ранению и вернулся в Чухлому. В том же году он женился на мещанке Прасковье Марковне, в девичестве Истоминой. На следующий год у супругов родилась дочь, скончавшаяся во младенчестве, не прожив и двух месяцев. А вот в 1920 году у них родился мальчик, которого назвали Алексеем — ваш дед. И вот у него-то, у Алексея Гавриловича Сажина, было два безымянных пальца на левой руке. Идём далее. Алексей Гаврилович женился дважды. В первом браке у него детей, насколько я выяснил, не было. Да и супруга его быстро умерла, кстати, при нескольких странных обстоятельствах. Вторично он женился на Марии Пантелеевне Кокшеновой, и в 1946 году у них родился сын Николай, то есть ваш батюшка, Николай Алексеевич Сажин. Бабушка ваша, Мария Пантелеевна, скончалась при родах, поэтому Николай вырос в семье материной сестры — Надежды Пантелеевны. Алексей в воспитании сына участия не принимал, да и не мог принимать. К причинам этого я также вернусь позже. Но подозреваю, Николай Алексеевич не любил вспоминать своего отца, я прав? Не случайно вы не подозревали про его шестипальность.

— Он вообще о нём никогда не рассказывал.

— Вот видите, — кивнул Таганов. — Но продолжим... Хотя, собственно, дальше вы и без меня всё знаете. По окончании восьмилетки ваш отец перебрался в Москву, где, завершив среднее образование в школе-интернате, поступил в университет... а в 1974 году родились вы — Николай Николаевич Сажин. Теперь подытожим. Выстраивается следующая неразрывная цепочка: вы, Николай Николаевич; затем ваш отец Николай Алексеевич Сажин; его отец, а ваш дед Алексей Гаврилович Сажин; потом ваш прадед Гаврила Богданович Сажин и, наконец, Богдан Сажа, шестипалый сын Дуни-Авдотьи Таракановой из деревни Чурилово — ваш, не побоюсь этого слова, легендарный прапрадед. Убедительно?

— Ну... допустим, — вынужден был признать Николай. — Допустим... Но вы ещё писали про некую нависшую надо мной угрозу. Дескать, мне грозит смертельная опасность. Так в чём опасность-то?

— Доберёмся и до угрозы. Мне было важно, чтобы вы познакомились с собственной родословной. И убедились в своем родстве с Богданом Сажей. По этой части все вопросы сняты?

Сажин закурил сигарету, помолчал, а потом спросил:

— А как вы выяснили, что у моего деда была полидактилия?

— Тоже из архивных источников.

— А у прадеда, значит, ничего такого, всё нормально?

— Если быть точным, о Гавриле Богдановиче таких сведений просто нет. Или же они до нас не дошли. Но я пришёл к выводу, что он не унаследовал от Богдана Сажи эту анатомическую особенность.

— Ага! То бишь, строго говоря, ваше утверждение, что полидактилия наследуется в нашем роду через поколение, лишь догадка? Ну, раз о прадеде точных данных нет.

— Не совсем, — покачал головой Таганов. — Скорее, не догадка, а логическое умозаключение, основанное на фактах. Смотрите сами: во-первых, мы с вами знаем, что у вашего батюшки было, как положено, десять пальцев, так? Во-вторых, нам известно, что ваш прапрадед — основатель, так сказать, фамилии, был шестипал. Далее, я точно установил, что и внук его, Алексей Сажин, родившийся здесь, в Чухломе, в двадцатом году также был шестипалым. Также мы знаем, что и вы сами имеете лишний палец. На левой ноге, да? Я прав? — Сажин молча кивнул. — Вот и выходит, что эта генетическая особенность скорее всего проявляет себя через поколение. Но и это ещё не всё...

— Откуда вы всё-таки знаете, что мой дед страдал полидактилией? Что за источники? — перебил Сажин.

— Из материалов уголовных дел. Его шестипалость проходит как особая примета.

— Каких еще уголовных дел?!

— Я же говорил, что сведения о вашем деде Алексее Гавриловиче Сажине почерпнул в госархиве России — именно там хранятся особо значимые уголовные дела, начиная с первых лет советской власти.

— Мой дед сидел? Сколько приятных открытий... Он что, был репрессирован?

— Нет, Алексей Гаврилыч осуждался по общеуголовным статьям.

— Вот те раз... Обычный уголовник?

— Совсем не обычный. Это как раз к вопросу о стерегущей вас опасности... Так вот, как бы это сказать... Короче, шестипалость по неким причинам оказывает сильное негативное влияние на характер, гхм... ну или на психотип человека. Во всяком случае, в вашем роду — это так.

— О чём вы? — нахмурился Николай.

— Вот послушайте спокойно. Дело в том, что оба ваших шестипалых предка — и прапрадед, и дед — являлись личностями глубоко асоциальными. Прапрадед Богдан своё прозвище «Сажа» получил ещё в малолетстве. Может, был смутлокожим, а скорее, по иной причине. Но не будем домысливать. Известно, что он отличался недюжинной физической силой и буйным нравом. В 1903 году Богдан был осуждён за двойное убийство: собственной жены и некоего деревенского парня, из местных. Причина расправы очевидна — ревность. А насколько она обоснована, за давностью лет не выяснить. Так что мотив преступления банален. Но вот способ его совершения... то, как он с ними расправился, пожалуй, характеризует вашего пращура определенным образом. Богдан Сажа изрубил обоих полюбовников топором — на куски; головы и некоторые другие части тела закопал в огороде, остальное скормил свиньям. Вот так вот. Потому-то я и сказал, что сыну Сажи — Гавриле, отправленному годом раньше на вычку в Чухлому, возвращаться было некуда: мать убита, отец — под арестом. Ладно, идём дальше. Сажу приговорили к двадцати годам каторжных работ. С каторги он бежал. И вот после побега с ним произошла некая метаморфоза: из простого, пускай буйного и даже свирепого, мужика-селянина Сажа чуть ли не в одночасье превратился в харизматичного лидера. Он сумел сколотить собственную разбойничью шайку — из таких же, как сам, беглых, и из местных бандитов. И банда эта, укрываясь где-то в костромских лесах, успешно промышляла разбоем и убийствами. Более десятка лет «сажинские», как их называли, держали в страхе население целой губернии. И все эти годы Сажа оставался их бессменным лидером, пока не был ликвидирован в перестрелке с полицией в 1914 году.

— Колоритный персонаж, ничего не скажешь!

— Это я так, в общих чертах. На самом деле о Богдане Саже можно роман написать, в жанре триллера... с элементами хоррора. Но перейдём теперь к вашему деду Алексею Гавриловичу. О его детстве и юности известно немного. По малолетке он не

раз привлекался к уголовной ответственности, в основном за кражи, но все условно. Чтоб вы знали, Уголовный кодекс 1926 года, который действовал вплоть до 61 года, в части преступлений против собственности был удивительно гуманен. К примеру, по статье 162, за тайное похищение чужого имущества, то бишь кражу, больше года и захочешь — не получишь. Даже когда — неоднократно и по предварительномуговору, всё одно — год максимум. А если кража совершена впервые или вследствие нужды — до трёх месяцев исправработ, и баста.

— Надо же. А как же «срока огромные», «этапы длинные»?

— Так то за государственные преступления. В общем, первый реальный срок Алексей схлопотал в сороковом году, за групповой грабёж. Дали ему, с учётом прежних «заслуг», по максимуму — пятерик. Потому и на фронт не попал. Освободился Алексей Сажин уже после войны, в ноябре сорок пятого. В сорок шестом, как я уже говорил, он женился на Марии Кокшеновой, и в том же году у них родился сын Николай — ваш батюшка. Но Алексей рождения наследника не дождался, снова сел, уже по части третьей статьи 167 УК — за вооружённый разбой: взял с поделниками сберкассу в Галиче. Налётчики оставили за собой два трупа, организатор получил высшую меру социальной защиты — расстрел, Алексей же отделался девятью годами. Срок Алексей Гаврилыч отбывал в Коми АССР, там же к нему прилепилась кличка «Гориллыч».

— Как-как? — переспросил Николай.

— «Гориллыч», — повторил Таганов. — Вероятно, из-за непропорционально длинных рук и огромной физической силы.

Сажин бросил взгляд на собственные ручищи и смущённо хмыкнул:

— Это у нас семейное. Так, ну я понял — прапрадед с дедом были матёрыми уголовниками. Не скажу, что это меня радует, но... что с того? Дело прошлое.

— Погодите, я ещё не закончил. Первые лет пять Гориллыч отбывал наказание спокойно и исправно. Конечно, не как простой «мужик», масть-то у него блатная была, но в воровскую элиту он не входил. Всё изменилось после одного случая. По ходу некоей местной разборки Гориллыч как-то особенно жестоко расправился со своим соседом по бараку, авторитетным вором в законе. За убийство ему накинули ещё десятку к сроку. Однако вопреки всем воровским понятиям расправа над «законником» лишь укрепила авторитет Гориллыча. Причём до такой степени, что он вышел в неформальные лидеры зоны, угрожая власти тамошнего пахана. Озабоченное такой ситуацией руководство колонии добилась его перевода в другую, «красную» зону, с более строгим режимом, куда-то на Колыму или Дальний Восток. Во время этапирования Гориллыч совершил побег прямо из поезда и скрылся в таёжных дебрях — поиски результатов не дали. А по ходу служебного расследования выяснилось странное: вроде бы как конвоиры сами выпустили Гориллыча из теплушки, а один из них даже отдал ему свою винтовку. Внятно оправдаться или объяснить своё поведение они не смогли — твердили только, что Гориллыч их «загипнотизировал». Их, понятно, осудили.

После побега года три о Гориллыче слышно не было, пока в пятьдесят четвертом году он не объявился в Костроме. Во главе вооружённой банды совершил налёт на продуктовый магазин на окраине города; поделники взяли кассу и прихватили товаров на значительную сумму. Потом последовало еще несколько разбойных нападений на сельпо, базы и промтоварные магазины в разных районах Костромской области... Только летом пятьдесят шестого банду Гориллыча удалось заманить в засаду. В ходе перестрелки многие бандиты были убиты, а вожак — тяжело ранен в грудь и живот. Следователь был уверен, что до суда Гориллычу не дотянуть, однако буквально через месяц тот сбежал из тюремной больницы. И вновь — при загадочных обстоятельствах: якобы персонал сам помог ему уйти. Не знаю, к чему пришло служебное расследование, но после того случая областное милицейское руководство выпустило секретный приказ — мне удалось с ним ознакомиться — согласно которому при обнаружении особо опасного рецидивиста Ивана Гавриловича Сажина сотрудникам воспрещалось вступать с ним в контакт, а следовало сразу открывать огонь на поражение. Вот так вот. К тому времени на Гориллыче висело с дюжину трупов, и по его следу пустили всю областную милицию, задействовали даже армейские подразделения МГБ СССР — внутренние войска. В самом начале осени информаторы донесли, что колхозники видели подходящего под описание человека недалеко от деревни Чурилово. Поживиться в тех местах особенно нечем, так что непонятно, чего его туда понесло. Разве только потянуло на родину предков? В его поимке приняли участие полторы сотни сотрудников милиции и военных. Кольцо облавы замкнулось в районе деревни Филино. Самой той деревни тогда уже не существовало — сплошные леса да буераки кругом. Обнаружив беглеца, загонщики, следуя приказу, не раздумывая открыли огонь. Гориллыч попытался отстреливаться — у него имелся револьвер си-

стемы наган — и густым ответным огнем был буквально изрешечён. Однако ж, когда к телу подбежали трое сотрудников, «убитый» неожиданно вскочил, раскидал милиционеров — причём одному из них ударом кулака сломал шею — и скрылся в лесной чаще. Разумеется, он не мог далеко уйти с такими ранениями. И действительно, в нескольких сотнях метров преследователи обнаружили место его падения... Но там не было главного — тела. Примятая трава со следами крови и поломанные ветви кустов свидетельствовали, что Гориллыч пытался уползти. Либо его кто-то волочил. Потом следы обрывались... Дальнейшие многодневные поиски не дали никаких результатов. Это всё.

— Пряма фантастика, — покачал головой Николай. — Эх, кабы знать раньше. Да на эдаком материале убойный детективный роман можно забабахать.

— А кто вам мешает? Материалы — вот они — пользуйтесь на здоровье.

— Спасибо, ловлю на слове. Странно... всё вами рассказанное совершенно для меня внове. Я ничего такого никогда не слышал и нигде не читал. Хотя, в силу профессии, интересуюсь криминальной историей России.

— История Сажин слишком давнишняя. А все материалы по Гориллычу до сих пор засекречены.

— Да? А как же вам удалось с ними познакомиться?

— Мне помогли, — уклончиво ответил Таганов. — Но пойдёмте обедать, а то за разговорами мы с вами о еде забыли, это не дело. А потом я вам покажу наш городок. Между прочим, посмотрите и дом, в котором некогда жил Гаврила Богданович Сажин, ваш прадед, тот, что первым перебрался в Чухлому. Да-да! Дом сохранился, представьте. Перестроен, конечно, но всё же. Так что сможете припасть к родному пепелищу.

На обед была квасная окрошка с горчицей и хреном и вчерашние макароны по-флотски. Сажин понял, что разносолов от хозяина лучше не ждать. Окрошку, правда, он выхлебал с удовольствием, а вот второе в рот уже не лезло. Обратив внимание на отсутствие у гостя аппетита, Виктор Антонович достал из буфета пузатую литровую бутылку.

— Может, по пятьдесят? — спросил он. — Кстати, и за знакомство. Крыжовенная, двойной очистки.

— Не откажусь, — согласился Сажин. — Сами гоните?

— Нет, сосед угостил. Ну, что ж, ещё раз будем знакомы?

— И здоровья... М-м, вельми понеже, — Николай постучал вилкой по опустевшей рюмке. — В смысле, хороша штучка.

Таганов с озабоченным лицом вытащил из кармана кнопочный телефон, понажимал, потряс и, чертыхнувшись, сунул обратно.

— Не берёт. Совсем здесь связи нет.

Николай спохватился, что после отъезда ещё ни разу не позвонил в Москву Марине. Но тут же выяснилось, что и его айфон здесь не ловит.

— Вот видите, — пожал плечами Таганов, — мёртвая зона. Ну, ничего, из города наберёте, пошли.

Действительно, как только они поднялись от озера, связь наладилась. Правда, Марина не взяла трубку — была на работе, но через полчаса перезвонила сама и заявила отцу, что с Тайсоном, с ней и с квартирой за прошедшие сутки ничего не случилось.

Виктор Антонович Таганов оказался замечательным экскурсоводом, слушать его было сплошное удовольствие. Он с большим увлечением и, главное, со знанием дела рассказывал о родном городе, и едва ли не о каждом здании у него имелась прелюбопытная история.

Свою импровизированную экскурсию Таганов начал из центра, от единственной городской гостиницы, где Николай уже побывал вчера. Как оказалось, гостиница, возведённая в конце XVIII века, являлась старейшим гражданским зданием Чухломы. Сначала дом принадлежал купцам Июдиным, потом купцам Большаковым, открявшим в нём чайню.

Бело-голубая Успенская церковь на краю центральной (впрочем, как и гостиница — единственная в городе) площади Революции при свете дня смотрелась нарядно, почти прятнично. Николай дал Таганову айфон и попросил сфотографировать его на фоне храма, так чтобы в кадр попал и стоящий неподалёку памятник Ленину. Посмотрел, что вышло, и тут же сбросил фотку Марине.

— Между прочим, с момента основания никогда не закрывалась, — с гордостью заметил Таганов, кивая на церковь, — всегда оставалась действующей, а ведь ей три века скоро.

С Советской они перешли на улицу Ленина, потом свернули на улицу Октября. Проходя мимо каменных, полукаменных и деревянных особняков с мезонинами и

ажурными железными балконами, его чичероне так и сыпал некогда знаменитыми купеческими фамилиями: Пеньковы, Ильичёвы, Паршины, Голоушины, Июдины, Смирновы... Тихие, утопающие в зелени улочки дышали стариной и уютом.

— А вот и обещанный дом Гаврилы Сажина, — Таганов указал на одноэтажное здание из массивных почерневших брёвен; с обеих сторон к нему примыкали прирубы такой же высоты, что и фасад, отчего выглядело оно ещё более приземистым, ушедшим в землю, насупившимся. — Чудом уцелел во время большого пожара 1913 года. Тогда много деревянных построек сгорело.

Николай не мог понять причины, но дом вызывал у него какие-то неприятные, тягостные ощущения.

— Что там сейчас? — поинтересовался он.

— Просто частный дом. Хотите зайти внутрь?

— Пожалуй, нет.

Спустившись по улице академика Быкова, они вышли обратно к озеру. Вечерело. Закатные лучи окрасили обширную водную гладь багрянцем и золотом. А где-то далеко-далеко, на другом берегу, едва просматривались купола Авраамиево-Городецкого монастыря.

— В советские времена здешний рыболовецкий колхоз «Путь Ленина» десятки тонн чухломского золотого карася вылавливал. Знаменитый был карась! Вес одного экземпляра до четырех кило и более доходил, представляете? Теперь — ни того колхоза, ни карася.

— Карась-то куда делся?

— А вот, как распустили колхоз, начался форменный беспредел. Все кому ни лень ловят и всё сетями, сетями — тутошние рыбаки удочку не жалуют. О воспроизводстве и речи нет. А главное, за чистотой озера уж никто не следит — заморы пошли... В общем, частью выловили нашего карася, а остальной сам передох... Николай Николаевич, а вы знаете, что в домонгольские времена это озеро именовали «Чюдским»?

— Да, где-то читал, — кивнул Сажин и, зевая, заметил: — Замечательный у вас город. Если б не дорога, каждое лето наезжал сюда отдыхать. Но добираться до вас — мама не горюй.

— Оно так не всегда было. В советские годы из Галича до Чухломы летал самолет — пятнадцать минут и тут. А отсюда — в Солигалич ещё за двадцать. Ну, тогда у нас в стране малая авиация имела, она большинство провинциальных городов между собой и связывала. И даже некоторые деревни. А ныне — да, теперь — полная, как говорится, Чухлома.

Николай закурил и задумчиво посмотрел на Таганова.

— Вы, смотрю, тоже за советскую власть топите?

— В смысле «тоже»? — улыбнулся Таганов. — Тоже, как и вы?

Сажин хмыкнул.

— Мне тут недавно один товарищ объяснил, что настоящей советской власти я уже не застал, а потому не вправе и судить о тех временах. Дескать, младшие — не судьи в делах старших.

— Вам же сорок три? Отчасти товарищ ваш прав, конечно... Однако ж для чего человеку дана голова? Чтобы наблюдать, сопоставлять, анализировать... и делать верные выводы.

— Вот, кстати, о верных выводах, — спохватился Сажин. — Из вашего давешнего рассказа однозначно не следует, что надо мною нависла какая-то угроза. Может, поясните, наконец, что или кто всё-таки мне угрожает?

— А сами-то вы как мыслите?

— Нет, ну не про дурную же наследственность речь, в самом деле? Эта опасность слишком гипотетична. А в письме, помнится, вы даже употребили эпитет «смертельная».

— Всё ж таки я надеялся, что вы сами... Впрочем, ладно. Слушайте. У меня есть веские основания полагать, что вас хотят похитить.

— Похитить? Меня?! — Сажин невольно рассмеялся. — Помилуйте, я ж не дочь миллиардера из списка Форбс. И кто эти злодеи? Инопланетяне?

— Не инопланетяне, — повернувшись к Сажину лицом и серьёзно глядя тому в глаза, ответил Таганов. — Чудь белоглазая.

Глава 9

Сажин отступил от собеседника на шаг.

— Не волнуйтесь, — усмехнулся Таганов. — С психическим здоровьем у меня полный орднунг. Находите мои слова нелепыми? А разве это со мной в последние дни происходят всякие несообразности да странности? Нет, не со мной — с вами, Нико-

лай Николаич. Давайте оценивать факты — только голые факты.

— Чудь белоглазая! В двадцать первом веке. У меня такое чувство, будто я угодил в какую-то жуткую старонемецкую сказку... Ну, хорошо. И чем же я насолил вашей чуди? С чего ей вздумалось меня извести?

— Про «извести» никто и не говорит. Напротив, вы им потребны живым и здоровым. Ведь вы — потенциальный объект поклонения и служения. Очевидно, чудь почитает вас за живое воплощение своего бога — Кунигазса.

— Бога Кузи?!

— Ну а вот чему, скажите на милость, вы удивляетесь? — раздражился Таганов.

— Вы же его прямой потомок! В этом-то факте сомнений быть не может, ведь так?

— Да основания-то каковы?! — в свою очередь повысил голос Сажин. — Какие основания для столь диких опасений? Вы что, заметили, как вокруг меня шныряют белоглазые бородатые карлики? Или эта самая чудь прислала вам официальное предупреждение?

— Я не могу вам раскрыть всего, Николай Николаич. По ряду причин, но... Короче, мне наверное известно, что тот навязчивый старик с ручным вороном, о котором вы давеча рассказывали, так вот, этот старец у них — у чудского племени — некто вроде жреца-хранителя. Вы его, помнится, прозвали Хирохитой? Мне он представился Ильей Бурмосовичем Бурмасовым. И да, я с ним встречался. Даже общался. Вот как с вами сейчас. Бурмасов сам вышел на меня, когда узнал про мои изыскания и мой интерес к родословию Сажиных. Это случилось ещё с год назад.

— Ну... так... так... допустим, хотя... А для чего же вы, скажите на милость, стращали меня смертью?! Сами говорите, что ничего летального мне не грозит?

— Как сказать. Для мира-то вы тогда всё одно что умрёте. Или вам охота провести остаток дней в пещерах Чудь-горы в качестве живого идола этих белоглазых реликтов?

— Что-то я замёрз, — после минутного молчания заявил Николай.

— С озера прохладой тянет, — согласился Таганов. — Пойдёмте-ка домой.

На ужин Папа Хэм сварганил яичницу со свинными шкварками, обильно сдобрив её мелко порезанными зелёным луком, укропом и кинзой.

— Не обессудьте за скудость трапезы, — извинился он, ставя на стол аппетитно шкворчащую сковороду, — я ж холостяк. Но зелень прямо с грядки. Вот ещё огурчики малосольные, собственного производства, по старинному чухломскому рецепту. Оцените... Может, по пятьдесят крыжовенной? Вы как насчёт этого?

— Я «за». И можно не по пятьдесят. Что-то меня подтрясывает, простыл, наверное.

— Это всё от нервов, — заверил Таганов, быстро заменив рюмки на классические гранёные стаканы. — Не каждый день узнаёшь про себя столько всякого. Ничего-ничего, сейчас отпустит, моя самогонка справная, двойной очистки, надёжнее этих ваших антидепрессантов, никакой химии, — он щедро плеснул «крыжовенной» в оба стакана. — Ну, здрав будь, боярин, — Николай кивнул и залпом влил в себя полстакана. — Закусывайте, закусывайте, Николай Николаич! Огурчиков, огурчиков-то моих фирменных попробуйте. А? Как вам? Тут и хрен, и укроп, и чеснок, и дубовый лист, и... Всё свое, всё с огорода, прямо с грядки.

— Уфф! — выдохнул Сажин, с хрустом закусив малосольным огурцом. — Дубовые листья тоже с грядки?

— Что? А, понял! Нет, дубовые листочки из леса. Видите, к вам уже вернулось чувство юмора. И очень славно. Отпустило, значит. Яишенку кушайте, Николай Николаич, пока не остыла.

Папа Хэм тараторил без остановки, то и дело подливая в стаканы «крыжовенной», словно пытаясь отвлечь Сажина от тревожных мыслей или опасаясь, что тот вновь начнёт задавать вопросы. В какой-то момент Николай так и решил и прикрыл стакан ладонью.

— Будет, Виктор Антоныч. Такими темпами я и с лавки не встану. Пора потолковать по существу. Вы же мне не всё рассказали, верно? Всё намёками, загадками да урывками. Что, в самом деле, я выцеживаю из вас информацию, как... дистиллят из самогонного аппарата?! Сами же меня пригласили, а теперь скрытничаете.

Таганов крякнул и заткнул пузатую бутылку зелёного стекла пробкой.

— Правы, Николай Николаич, сто раз правы, — он потерев пальцами русую бородку. — Пора и о делах наших скорбных покалякать, — вдруг лицо его просветлело: — Но прежде позвольте показать вам мою коллекцию самоваров!

— Каких самоваров? — опешил Сажин. — Самовары-то здесь с какого бока-припёка?

Но Папа Хэм уже поднялся из-за стола, отдернул ситцевую занавеску, скрывавшую кутный угол, и, заговорщически подмигнув Николаю, ткнул пальцем вниз:

— Они в подполе. Пойдёмте, не пожалее — такого вы нигде не увидите, ни в одном музее нет коллекции, равноценной моей.

Сажин пожал плечами и попытался встать — не тут-то было — его крепко шатнуло в сторону, и не схватись он вовремя за столешницу, лежать бы ему на полу.

— А, что б тебя! — проворчал он, со второй попытки поднявшись со стула. — Ваша самогонка мамонта свалит.

Папа Хэм хмыкнул в бороду:

— Мамонты в наших краях вымерли десять тысяч лет назад.

— Видать, от того и вымерли.

— Вам виднее.

Таганов ухватил железное кольцо в полу, поднатужился и с грохотом откинул крышку погреба.

— Ничего-ничего, пройдёт. Это всё от нервов. Полезайте за мною, обождите только, я там включу свет — лесенка больно крутенька.

Сажин обречённо подошёл к чёрной квадратной дыре в полу и, дождавшись, когда внизу загорелся жёлтый свет, спустился по скрипучим деревянным ступеням.

Подпол, скорее даже не подпол, а подвал — обширное, во весь периметр дома, помещение, в котором можно было свободно стоять, не сгибаясь, сложенное из блоков белого песчаника, и впрямь напоминало если не музей, то музейный запасник. Вдоль всех его четырёх стен в два ряда тянулись массивные деревянные полки, плотно уставленные самоварами всяческих форм — от знакомых каждому классических до самых причудливых, никогда прежде Николаем не виданных. Да их тут не меньше сотни, прикинул Сажин.

Таганов выждал минуту-другую, любясь произведённым эффектом, и повёл гостя от экспоната к экспонату; о каких-то он рассказывал походя, дескать, это «репка», сработан в Туле в начале XIX века, а у иных, составлявших, по-видимому, предмет его особой гордости, останавливался и давал пространные пояснения.

Имелись тут самовары тульские, осташковские, уральские и ещё неизвестно чьи из жёлтой и красной меди, никелированные, латунные и из неведомого ранее Сажину сплава «томпак», весьма смахивающего на золото. Папа Хэм сыпал названиями некогда знаменитых производителей: фабрика Воронцова, Зубова, Соколова, мастерская Александрова, Катова. Оказалось, всякий самовар в зависимости от формы причислялся к определённой виду: «репка гранёная», «шар», «банка», «греческая амфора», «рюмка гладкая» и «рюмка гранёная» и даже самовар «паук». Все эти диковины канувшего в Лету самоварного искусства вызвали безусловный интерес, удивляли, а порой и восхищали... Но в какой-то момент Николай понял, что с усилием разбирает комментарии краеведа, а ряды пузатых, носатых, квадратных, шарообразных, вытянутых, как бутылки, и приплюснутых, точно тыквы, артефактов сливаются в один тускло мерцающий хоровод и того гляди пустятся в присядку.

— Эге, — заметил Папа Хэм, — у вас глазки в разные стороны. Что ж, на боковую? Утро, как говорится, вечера...

— Правда ваша, что-то меня развезло. Пойду лягу. Только разбудите меня пораньше.

— С первыми петухами, — заверил Папа Хэм.

Ранним утром, часов в семь, когда со дворов в самом деле разносилась задорная петушинная переключка, Папа Хэм поставил перед Николаем поллитровую кружку снежно-белой холодной простокваши.

— Пейте! Лучшее средство после излишеств. Я уже две выдул и — как огурчик.

Сажин послушно опростал всю кружку и, утерев губы, крякнул:

— Хороша простокваша. Своя?

— А то чья же? Молочком меня ссужает соседка, у неё бурёнка, а простоквашу и творог я самолично готовлю — дело нехитрое.

— Как сказать... Я с малолетства люблю простоквашу. В советское время молоко продавалось в стеклянных бутылках или таких — помните? — треугольных пакетиках. Долго не хранилось — пара дней и скисло; а потом ещё чуток постоит — вот тебе и простокваша. Так это я к чему: не раз я пробовал из теперешнего молока сквасить простоквашу — пустая затея! Оно даже не скисает — и в тепле, и через месяц, — только горьким становится, как полынь. Ну, которое суперпастеризованное — понятно, но и с тем, что короткого срока хранения — та же история. Не киснет, а тухнет.

— Потому, магазинное — суррогат, а не молоко. Да разве одно молоко? Хлеб в блокадном Ленинграде, полагаю, был натуральнее нынешнего. Обращали внимание, хлеб теперь не черствеет, как прежде, а сразу плесневеет? А колбаса? Почитайте-ка, что на ней мелким шрифтом написано: всё что угодно, кроме мяса. Анастас Микоян, верно, в гробу переворачивается. Отсюда декларируемое изобилие: сплошной фальшак на прилавках. Заметьте, по цене натуральных продуктов...

«А ведь Папа Хэм опять мне зубы заговаривает», — догадался Сажин.

— Так, — сказал он, отодвигая тарелку. — А сейчас, надо полагать, мы продолжим осмотр самоварной коллекции.

— Ишь, какой вы сегодня едкий. Я ведь о чём забочусь? Переварите ли вы новую информацию, вот чего. Вчерашний-то мой рассказ вы поначалу — в штыки, разве нет? Если же — как пыльным мешком по голове — всё разом вывалить.... Для осмысления потребно время, вот я и дозирую, уж простите за откровенность. Подготовить вас хотел, дабы дозрели до всей правды. А правда, она может и зашибить человека. Извините за столь путанную речь, конечно...

— Извиняю, — не вытерпел Сажин, — но давайте ближе к телу.

— Ладно, будь по-вашему. Не из-за чуди белоглазой я вас вызвал. Ну, не только и не столько из-за неё. Чего там замыслил старик Бурмасов — Хирохито по-вашему — бог ведает. Впрямь ли он жрец белоглазых — бабушка надвое сказала. Нет, я-то в том убеждён, однако... В общем, над вами, Николай Николаич, нависла ещё иная угроза. И вот она-то и впрямь смертоносна.

За столом наступило молчание. Папа Хэм встал, засыпал в чашки гранулированный кофе — прямо из банки, на глазок — размешал и, щедро плеснув сливок из тяжёлого глиняного кувшина, поставил чашки на стол и снова уселся.

— Ой, я же не спросил, — спохватился он: — вам со сливками или так?

— Ну?! — не выдержал Николай.

Таганов подался вперёд и, понизив голос до шёпота, произнес:

— Число.

Глава 10

Никто из них не заметил, когда за окнами посерело, и из тяжёлых, набрякших влагою туч, невесть откуда выползших на недавно светлое небо, посыпались крупные капли; дробь их становилась всё чаще и чаще, пока не слилась в единый сплошной гул — начался ливень.

— Какое число? — спросил Сажин. — Снова говорите загадками.

Таганов осторожно отхлебнул горячий кофе и ответил вопросом на вопрос:

— Как полагаете, Николай Николаич, у Запада — под Западом я разумею пул крупнейших транснациональных корпораций, финансовую олигархию и верхушку политического истеблишмента, прежде всего американского, — так вот, у всех этих лиц, которые по факту влияют на всё, что происходит в мире, есть центр принятия решений? Я не имею в виду тех клоунов, что возглавляют политические партии и правительства, я сейчас говорю о реальных властителях, о кукловодах, стоящих за этими выборными марионетками.

— Пресловутая «мировая закулиса», что ли?

— Понимаю, штамп. Но за каждым штампом скрываются факты, числа... В нашем случае — сумма чисел. «Мировая закулиса», «теневое правительство», «глубинное государство» — названий у этой структуры много. Сами себя они именуют «Сумма», «Тотал» по-английски, а свои подразделения на национально-государственном уровне — «Числами». В нашей стране, разумеется, есть своё «Число».

— Конспирология, — хмыкнул Николай. — Но зачем вы мне рассказываете всё это?

— Похоже, вы всерьёз их заинтересовали. И эта опасность не идёт ни в какое сравнение с той, что исходит от чуди. Она смертельна! Интерес «Числа» к вам сродни интересу большой белой акулы к одинокому сёрфингисту.

Несколько чувств боролись в душе Сажина: облегчение, разочарование и раздражение. «Вот и разгадка, — думал он. — Мой визави оказался на проверку обыкновенным трёхнутым конспирологом. Но тогда и все его рассказы про чудь белоглазую и моих шестипалых пращуров тоже болезненный фантазм?» Он глубоко вздохнул, допил залпом кофе и спросил зачем-то:

— Так-так-так. А кто ими верховодит, вам, часом, не известно? Есть у «Суммы» единоличный исполнительный орган, ну, как в любой приличной организации?

— Вы слышали про Дэвида Рокфеллера?

Сажин коротко хохотнул.

— Всякий слышал. Фамилия знаменитая ещё с позапрошлого века. Одно из богачейших, если не самое богатое, семейство на Земле. Только вот беда: Дэвид Рокфеллер помер, насколько помню, весной этого года. Хотя пожил изрядно — сто один годок, нам бы так.

— Официальная дата смерти — 20 марта 2017 года, причина — хроническая сердечная недостаточность. А вы читали, что ему семь раз пересаживали сердце и дважды — почки? Последний раз новое сердце ему пересадили в девяносто девять лет...

Только Дэвид Рокфеллер не умер.

— Ого! Пойдите, не подсказывайте, я угадаю сам: взят живым на небо? Как ветхозаветный Енох?

Словно не замечая сарказма, Папа Хэм продолжил будничным тоном:

— Когда врачи принадлежащего ему института геронтологии поняли, что никакие новые трансплантации не в силах поддержать жизнь в одряхлевшем теле их шефа, они изъяли из его черепа мозг и поместили в особый контейнер с плацентарной средой. Забыл сказать: к тому моменту его учёным удалось идентифицировать набор генов, запускающих программу старения мозга, и заблокировать их. Ещё они синтезировали особый белок — эпиталон, который понуждает клетку делиться большее число раз, чем предусмотрено биологической программой. Ведь старение мозга, как и остального организма, тем и обусловлено, что клетки возобновляются всё реже и реже, а потом этот процесс и вовсе прекращается. Так вот, поместили его мозг в специальный контейнер-дьюар и вживили в каждое полушарие несколько сотен микрочипов; впрочем, как нам известно, на сегодняшний день их заменили оптические манипуляторы — так называемые Бесселевы пучки девятого порядка, посредством которых можно воздействовать не то что на каждый нейрон мозга, а даже манипулировать отдельными атомами и микрочастицами. Благодаря этим манипуляторам Дэвид Рокфеллер воспринимает цветное изображение происходящего повсюду: через видеокамеры в городах, компьютеры, планшеты, телефоны и прочие гаджеты — а их миллиарды. Он может следить буквально за всем, что творится на планете. Ему не надо, подобно нам, смертным, вглядываться в дисплей — виртуальный мир формируется в его мозгу. Он *всевидящ!* Его память не скована нашими человеческими объёмами, к его услугам мгновенный доступ практически к любым базам данных — они составная часть его собственной оперативной памяти. Он *всеведуш!* Усилиями его учёных мозг Дэвида Рокфеллера не только не стареет, но и регулярно омолаживается, сохраняя при этом весь потенциал накопленных знаний и свою индивидуальность. Он не подвластен времени, он *вечен!* Чтобы сравняться с Богом, ему недостаёт последнего качества — *всемогущества*. Этого он вожделеет более всего, к достижению этой заветной цели устремлены сейчас все его помыслы.

— Сведения-то какие у вас детальные, — скривился в усмешке Сажин. — Из прессы почерпнули или из интернета?

— Вы напрасно ёрничаете. Ни в прессе, ни в сети таких сведений не найти, у меня свои источники — надёжные. Но об этом после.

— Так-так. И каким же макаром ваш вездесущий Рокфеллер собирается достичь всемогущества?

Папа Хэм пожал плечами:

— Всех деталей я, понятно, не знаю. Я же не Нострадамус и не Дельфийский оракул. Но главные парадигмы «Суммы» вычислить несложно, достаточно внимательно следить за мировыми тенденциями и трендами... Знаете, несколько лет назад на одном из заседаний Бильдербергского клуба — слышали о таком? — абсолютно закрытый клуб самых влиятельных кукловодов мира, заседания которого проходят в режиме полной секретности, — так вот, Дэвид Рокфеллер заявил на том заседании, что мировой элите жизненно важно работать с молодыми поколениями. Необходимо отменить национальные и гендерные различия, мифологизировать, а потом и вовсе отбросить историю как науку, девальвировать само понятие родины, чтобы превратить человека в девственно-чистый лист, на котором «Сумма» напишет новые, нужные ей заповеди.

— О Бильдербергском клубе я, понятно, наслышан. Но если его заседания столь секретны, откуда вам знать, когда и что там говорил Рокфеллер?

Таганов со вздохом покачал головой:

— Шила в мешке не утаить. И повторюсь, у меня имеются свои надёжные источники информации.

Всё-таки параноик, решил Николай, а он-то, простота, олух царя небесного! Да, но как же прапрадед Богдан Сажин и дед — матёрый уголовник Гориллыч? Такое из пальца не высосать...

— Не верите, — констатировал Таганов. — Понятно теперь, почему я не хотел с этим спешить? Не созрели вы ещё, вот мозг и отказывается усваивать.

— Рассказываете вы жутко интересно, и для меня, как писателя, такие сюжеты — находка. А по части доверия — извините. И потом... вот вы упредили меня про чудь — хорошо, но там присутствует какая-никакая логика, мотивация: я для них реинкарнация племенного божества — бога Кузи...

— Да никакая не реинкарнация, — перебил Таганов. — Вы прямой потомок и, стало быть, наследник.

— Без разницы! — отмахнулся Николай. — А за каким лешим я сдался вашему

«Числу»? Им-то я чем насолил, а? У этих, как вы только что разъяснили, уже есть свой бог — Дэвид Рокфеллер. И, любопытно знать, откуда вы всё ж таки черпаете информацию? Это вы не в первый уже раз намекаете на некие таинственные источники и увильваете от ответа. Любая гипотеза, прежде чем стать фактом, должна обрести доказательствами, причём доказательствами проверяемыми. У меня дочь — юрист, так вот, она в таких случаях говорит: бремя доказывания лежит на стороне, выдвинувшей соответствующее утверждение. То бишь каждый сам должен доказать те обстоятельства, на которые ссылается. И пока этого не случилось, они в расчет не принимаются, вот так. Только, прошу, не уподобляйтесь нашим доморощенным агностикам: есть бог или нет бога, и то и другое, дескать, недоказуемо. Ровно тоже применимо и к Деду Морозу.

Папа Хэм закивал и произнёс с раздражающе-сочувственной улыбкой:

— Снова ваша правда, Николай Николаич. Давайте ещё кофейку, вы как насчёт кофейка?

Сажин пожал плечами. Он всё никак не мог сыскать надёжного способа удостовериться в правдивости рассказа Таганова о своих шестипалых предках. Папа Хэм заварил кофе, добавил сливок и поставил чашки на стол.

— Опять я, голова садовая, забыл спросить...

— Со сливками! — почти выкрикнул Николай.

— Не будем нервничать. Есть у меня доказательства. И интерес «Числа» к вашей персоне нам в целом понятен. Но всего, и прямо сейчас, я вам рассказать не могу, прошу извинить покорно. Я вас второй день знаю, это тоже надо понимать.

— Кому это «нам»? — нахмурился Сажин.

Папа Хэм вдруг сердито засопел и сдвинул брови:

— А вы как себе думали? Я ещё давеча признал, что в моих изысканиях мне помогли — солидные и влиятельные люди мне помогали. Должны же вы сообразить, что вот есть некая Сила, многому и многим враждебная, значит, должна существовать и Сила, ей противостоящая, оно же очевидно. А большего я пока не скажу — извините. Не вправе!

— Всё чудесатее и чудесатее, — пробормотал Николай. — Прикажете верить вам, как библейскому пророку, на слово? Мне образование не позволяет.

— Воля ваша. Если готовы плюнуть на всё, вычеркнуть из памяти и сегодня же вернуться в столицу — не смею задерживать. Только мне представляется, что вам, в силу хотя бы профессии, должна быть присуща любознательность. И куда вам спешить? В Литинститут вам только через три недели.

«Про институт я ему ничего не говорил», — сообразил Сажин. И тут же вспомнил про Хирохито — как с ним-то быть? Он-то — не выдумка Папы Хэма.

— Виктор Антонович! — он хлопнул ладонями по столешнице и резко встал.

— Да, Николай Николаич, — откликнулся тот, также поднявшись.

— Вот что... В рукописи Мельникова-Печерского говорится о Чудь-горе, так?

— Верно.

— Гора эта где-то здесь, в Чухломском районе? Вы знаете точное место?

— Знаю, — тихо подтвердил Папа Хэм. — Ездил туда однажды, хотелось сверить рассказ Печерского с действительностью. Как вы там сказали? Дабы отыскать доказательства тем обстоятельствам, на которые ссылается автор.

— Ну и как?

— Есть там гора.

— И? Проникали внутрь? Или, может, видели белоглазых карликов?

— Врать не буду: ни прохода в гору не нашёл, ни чуди не встретил. Однако... непростое место. Жутковатое.

— Понятно. Так вот, я хочу, чтобы вы показали мне эту Чудь-гору.

Таганов окинул Сажина долгим взглядом.

— Уверены, Николай Николаич?

— Уверен, Виктор Антоныч.

Папа Хэм набил короткую вишнёвую трубку табаком, сунул её в рот, раскурил и принялся мерить шагами горницу; поправил висящее на стене коромысло, зачем-то поменял местами на полке два старинных утюга, подошёл к окну и встал, заложив руки за широкую спину и попыхивая трубкой. Сажин тоже закурил, с прищуром сквозь табачный дым наблюдая за краеведом.

— Будь по-вашему, — сказал Таганов, оборотясь к Николаю. — Желаете отправиться прямо сейчас?

— Если возможно.

— Всё в наших руках. Хотя дождь-то нам как раз и не с руки, ну пусть. У меня есть «Нива», старенькая, аж восемьдесят седьмого года, но на ходу. Она — в сарайчике, в другом конце огорода, за банькой. Понятное дело, к самой горе нам на ней не подо-

браться, но до места, где раньше находилась деревня Филино, худо-бедно, доедем. А дальше — пешочком, через лес, буераки, по болоту... километров пятнадцать, когда не боле. Не пугает?

— Я опытный грибник и лес люблю.

— У нас не Подмосковье, где, куда ни сверни, либо к домам, либо к дороге выйдешь. Костромские леса глухие, коли заплутаешь — можно пропасть. Волки, медведи опять же. Представьте, в нашем Чухломском районе лес до сих пор занимает шестьдесят с гаком процентов территории.

— Стращете? Сами-то ведь ходили туда?

— Не прекословлю, ходил.

— Вот! Значит — можно. И дорога вам известна — не заблудимся.

— Заблудиться не заблудимся, оно конечно... заплутаем если. Там сама Гора ориентиром, только её не отовсюду видать — деревья мешают. Что же, давайте собираться, до Филино нам, с учётом погоды, часа два пилюкать... если повезёт. А в сумерках, после заката или в ночь, идти к Чудь-горе я врагу не пожелаю. И сам не отважусь.

Николай подошёл к окну, приподнял ветхую тюлевую шторку и обернулся к Таганову:

— Тогда по коням? Дождь вроде перестал.

Тут в оконное стекло кто-то настойчиво постучал. Сажин оглянулся: на него выпущенными глазами таранилась ухмыляющаяся бесовская рожица. От неожиданности он аж отпрянул и едва не перекрестился.

— Изя вернулся! — воскликнул Папа Хэм, всплеснув руками. — Где ж тебя двое суток носило, пострелёнок? — он отстранил Николая и распахнул фрамугу. Ему на грудь с радостным мявканием прыгнул чёрный долговязый котиче, с маленькой носатой мордочкой, ушастый, точно нетопырь, и принялся, чавкая и мурлыча, облизывать хозяйну лицо.

— Это мой корниш-рэкс, Изей кличут, — пояснил Таганов, наглаживая мурлыкающего питомца. — Он у меня не кастрированный, вот иной раз и уходит в загул. Да, Изюка? Опять мамзельку с пониженной социальной ответственностью закадрил? Блудня эдакий! А родитель сиди, волнуйся. Ух ты, Изюка-зююка. Красавчик, правда? Вы погладьте его, погладьте! Он добряк. А шерстка какая, а? Чисто каракуль.

Сажин провёл ладонью по мягкой волнистой шкурке; упитанное тельце оказалось удивительно тёплым, почти горячим. Кот, вытянув длинную шею, приблизил морду к самому его лицу и внимательно, в упор посмотрел большими выпуклыми глазами. Один его клык был длиннее второго и зловеще выдавался из пасти. «Изя хороший», — похвалил его Николай, и тот, словно в благодарность, лизнул его в щёку шершавым, как наждак, языком.

— Видите, вы ему понравились, — засмеялся Папа Хэм.

— Вот уж не ожидал встретить в здешней глухомани кота столь экзотической породы.

— Подарок столичного друга. Ладно, сейчас покормлю моего обормота, и — в путь.

Глава 11

Через полчаса поспешных сборов Сажин с Тагановым уже тряслись в дребезжащей и постанывающей от старости «Ниве» по ухабистым просёлочным дорогам. Они миновали какое-то село, пару полуживых — в два-три обитаемых дома — деревеньки и несколько мёртвых, давно покинутых людьми, с пустыми полусгнившими избами, окна которых были кое-как заколочены досками, а то и просто зияли чёрными провалами, точно глазницы вросших в землю, едва различимых в зарослях бурьяна и встававшего мелколесья, великаньих черепов. Но большая часть пути являла собой разъезженную колею, которую с обеих сторон тесно обступал дремучий хвойный лес, неприветливый и угрюмый после недавнего дождя.

Папа Хэм прихватил в дорогу дневной запас еды, два туристических топорика и одноствольное охотничье ружьё ИЖ-5, явно доставшееся ему в наследство. Грунтовая дорога изрядно раскисла; тяжёлый современный джип, пожалуй, давно бы увяз по самые уши, но ходкая, невзирая на почтенный возраст, лёгкая «Нива» упрямо шла вперёд, разбрызгивая фонтаны грязи и подскакивая на бесчисленных ухабах. Таганов вёл машину уверенно, крепко вцепившись в обмотанный изолентой руль и безостановочно пыхтя трубкой.

Ни Таганов, ни Сажин не могли видеть крупного чёрного ворона, неотступно летящего за их «Нивой».

Перевалило заполдень, когда Папа Хэм свернул с просёлка и вырулил на небольшую поляну. Объехав куст орешника, он загнал машину прямо в густые заросли иван-чая, облегчённо выдохнул и распахнул дверцу.

— Приехали. Дальше — только на своих двоих. Мою старушку оставим тут, место невидное. Хотя кому она нужна?

День оставался пасмурен, но душен, как случается перед грозой. Николай вылез из кабины, накинул на плечи брезентовый рюкзак со своей частью поклажи и вдохнул полной грудью дурманящий, пропахший сырým разнотравьем и хвоей воздух. Они прошли сквозь высокий травостой вглубь поляны и поднялись на пригорок. Метрах в ста перед ними тёмной стеной вставал лес. Папа Хэм указал вверх деревьев:

— Вон, глядите, там, чуть левее, видите? Это она и есть — Чудь-гора, укывище белоглазой чуди. Если, конечно, верить Печерскому.

Сажин вгляделся: среди тёмно-зеленого моря, где-то на краю видимости возвышался поросший деревьями конус; от остального леса его, точно полоса отчуждения, отделяло полукольцо плотного тумана.

— Болото там, — пояснил Папа Хэм, — оттого и марево, — он поправил ружьё, одёрнул куртку, похлопал себя по карманам, потопал резиновыми сапогами, точно проверяя их на прочность, и преувеличенно бодрым тоном произнёс: — Бог не выдаст, свинья не съест. Тронулись!

Николай, по настоянию Таганова, тоже заранее переобулся в резиновые сапоги из запасов хозяина, примерно подошедшие по размеру. «Ближе к подножью места топкие, — аргументировал Папа Хэм, — проще уж босиком, чем в кроссовках». Но теперь, спускаясь вслед за ним с пригорка, Сажин почувствовал, что левый сапог из-за лишнего пальца жмёт, и мысленно клял себя за сговорчивость. Вступив в лес, он потянул носом и тут же уловил тонкий букет грибного аромата. Николая так и подмывало заглянуть под хвойный подол ёлок в надежде обнаружить каштаново-бурую шляпку белого, но его проводник сразу задал ходкий темп.

Продравшись сквозь частый ельник, окативший их прохладным дождём с мокрых колких лап, они очутились в сосновом бору; здесь было сухо, светло, а под ногами приятно пружинил толстый слой слежавшейся хвои; золотистые, будто освещённые солнцем, стволы могучих корабельных сосен стояли не слишком густо, и идти стало легко и приятно. Чудь-горы видно не было, но Папа Хэм уверенно шагал вперёд, выпуская клубы табачного дыма, точно паровоз на полном ходу. Километра через три он остановился и сверился с компасом.

— Что, сбились? — заволновался Николай.

— Это я так, на всякий случай, тут не заблудишься. Вот на болоте, там — да, там может закружить.

— А компас на что?

— Шалит он в тех местах, врёт, как гидрометцентр. Может, из-за рудных залежей в Горе? Леший знает. В прошлый раз я там долго кружил. Ну ничего! Я кое-где оставил метки, по ним и доберёмся.

— Что-то не помню, чтобы в рукописи Печерского упоминалось болото.

— Его и не было в те времена. Лет сорок или больше назад случился лесной пожар, вот после того па ла земля там и отрясинилась. Болото не болото, а идти топко. И чарусы встречаются.

— Чарусы? Это что за зверь? Название красивое.

— Оно и с виду красиво. Коли встретим, так покажу.

Справа от них кто-то неразличимый за деревьями затрепал ветками, завозился шумно и сердито.

— Лось или кабан, — предположил Папа Хэм в ответ на вопрошающий взгляд Николая.

Сосновый бор кончился, и пошли осины, берёзы да ясени с подлеском из орешника и кустов лесной малины. Идти стало труднее, приходилось невольно петлять, огибая особенно непролазные заросли. Ко всему, Николай почувствовал, что натёр-таки левую ногу, и шагал, прихрамывая. Заметив это дело, Папа Хэм срезал две орешины, прямые и ровные, и подал одну Николаю.

Стволы деревьев между тем сделались каким-то приземистыми и искривлёнными; их причудливо-извилистые, смахивающие на одеревеневших змей, ветви тянулись к путникам, преграждая проход и словно предупреждая о неведомой опасности; длинные бороды мха свисали с них до самой земли. Не было слышно ни птичьих трелей, ни стрекота насекомых, ни шуршания мелких лесных зверюшек — ничего, немая дремотная тишь. Сажину припомнился колдовской лес из старой советской киносазки «О потерянном времени». Лесная подстилка из слежавшейся листвы и хвои обильно поросла валуями, чернушками и всевозможными млечниками; их было так много, что они хрустели под ногами; тут и там грибные семейки образовывали «ведьмины круги».

— И гриб-то тут всё какой-то сорный, — проворчал сквозь зубы Таганов, попыхая трубкой.

— Никакой не сорный, — возразил Николай. — Для холодного засола лучше этих не сыскать.

— Да ну! — махнул палкой проводник. — Вымачивай их, отваривай — возни больше.

— Зачем отваривать? — возмутился Сажин. — Только портить. Вся соль холодного соления, что гриб остаётся сырым, сохраняя натуральный вкус. Вымочить три дня в холодной воде, периодически её меняя — да, надо — чтобы горечь вышла. И всё!

Папа Хэм взглянул на него с интересом:

— А дальше как?

— Очень просто. Но перво-наперво следует знать, какие грибы для холодного засола годятся. Это, понятное дело, грузди всех видов, любые подгруздки: и белый — он же сухарь, и чёрный, и все прочие; потом: волнушки, краснушки, рыжики — последние, правда, вымачивать ни к чему, у них сок неедкий; дальше: млечники всякие — их ещё называют подорожниками; подмолочники, серушки; но мне лично особенно нравятся валуи, впрочем — дело вкуса. Ну так вот, как вымочили, насыпаете на дно посуды — бидона или там кадушки — что есть в хозяйстве — слой соли (лучше, крупного помола), кидаете туда же листья смородины, вишни, дуба, хрена, стебли укропа, и сверху укладываете грибы слоем эдак сантиметров в пять-десять; каждый такой слой пересыпаете опять же солью, перцем, чесноком, теми же листьями хрена, смородины и остальными, а как посуда наполнилась, кладёте деревянный кружок, а на него — камень для гнёта. Хранить, конечно, в холодном месте. Вот и вся премудрость — через сорок дней деликатес готов. Достали потребное количество, порубали с лучком репчатым, сметанкой заправили — язык проглотишь! Особенно если с картошечкой да под рюмочку.

— Вкусно рассказываете, — причмокнув, заметил Таганов. — Вам бы своё дело открыть, заготконтору какую-нибудь, от покупателей не было бы отбоя.

— Вот выйду на пенсию, может, тогда, — усмехнулся Николай. — Правда, ходят упорные слухи, что пенсионный возраст вот-вот повысят.

— Непременно повысят, — заверил Таганов. — И очень скоро.

— Откуда такая уверенность?

— Так Россия теперь — часть мировой капиталистической системы. А в ней, в системе этой, идёт сегодня повсеместный откат: пенсионный возраст повышают, социальные льготы, напротив, сокращают. И это закономерно.

— Почему же закономерно?

— Так ведь когда на Западе стали меняться отношения между наёмными работниками и капиталистами? После победы Октября. Именно коммунисты первыми дали миру и восьмичасовой рабочий день, и само право на пенсию. А декретные отпуска, запрет детского труда, бесплатное образование и здравоохранение, равные права мужчин и женщин? Тоже всё завоевания Октября. Вот Западу и пришлось догонять, чтобы тамошним пролетариям достижения «красных» глаза не колоди... Особенно после Великой Отечественной, когда мы с ППШ в руках доказали преимущество нашей системы. А расовое равноправие? Вспомните, в Штатах только в шестьдесят восьмом году — при моей жизни! — убрали уголовную ответственность за межрасовые браки.

Николай пожал плечами:

— И что изменилось?

— Как это что? Советского Союза не стало, вот что. Когда Союз рухнул — пошёл откат, прежние социальные завоевания стали потихоньку отбирать. Мы ж сами признали в девяностые, что СССР — «империя зла», а к чему равняться на уничтоженный Мордор?

— Так-то оно так, — согласился Сажин, — однако советский проект потерпел крах, и этот факт, увы, неизбывен.

— Это не означает краха самой идеи о социальном равенстве, — возразил Таганов, выбивая трубку о сапог. — Да, на путях развития цивилизации возможны неудачи, случаются и откаты. Вспомните Средние века. Тут ведь какой ещё нюанс: социализм предполагает совершенствование самой человеческой природы, взывает к лучшим качествам человека: к сознательности, коллективизму, ответственности, взаимовыручке. А капитализм, напротив, апеллирует к низменным животным инстинктам: эгоизм, алчность, право сильного, себялюбие. Это куда проще. Спуск всегда легче подъёма.

Тем временем зачарованный лес сменился низкорослым кустарником с торчащими из него тут и там высокими обугленными пеньками; под ногами захлюпало. «Ага, вот и болото, — сообразил Сажин, — значит, скоро Гора».

Таганов пошёл медленнее, тыча перед собой палкой, как слепой. Почва пружинила и колебалась, точно водяной матрац, ноги грузили в мягком мху, наплывы седо-

го тумана мешали обзору. Выйдя к светлой уютной полянке, поросшей шелковистой травкой, расцвеченной голубыми глазками незабудок и жёлтыми купавками, Папа Хэм замер и поднял руку.

— Привал? — спросил порядком измотанный Николай.

Вместо ответа Таганов подобрал тяжёлую корягу и с размаху зашвырнул её на середину живописной прогалины; с глухим всплеском коряга ушла вглубь, а на её месте образовалась мочажина чёрной воды, затянувшаяся у них на глазах. И вновь приветливая, с сочной свежей зеленью полянка манила к себе усталого путника.

— Вот вам и чаруса.

Глава 12

— В прошлый раз я в похожей чарусе едва не сгинул, чудом уберёгся, — рассказывал Папа Хэм, ведя Николая в обход коварного омута, — шаг только сделал и ухнул по самую грудь. На счастье рядом рос ракитовый куст — уцепился за ветки, насилу выбрался.

— А что, тогда другая была чаруса, не эта самая? Или вы ведёте меня другим путем?

— Какие тут пути, одни направления. А чаруса была иная, это точно. Там, в самой серёдке, стояла хибарка, ладная такая, вроде охотничьей сторожки, на неё я особенно купился.

— Чёрт-те что, — проворчал Сажин, — кругом омуты понатыканы замаскированные, ровно капканы. И кому приспичило ставить дом на болоте?

— Было бы болото, а черти найдутся. Непростое здесь место, говорю же... Ага! Вот и компас начал чудить: глядите — солнышко во-он откуда проглядывает, значит, там запад, так? А теперь смотрите на синюю стрелку — если верить ей, там у нас совсем не запад, а север.

Они шли среди низкорослых кустов подбела с восковыми, словно подбелёнными листьями, и редких чахлах сосенок. Порою попадались клюквенники с ещё незрелой ягодой, розовато-жёлтая морошка, тоже не вполне набравшая силу; потом пошла брусника. Николай на ходу срывал её красные блестящие ягоды и отправлял в рот; кисло-сладкий брусничный сок освежал и, кажется, придавал сил. Под ногами по-прежнему пружинили многолетние наслоения сфагнума.

— Николай Николаич, — предупредил Таганов, — вы ступайте аккуратнее, а то неровен час... — для наглядности он с силой воткнул в мох ореховый посох, поднажал, и тот по самую руку ушёл вглубь, прыснув тёмным водяным фонтанчиком.

Наконец земля перестала уходить у них из-под ног, вернувшись в нормальное твёрдое состояние, но теперь дорогу преградила сплошная стена багульника. Его узкие буровато-коричневые листочки источали острый дурманящий аромат. Зато совсем пропали досаждавшие им комары.

— Это ещё что, — походя заметил Таганов, — это ещё ничего, давешний-то раз я в июне в поход наладился, аккурат в пору его цветения, так — ух! — думал, лопнет моя головушка... Хотел вас спросить, Николай Николаич. Вот вы давеча упомянули, что у вас дочь юрист, так?

— Верно. Правда, пока не дипломированный — учится на последнем курсе МГЮА. Но уже трудится по специальности. А что?

— Если я лезу не в своё дело, так и скажите, без обид... А что жена? Вы в разводе или как?

— Формально как бы нет, а по факту... Она несколько лет назад эмигрировала в Штаты, и мы практически не общаемся.

— Вон что. А вы чего же остались? Не захотели в землю обетованную, в сияющий град на холме?

Сажин помолчал, а потом ответил:

— Знаете, я хоть и застал уже позднесоветский период, однако такое понятие, как «родина-мать», для меня не пустой звук. Это теперь — у нынешней молодёжи — оно вызывает иронические ухмылки или стеб про «совок» и «скрепы». Как бы там ни было, а я воспитан так, не иначе. И мне отчего-то кажется, что и вы, Виктор Антонович, разделяете эту мою позицию.

— Разумеется, — подтвердил тот, с пыхтением продираясь через кусты. — *Патриа о муэртэ!*¹

— *Венсеремос*². Тогда оцените, скажем, следующую ситуацию: приходит к вам, допустим, друг-приятель и заявляет, что его матушка сильно сдала за последнее вре-

¹ «Родина или смерть!» (исп.)

² «Мы победим» (исп.)

мя, постарела, всё забывает, и вообще от неё не то что никакой помощи не дождётся — она сама требует ухода и поддержки; притом пенсия у неё крохотная. Поэтому, когда недавно он встретил молодую, материально обеспеченную женщину, то решил её уматерить, а прежнюю — старую да больную — сдать в приют. Как вам такое?

— Отвратительно, — Папа Хэм остановился и окинул Сажина долгим взглядом. — Знаете, Николай Николаевич, вы мне всё более и более симпатичны, — он набил трубку свежим табаком, примял его жёлтым от никотина пальцем и принялся с лёгким попыхиванием раскуривать. — А супруга ваша, значит, на сей счёт держалась иного мнения?

— Она, увы, попала под влияние церкви свидетелей Иеговы.

— Иеговистов? Да, те мастера зомбировать неофитов.

— Вот-вот. И не найдя, мягко говоря, сочувствия ни у меня, ни у дочери, предпочла перебраться поближе к их ненаглядной «сторожевой башне».

— Теперь понятно. Ну, двинули дальше.

Через полкилометра или около того под ногами опять всё заколебалось, вновь пошла брусничники и морошка, и — здрасте, пожалуйста! — они очутились на краю той же самой чарусы.

— Твою ж развою! — с сердцем выругался Папа Хэм. — Закружил нечистый. Где у нас солнце?

— За тучами, — констатировал Николай, подняв глаза к небу.

— Так. Ладно. По всему, мы сделали крюк. Следов наших не видать, так? Значит, мы к ней зашли с другой стороны. Поворачиваем! Николай Николаич, давайте-ка поднажмём. Сейчас начало пятого, три часа топаем, а нам ещё на обратный путь время потребуется. Ночевать в здешних местах мне решительно неохота, — и, несмотря на усталость, Папа Хэм перешёл на лёгкую трусцу, так что Сажин едва поспевал за ним.

Проломившись сквозь заросли багульника, они с налёту выскочили в роскошную дубраву; многовековые великаны широко и вольготно раскинули кудреватые кроны, накрывая всё вокруг тенистым пологом, под которым царили приятная прохлада и зеленоватый сумрак. Их путь пошёл теперь на подъём.

— Считай, на месте, — задыхаясь, произнёс Таганов, утирая потное лицо рукавом.

Николай зачарованно смотрел на великое множество польских белых, несметные россыпи козлят, моховиков и мокрух, произраставших под благодатной дубовой сенью; их глянцево-коричневые, бархатисто-оливковые, красновато-бурые и охристо-розоватые шляпки так и просились в корзину, которой, увы, у Сажина не было.

— Грибами займёмся как-нибудь в следующий раз, — сказал Папа Хэм, искоса глянув на Николая, — сейчас недосуг. Но хороши, стервецы! А? Полюбуйтесь! — он на ходу сорвал пузатый поддубник размером с суповую тарелку. — Не... это не панский гриб и не козляк. Верно сатанинский.

— Сами вы сатанинский, — фыркнул Сажин. — Сатанинские у нас вообще не растут, за них часто принимают желчный гриб, но тот не ядовитый, а просто горький. А это — поддубник, поддубовик или дубовик — как и польский, относится к роду боровиков, — он взял гриб из рук Таганова и перевернул шляпкой вниз. — Вот, глядите — низ шляпки охряный, почти красный — не перепутать. А у вашего сатанинского шляпка свинцово-белая, а ножка красная. И встречаются они на Кавказе. Ну, и в Турции ещё, помнится. Короче, не у нас.

— Этот, значит, съедобный.

— Разумеется. И очень хороший. Удивляюсь я на вас, сельских жителей. Живете, считай, в лесу, а грибы знаете плохо.

— Ваша правда, мы, селяне, народ консервативный, если не сказать — косный. Мне мать рассказывала: до войны в наших чухломских местах лисички и осенние опята почитали за поганки. И только с приездом эвакуированных, увидав, что те такие грибы берут и не травятся, тоже потихоньку начали. Зато летние опята, которых мало кто знает — ножка тоненькая, шляпка ломкая — здесь собирали всегда. Между прочим, помидоры выращивать нас научили тоже эвакуированные.

— Из летних опят суп очень вкусный, — заметил Николай.

— Это точно, духовитый.

Откуда-то справа и сверху донеслось приглушённое тарыхтение.

— Никак вертолёт, — нахмурился Папа Хэм, убирая трубку в карман.

— Лесоохрана? — предположил Сажин.

— Какие у нашей лесоохраны вертолёты? Или вы не в курсе, что Рослесхоз упразднили ещё в двухтысячном, а все его функции передали Минприроде; у тех не то что вертолётов — профессиональных кадров нету.

Шум вертолёта умер где-то за деревьями, и они двинулись дальше. Вновь окутав-

шая дубраву торжественная, почти сакральная тишина, чистота воздуха и таинственный полумрак рождали мысли о священных рощах языческой древности.

— Чу! — поднял посох Папа Хэм, настороженно озираясь. — Слышите? Здесь кто-то есть, — и зашептал в самое ухо: — Тс-с! Давайте-ка схоронимся, бережёного бог бережёт, а небережёного конвой стережёт.

Товарищи залегли в ложбину за неохватным, раздвоенным у корня дубом и затаились. Папа Хэм тихонько стянул с плеча ружьё, переломил ствол, вставил патрон и взвёл курок. Они лежали так минут десять — ничего не происходило. Николай хотел уже подняться, когда краевед придавил ему плечо широкой ладонью, приложив палец к губам и глазами указал направо. Николай присмотрелся: там, почти сливаясь с деревьями коричнево-зелёным камуфляжем, застыл человек; на голове — шлем с прозрачным забралом, в руках винтовка с оптическим прицелом. Вот рядом с ним появился второй такой же, за ним ещё один и ещё. Таганов медленно просунул ружейный ствол в развилку дуба и прищурил глаз. Решив, что он сейчас выстрелит, Сажин схватился рукой за ствол и горячо зашептал:

— С ума спрыгнули? Подождите! Вдруг это учения? Спецназ или что?

Папа Хэм зыркнул на него и зло прошипел:

— Не глупите, чёрт вас дери! Уберите руку — мушку не вижу.

Первый из «спецназовцев» резко крутанулся и, взяв оружие наизготовку, упругим крадущимся шагом направился в их сторону. Остальные трое, растянувшись в дугу, потрусили следом. Таганов смахнул ладонь Николая и, не целясь, нажал на курок. Сажин на мгновение оглох, поэтому ответные, слившиеся почти в автоматную очередь, выстрелы прозвучали для него приглушённо, как сквозь толстый слой ваты: дум-дум-дум-дум-дум! От дуба во все стороны полетела щепка.

— Бежим! — хрипло каркнул Таганов и, ухватив Николая за рукав, буквально потащил назад под гору, к зарослям багульника. Стрельба за их спинами не смолкала. Николаю вдруг больно обожгло ухо и по шее потекло что-то тёплое. — В болото давай! В болото! — на ходу кричал Папа Хэм. — Там нас хрен кто...

Из спасительных кустов, до которых оставалось всего ничего, точно на пружинах поднялась фигура в шлеме и коричнево-зелёном камуфляже, смотрящая на них сквозь оптический прицел винтовки.

— Стоять! — властно скомандовал неизвестный, быстро переводя винтовочное дуло с одного беглеца на другого.

Таганов припал на колено, вскидывая ружьё. Винтовка харкнула огнём, и он опрокинулся навзничь.

— Ты что, козёл, творишь?! — скорее с удивлением, чем с испугом воскликнул Сажин.

— Лицом на землю, руки за голову, ноги расставить! — властным командным тоном приказал стрелок.

Николай нагнулся к мычащему Таганову, который одной рукой зажимал рану на боку, а второй шарил по земле, пытаясь дотянуться до выпавшего ружья.

— Выполнять! — рявкнул стрелок, шагнув к Сажину. — Лицом на землю, руки за голову, ноги расс...

С тупым стуком в его шлем, в область виска, врезался булыжник размером с добрый кулак. Боец отскочил в сторону и закурился на месте, высматривая в прицел неведомого обидчика. Ещё дюжина камней со змеиным свистом вылетели из багульника, осыпав стрелка градом ударов: три или четыре угодили в прозрачное забрало, и то затуманилось паутиной трещинок, ещё один попал в пах, заставив его с воплем согнуться пополам, последний с сочным хрустом врезался в шею. Этот оказался роковым — «спецназовец» выронил винтовку и, раскинув руки, рухнул ничком в мох.

Лёгкое колебание прошло по верхушкам багульника, и из кустов выскочило пять существ в кожаных безрукавках облезлым мехом наружу и коротких кожаных портах; все босые, бородатые, с длинными жёлто-русыми волосами, забранными на тёмени пучком, они едва доставали Николаю до пояса. Четверо из них кинулись к Папе Хэму, схватили его за руки и за ноги, вскинули себе на плечи и, семена голыми ногами, потащили в кустарник, пятый же сильно ткнул твёрдым, как камень, кулачком Николая в зад, подсказывая верное направление.

В зарослях Николай заметил еще несколько таких же созданий, притаившихся среди бурой листвы багульника. От пережитого страха, от боли и усталости сознание Сажина как бы частично померкло, и он воспринимал происходящее, если и не как должное, то и без должного удивления. Да и когда удивляться, если смерть за плечами? Пригнув голову, придерживая левой рукой простреленное ухо, сильно ноющее, из которого безостановочно сочилась кровь, он, то и дело спотыкаясь, шагал за бородатыми карликами, которые тащили раненного Таганова, по-заячьему петляя между кустов багульника. Пятый маломерок замыкал шествие, периодически подталкивая

Николая жёстким кулачком. Позади раздавались беспорядочные выстрелы и крики.

Минут через двадцать их отряд, сделав крюк, вновь вышел в подгорную дубраву. Маломерки, несшие на своих плечах Таганова, остановились и осторожно уложили его между корнями. Звуки стрельбы — отдалённой и всё более редкой — доносились теперь откуда-то справа, а потом разом смолкли. Николай опустился на колени рядом с раненым. Жив ли ещё его проводник? Грудь Таганова под расстегнутой курткой оказалось туго перетянута мешковиной, на которой расплзлось тёмное пятно. Как они исхитрились сделать перевязку на бегу, удивился Николай. Папа Хэм открыл глаза, облизал пересохшие губы и слабо улыбнулся:

— Укатали сивку крутые горки. Что, Николай Николаич, справился я с бременем доказывания? Все факты налицо: и чудь, и «Число»... к вашим, кхе-х... услугам.

— Вы полагаете, это люди «Числа»? Их бойцы?

— А то кто же? — он кашлянул и болезненно скривился; на его губах вздулся и лопнул розовый пузырь.

— Лучше молчите. У вас, наверное, задето лёгкое. Но как они меня так быстро...

— Вычислили? — раздался скрипучий голос, и из-за ствола дерева выступила знакомая сухопарая фигура в синих окулярах и с тростью. Хирохито!

Глава 13

Папа Хэм со стоном приподнялся на локте.

— А-а... Илья Бурмосович. Ожидаемо. Значит, я вас верно просчитал. Благодарю за помощь... — он без сил откинулся на спину.

Хирохито, облачённый вместо всегдашнего твидового пиджака в длинную, до пят, рубаху из некрашеной холстины, подпоясанную узким кожаным ремешком, подошёл к Николаю вплотную и протянул костистую ладонь:

— Дайте мне ваш телефон.

Сажин послушно передал айфон старику. Тот осторожно, почти брезгливо принял его двумя пальцами и, подняв над головой, проскрипел:

— Вот и ответ! — а потом, повернувшись к Таганову, спросил укоризненно: — А вы куда смотрели? О чём думали? Весьма вы меня разочаровали, весьма. Вы и ваша гоп-компания.

Папа Хэм открыл глаза, горькая усмешка скользнула по его посеревшему лицу.

— И на старуху бывает проруха. Не... думали, что так... скоро...

Хирохито передал айфон одному из карликов и что-то сказал на незнакомом наречии, напоминаящем лягушачье кваканье. Карлик кивнул хохолком и, мелькая голыми пятками, убежал в сторону болота.

— Эй, стойте! — всполошился Сажин. — Там у меня все номера, все контакты, мне он нужен.

Хирохито резко, по-птичьи, дёрнул головой:

— Жизнь, полагаю, нужнее, молодой человек? Всё, шутки кончились. Теперь вы воочию убедились, что действительную помощь можете получить лишь от меня. И от моего народа.

Таганов замычал протестующе, но тут же задохнулся от боли. Хирохито снова квакнул на непонятном языке. Бородачи подняли Папу Хэма и куда-то унесли. Заметив волнение Николая, старик покачал головой:

— Не тревожьтесь. Надеюсь, ваш друг поправится — этаким здоровяк. Жаль, на голову слаб. Вашу рану тоже не мешает обработать — кровит. Ну-ка сядьте здесь!

Николай сел, привалившись спиной к дубу. К нему подошёл один из карликов — тот, что подгонял его тычками в спину. Он совал себе в рот какие-то листья и жевал их, смешно шевеля клочковатой бородой и раздувая щёки, потом ухватил Сажина короткопальными пальцами за подбородок и затылок и стал осматривать простреленное ухо. Николай в свой черёд с любопытством разглядывал недоростка: коренастый, кривоногий и большеголовый, он походил на кряжистый пенёк. Из одежды на нём были короткие, недостающие до щиколоток, кожаные штаны и меховая безрукавка; его правую руку, жилистую и мускулистую, обматывал кожаный ремень, загорелое морщинистое лицо по самые брови заросло пегой с сильной проседью бородой, а волосы, собранные в пучок на голове, придавали той сходство с луковицей. Облик дополняли широкий расплуснутый, как у профессионального боксёра, нос и заметно выступающая нижняя челюсть. Но самым необычным оказались глаза бородача: их радужная оболочка была бесцветной, почти прозрачной, отчего неприятно выделялись чёрные бусинки зрачков, которые, как два жучка, жили своей собственной жизнью. Вот, значит, какая она, чудь белоглазая!

Бородач выплюнул себе на ладонь пережёванную растительную массу и, не успев Николай возразить, с силой прижал её к ране. Ломящая боль пронизала Николая, но

через секунду ухо онемело, и боль ушла. Карлик налепил поверх этой лепешки лист подорожника и перевязал голову наискось, чтобы второе ухо оставалось открытым. «Голова завязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве», — пришло Сажину на память слова песни времён Гражданской войны.

Из-за дубовых крон донёлся шум вертолётных винтов. Чудь, повинуясь знаку Хирохито, прыснула в стороны и моментально исчезла, сам же старик, точно заправский фокусник, вытащил из рукава зелёную паутинно-тонкую сеть и, сев рядом с Николаем, накрыл ею и себя, и его. Сажин с опаской посмотрел вверх, сквозь ячейки маскировочной сетки:

— Опять, что ли, эти... числители, числовики или кто там они?

Старик не то кашлянул, не то хихикнул.

— Как ни назови, а больше их нет. Можно сказать, и не было никогда — ни их самих, ни следов их. В вертушке — только пилот; покружит, покружит да и улетит. Сесть ему здесь всё одно негде; те пятеро, которые открыли тут стрельбу — на длинных канатах спустились — я видел — ловкие! Да мы ловчее. И земля эта — наша, — когда тарактение смолкло в отдалении, Хирохито стянул маскировку, сунул обратно в рукав своей длинной туники и, опершись о трость, поднялся на ноги. — Нуте-с, Николай Николаевич, прошу следовать за мной.

Сажин тоже встал, придерживаясь рукой о ствол — голова ощутимо кружилась.

— Это обязательно?

Хирохито вперился в него синими стекляшками очков.

— А вы зачем сюда пришли, собственно?

— Да-да, ваша правда.

— И потом, не оставите же вы своего товарища? Сейчас он явно нетранспортабелен. Пока им занимаются, у нас будет время побеседовать. А разговор предстоит длинный. До темноты вам по-любому обратно не вернуться, только зря в болоте сгинете. Так что уйдёте завтра поутру, если ваш товарищ будет в силах. Ну и коли сами решите.

Эти последние слова несколько успокоили Сажина. Хирохито, размашисто шагая и лихо помахивая тростью, повёл Николая вверх по склону, петляя между стволами лесных великанов. Казалось, он скинул с себя ещё добрый десяток лет. Крутизна подъема усилилась, Хирохито остановился, поджидая Николая.

— Не обижайтесь, но сейчас придётся завязать вам глаза. Это ненадолго, — решив, что спорить в данной ситуации неразумно, Сажин позволил старику наложить повязку. — Платок у меня чистый, если что, — заверил Хирохито. — Я туго не затягиваю, полагаюсь на вашу порядочность. А если мы придём к соглашению, обратно такая мера предосторожности не потребуется.

— Какому соглашению? О чём?

— Потерпите, скоро узнаете, я все объясню. Не на ходу же, право, говорить о столь серьёзных вещах?

— А если не договоримся, что тогда?

— О, ничего кошмарного! Тогда мы просто расстанемся и постараемся забыть друг о друге. А теперь пойдёмте. Ступайте уверенно, если где корешок или ямка, я упряжу.

Двое чудинов, встав с боков, взяли Николая под руки и медленно повели вперёд. Путь их шёл то вверх, то вниз, то снова вверх, поэтому Сажин совершенно дезориентировался и мог лишь предполагать, что они продвигаются скорее вдоль, чем вверх по склону. Через четверть часа или около того он, по просьбе Хирохито, опустился на четвереньки и залез, судя по ощущениям, в нечто вроде земляной норы, ползти по которой пришлось еще минут десять. Его лица и тела то и дело касались холодные корни, на голову что-то постоянно сыпалось. Наконец ему разрешили подняться на ноги, и он смог распрямиться во весь рост, правда, тут же упёрся затылком во что-то твёрдое. Хирохито снял с его глаз повязку и с долей торжественности в голосе объявил:

— Добро пожаловать в заповедное царство чуди, Николай Николаевич. Чувствуйте себя как дома, со мной вы в полной безопасности, — слова старика прозвучали неожиданно гулко и, отразившись вдали о невидимую преграду, вернулись зловещим эхом: «опасности... сти... ти».

Сажин потёр глаза и проморгался. Они стояли в длинной, уходящей во тьму галерее, сложенной из грубо отёсанных базальтовых блоков; через каждые пятнадцать-двадцать шагов под полукруглым сводом тоннеля крепились глиняные плоскости с горящими в них фитильками; это давало какое-никакое освещение, но всё равно большую часть тоннеля окутывал таинственный полумрак. Хирохито достал маленький светодиодный фонарик и повёл вокруг лучом белого света. Кроме них двоих, в тоннеле никого не было, все карлики куда-то подевались.

«Вот, чёрт, а ведь всё выглядит ровно так, как оно описано в рукописи Мельникова-Печёрского», — невольно отметил Николай.

— Ступайте за мной, — попросил Хирохито, махнув фонариком, — здесь недалеко.

Метров через сто галерея привела их к развилке, они свернули налево и вскоре упёрлись в круглую дверь из цельного дубового спила. Спил сплошь покрывали напоминающие паучков значки или письма, сбегавшиеся по спирали к центру, порождая иллюзию к знаменитому фестскому диску, многократно увеличенному в размерах; в центре деревянного круга была вырезана шестипалая человеческая ладонь. Хирохито приложил к шестипалой ладони свою пятипалую и надавил. Дверь с жалобным скрипом отворилась.

Помещение, размером с монашескую келью, открывшееся взгляду Сажина, вид имело аскетичный, хотя, пожалуй, могло сойти за кабинет какого-нибудь любителя стиля кантри. На полу и стенах — циновки из камыша, потолок из кривых разномастных брёвен; из обстановки — пара плетёных стульев да массивный пенёк вместо стола. Функции полок выполняли огромные грибы трутовики, на которых лежали стопки книг, по виду — современные издания. Освещалась келья свисавшей с потолка керосиновой лампой.

— Присаживайтесь, — предложил Хирохито. Николай с опаской опустился на один из стульев. Тот затрещал под его весом, но устоял. — Схожу распорядюсь насчёт ужина. И узнаю о здоровье Таганова.

После ухода старика Сажин посидел минут пять, потом встал и взял с полки-гриба одну из книг. «Неоантропы верхнего палеолита», прочитал он название, автор С.В. Дробышевский; под ней лежали «Достающее звено» и «Расоведение» того же автора. Он посмотрел книги на других полках: «Путевые заметки» Миклухо-Маклая, «Востоčnoславянская этнография» Д.К. Зеленина, «Кроманьонский человек» Т. Придо; были тут монографии на английском и немецком языках, но все они, как понял Сажин, носили научный характер. «Однако, — подумал он, — старик-то прямо профессор».

— Как вам моя библиотечка? — раздался за его спиной голос Хирохито. — Интересно?

— Неожиданно, — ответил Сажин, кладя на место «Эволюцию человека» А.В. Маркова.

Старик хихикнул. Двое пришедших с ним карликов поставили на стол кувшин, две кружки, две миски с дымящейся похлёбкой и тут же исчезли.

— А вы что ожидали увидеть? Фантастику? Или подборку своих романов? Впрочем, кое-какие из них я действительно читал.

— Знаете, а меня это абсолютно не удивляет. Последние дни все, кого я встречаю, оказываются моими читателями.

— Вот как? А должно бы удивлять, не находите? — Хирохито указал на стол: — Давайте отужинаем. Это суп с зайчатиной и грибами — грибы у нас здесь вообще главное блюдо, что объяснимо. *Fámés ártiuum marístэр*. Голод — учитель искусств, как утверждали латиняне. А в кувшине ягодное вино. Сгодится?

— Ещё бы, — согласился Николай, садясь за стол. — Как я могу к вам обращаться?

— Ох, я же не представился. Извините, был уверен, что Таганов... Впрочем, ладно. Меня зовут Илья Бурмосович, фамилия Бурмасов.

— Илья Бурмосович, что с Тагановым? Как он? Его вообще можно увидеть?

— Чего на него смотреть — он без сознания. Ранение оказалось серьёзнее, чем я думал. Кровотечение мы остановили, но пуля застряла в теле. Сами понимаете, без хирургического вмешательства её не извлечь. Но если он придёт в себя, вы сможете с ним поговорить.

— О, чёрт... Так что ж мы сидим?! Ему срочно нужна квалифицированная медицинская помощь!

— Вы что, врач?

— Нет, но... надо же что-то делать.

— Например? Предлагаете вызвать сюда скорую? Или волочить его ночью по болоту через лес к машине? Пятнадцать километров? Живым не донесём. Дождёмся утра. Кровотечение удалось остановить, обезболивающие и антибиотики у нас есть, так что заражения опасаться не стоит, а как рассветёт, мы поможем отнести его к машине. Большого ни вы, ни я сделать сейчас всё равно не в состоянии. Так что — ешьте.

Суп оказался вкусным, хотя из-за густоты более походил на кашу, а совсем лёгкое ягодное вино приятно освежало.

— Вы, наверное, гадаете, кто я такой и куда вы вообще поехали?

— Так и есть, Илья Бурмосович.

— А сами что думаете?
 — Виктор Антоныч считает, что вы своего рода, так сказать... жрец чуди?
 — Ага, значит, он так говорил про меня. Только «жрец» в данном случае не вполне уместное слово, правильное — волхв. Да, это так: я и все мои предки — потомственные волхвы чудского племени. Истории этой более тысячи лет. Чудь... чудь потаённая, чудь белоглазая... наверняка знакомо?

— Чудь упоминается ещё в «Повести временных лет». И я читал рукопись Печерского.

— Очень хорошо. Самоназвание у моего народа, разумеется, иное, но сейчас это неважно. Вообще не удивляйтесь, что в разговоре я буду использовать современную терминологию и близкие вам понятия — помимо прочего, я — профессор антропологии, закончил в своё время Казанский университет, имею научные труды. Странное сочетание, да?

— Более чем, — согласился Сажин. — Служитель культа и вдруг — антрополог.

— Мне любопытно, что именно вас смущает?

— Ну-у... в таком разе вы должны быть сторонником эволюционной теории, разве нет? И считать, что человек не богосозданное существо, а животное?

Хирохито пожал плечами:

— Служитель культа и невежда — не синонимы. Люди размножаются, рожают и выкармливают детенышей как животные; питаются и освобождаются от продуктов жизнедеятельности как животные, ведут себя зачастую как животные, но — фу-фу! — разумеется, люди не животные! А в чём, позвольте спросить, отличие? В интеллекте? Люди умнее животных? Дельфин тоже умнее коровы, однако не перестает быть животным. В социальной организации? У муравьев, термитов и пчёл она в разы выше человеческой. И потом, если люди не животные, значит — либо растения, либо грибы, четвёртого не дано.

С улыбкой выслушав эту тираду, Николай сказал:

— Да я-то с вами согласен, профессор. Но всё равно странно. И потом, вы сильно отличаетесь от... своих соплеменников.

Бурмасов снял синие очки; радужки глаз у него оказались абсолютно прозрачными. Николай ещё раз ощутил, какие неприятные, почти отталкивающие чувства вызывает эта, казалось бы, незначительная особенность.

— Как видите, я тоже чудин. Дело в том, что на мой народ, на их внешний облик, наложилось отпечаток тысячелетнее табу — категорический запрет вступать в брак с представителями любых других родов. С одной стороны, этот обычай — при крайней малочисленности чуди — позволил нам уцелеть как этносу, а с другой, вы можете воочию наблюдать наглядные последствия близкородственных связей, во всей их красе. Да-с... Всё имеет свою цену, этническая чистота — не исключение. Особенно применительно к столь малым народностям. Ну а нам, волхвам, испокон веков позволялось брать жен со стороны, оттого и наблюдаемые вами отличия, в частности — в росте. Раз вы прочитали рукопись Мельникова-Печерского, то должны помнить рассказ отца Зосимы — про уход чуди от соблазнов внешнего мира, сюда, под землю, в недра Чудь-горы.

— Да, помню, — подтвердил Сажин.

— Ну вот. В целом рассказ поа соответствует действительности, со скидкой на неизбежную поэтизацию событий в простонародном сознании. Но суть не в этом. Главное, что вам следует знать обо мне и моём народе — мы *не люди*.

Глава 14

Сажин поперхнулся ягодным вином и закашлялся.

— Простите... кхе-кхо... Не люди? Как это понимать? Марсиане? Зелёные человечки?

Бурмасов коротко хихикнул.

— Ну, что за вульгарные фантазии, право слово. Какие, к макакам, марсиане? Моё племя не относится к виду *Homo sapiens*, только и всего. Мы, если использовать современный понятийный аппарат, «денисовцы» или «*Homo denisovensis*». Денисовцы, как и неандертальцы, считаются давно вымершим видом. Ещё каких-то тридцать тысяч лет назад денисовцы вместе с неандертальцами и предками современных людей — кроманьонцами — населяли просторы Евразии. Впрочем, видовое разнообразие разумных существ в те далёкие времена не ограничивалось этими тремя видами, но оставим данный факт за скобками. Так или иначе, постепенно все прочие разумные приматы, кроме сапиенсов, исчезли. Причины? Естественное вымирание, ассимиляция титульным видом, ну и, конечно, истребление, не без этого. Но опять же, не в этом суть. Суть в том, что моё племя — смею утверждать, единственное на всей пла-

нете не принадлежащее к сапиенсам — уцелело и даже умудрилось сохранить свою культурную и этно-генетическую идентичность. Вот так вот... Николай Николаевич, а вы вообще про денисовцев-то слышали?

— Краем уха... Денисовская пещера где-то на Алтае. Там вроде были обнаружены фрагменты скелета неизвестного вида гоминид, так?

— Верно. Наши предки мигрировали из Африки раньше неандертальцев и предков современного человека. Но теперь от нас мало что сохранилось: несколько костей в пещерах Алтая и Тибета... да моё крошечное племя.

— Илья Бурмосович, то, что вы сейчас рассказываете, это родоплеменная легенда или ваша собственная антропологическая теория?

— Ни то, ни другое. Это не легенда и не теория, а научный факт, подтверждённый многократными генетическими исследованиями. Просто я нигде не публиковал и никогда не обнародовал их результаты. И не собираюсь. О причинах, полагаю, вы догадываетесь.

— Честно говоря, нет.

— Ну как же? Прежде всего, я волхв — наследственный охранитель чудского племени, а уж после — учёный-антрополог. В нашей потаённости — залог видового выживания. Однако есть у моего народа ещё один великий секрет. Отчасти он вам также известен из рукописи Печерского. Я подразумеваю нашу религиозную традицию, а именно: поклонение живому богу — Кунигасзу. Традиции этой, по моим прикидкам, сорок веков. Иначе говоря, культ Кунигасза уходит своими корнями в палеолитические пласты истории. Но то, что я поведаю сейчас, не знает никто, кроме меня. Слушайте! Так случилось, что первым, изначальным божеством в чреде живых богов нашего чудского племени стал представитель другого вымершего вида Номо — неандерталец. Вероятно, один из последних представителей данного вида.

— Вы просто неиссякаемы, Илья Бурмосович! — Сажин вскочил и прошелся по пещерному кабинету. — Это что ж получается? Выходит, я этот... палеоантроп? Живое ископаемое?!

— О! Вот, значит, как! Вы уже знаете о своём родстве с Кунигасзом? Догадываюсь: Таганов подсуетился, да?

— Да, Виктор Антонович пришёл к такому выводу путём архивных изысканий о моих предках, о моих *шестипалых* предках.

— Это значительно облегчает мою миссию. А чего вы так разволновались-то? Все современные люди, кроме только африканцев, носят в себе малую толику генома неандертальца. Я же говорил о межвидовой метисации. Просто у вас неандертальский геном превалирует. По мужской линии вы — *Homo neanderthalensis*, этот факт неоспорим. Но вернёмся к теме: много столетий подряд потомки того первого неандертальца являлись божествами моего племени. Когда очередной Кунигасз умирал — от старости или по другим причинам — место бога занимал один из его сыновей; обыкновенно — старший. Впрочем, это условие соблюдалось не всегда и не строго, поскольку важно было не старшинство, а совсем иные качества, главным образом чисто физиологические.

— Ага, а чтобы обеспечить божественное правопреемство, вы похищали в окрестных деревнях девок.

— Только не надо, Николай Николаевич, экстраполировать нынешние нравственные критерии на дела давно минувших дней. Что сейчас является нормой, в те времена сочли бы надругательством над нравственностью, и наоборот. И вообще, на большом отрезке нашего исторического существования невест Кунигасзу здешние поселяне приводили совершенно добровольно, как дань старинному красивому обычаю. Это уж после, когда местное население совсем охристианилось, нам, чуди, пришлось прибегать к иным методам, и в том числе — *воленс ноленс*¹ — насильственного характера. Но я вновь ушёл от сути. Значит, один из сыновей почившего бога становился новым Кунигасзом, а остальных... Впрочем, ваши предки никогда не отличались плодовитостью чресл. Кстати, возможно, это одна из причин, почему они уступили в межвидовой конкурентной борьбе сапиенсам. В общем, несмотря на смену исторических эпох и местных этносов, в Чудь-горе всегда жил и правил чудью живой бог Кунигасз. А ведь это важнейший фактор сохранения вида, своего рода объединяющее духовное и идейное начало — ценностная основа. Как вы убедились на примере собственной страны — без такой, казалось бы, неочевидной составляющей всё быстро теряет смысл и рушится, согласны?

— Не согласен. С религией у нас уже всё в порядке, атеистов днём с огнём не сыщешь.

— Но Россия многоконфессиональная страна, религий — десятки, даже традици-

¹ «Волей-неволей» (лат.)

онных — четыре. А ценностная основа должна быть единой для всех. И это необязательно религия, возможно иное объединяющее начало, такое, к примеру, как в Советском Союзе. Я имею ввиду идеологию. Она же была общей для всех народов СССР, с этим согласны?

— Пожалуй. И что?

— И то. Вот её не стало, а равноценной замены не нашлось. Тем паче, всякая государственная идеология у вас запрещена конституцией. Единая религия, как я уже сказал, отсутствует. И посмотрите на нынешнюю Россию: всё сведено к животу, к брюху; дескать, нет ничего дороже человеческой жизни. А ведь если в жизни нет высшей ценности, ради которой ей, жизнью, можно рискнуть, а то и пожертвовать, такая жизнь обесмысливается. Это уж и не жизнь, а скотство какое-то! Как там у Маяковского: «Мы только мошки, мы ждём кормёжки»?

— Вы это сейчас к чему?

— А вот к чему: для чуди такой ценностной основой всегда был культ Кунингазса. Но летом 1869 года, что опять же должно быть вам известно из рукописи, мой народ утратил бога — роковой выстрел Печерского вызвал подземный обвал горной породы, и Кунингазс оказался погребён под тоннами каменных глыб. Так случилось, что детей мужского пола на тот момент у него не было... Сто лет без малого, если точно — семьдесят семь, вплоть до 1956 года, чудь выживала в безбожии. За это время численность племени упала с полутора сотен до тридцати с небольшим особой обоего пола — мы подошли к самой грани вымирания. К счастью, осенью пятьдесят шестого чудь вновь обрела бога — в лице вашего деда Алексея Гавриловича Сажина.

— Постойте-постойте! — прервал рассказчика Николай. — Так Гориллыч выжил?! Таганов рассказывал, что его буквально изрешетили гэбэшники.

— Так и было: когда он попал к нам, жизнь в нём едва теплилась. Но благодаря усилиям наших лекарей, а главным образом за счёт удивительных регенеративных способностей его собственного организма, ваш дед поправился. И стал нашим новым Кунингазсом.

— Что ещё за регенеративные способности такие?

— Наследственные. Они присутствуют и у вас, Николай Николаевич.

Сажин скептически хмыкнул:

— Не замечал.

— Естественно, они — в спящем состоянии. Чтобы их пробудить... Между прочим, разве Таганов ничего не говорил о том, каким образом можно... гхм... активировать скрытый потенциал вашего организма?

— Он вообще не упоминал ни про какие там чудесные возможности или способности.

— Так-так. Понятненько... Тем не менее, они есть. И не только регенеративные. Это-то как раз не самое удивительное, способностью к восстановлению в той или иной степени обладает каждый организм. Кожный покров, к примеру, обновляется у нас на протяжении всей жизни. Но все кунингазсы владеют ещё одним исключительным даром, а точнее сказать, силой. Они могут подчинять себе воли других людей.

— Это как это?

— Своего рода гипнотическая сила, полагаю. Только чрезвычайно могучая, первобытно-витальная и почти непреодолимая. Мощь! — Бурмасов снял свои окуляры, подышал на стёклышки, протёр их и вернул очки на место. — Ну так вот, дед ваш стал нашим Кунингазсом, и это благотворно сказалось на чудском народе — мы сохранились. Но, увы, ничто не вечно под луной, даже чудской бог. Жизнь Кунингазса близится к своему финалу. К сожалению, сейчас это — вопрос дней. Скажу больше, он может покинуть нас в любой момент. Как видите, ваш приход весьма своевременен — ещё немного, и у вас не осталось бы шанса проститься с дедом.

— Хотите сказать, мой дед жив?! Как такое возможно? Ему должно быть тогда... лет сто!

— Девяносто восемь, на самом деле. Некоторые живут и долее. Но сейчас Алексей Гаврилович умирает. И хочет вас видеть.

— А откуда он знает про меня? В пятьдесят шестом году меня ещё, как говорится, и в проекте...

— Как только я убедился, что вы родной внук Алексея Гавриловича, то, уж извините, счёл своим долгом его уведомить. Так вы хотите с ним повидаться?

— Ну уж это... мой долг, полагаю.

Хирохито разлил по кружкам остатки вина.

— Тогда давайте закончим трапезу, и я вас препровожу. *Бибáмус!*¹ Только сначала одна маленькая просьба: не считите за бестактность, но не могли бы вы показать ваш

¹ «Выпьём» (лат.)

шестой палец?

Сажин поморщился:

— Это ещё зачем? А! Понимаю: хотите убедиться в родстве воочию?

— В родстве сомнений нет, тут важно само наличие этого шестого пальца. У меня есть предположение, что сверхспособности, о которых я говорил, передаются в вашем роду лишь шестипалым потомкам.

Николай снял с левой ноги сапог и осторожно, с болезненным шипением стянул носок — мозоль лопнула, и ткань присохла к ранке.

— Вот, полюбуйтесь. Годится?

— Минуточку, — Хирохито поднял на лоб очки и наклонился почти к самой ноге.

— Да-да, всё верно... Ой, вы натёрли ногу, сейчас я...

— Ерунда! — отмахнулся Сажин. — Натёр и натёр, само заживёт, без всякой народной медицины.

— Какая народная медицина, вот, возьмите бактерицидный пластырь.

— Это другое дело. Спасибо. Дайте, пожалуй, ещё один — я хочу снять повязку. Неудобно как-то: в первый раз заявиться к деду в эдаком сиротском виде.

Они снова вышли в сводчатую галерею, и Бурмасов повёл Николая в глубины Чудь-горы. Галерея то и дело разветвлялась, при этом отдельные ходы напоминали скорее лисьи норы, нежели дело рук человеческих. Бурмасов сворачивал то направо, то налево, ныряя то в одно ответвление, то в другое; Сажин понял, что выбраться из этого лабиринта самостоятельно точно не сможет. Неожиданно они очутились в длинной наклонной штольне, вырубленной прямо в теле горы; и стены штольни, и полукруглый свод мерцали мириадами крохотных зелёных огоньков, создавая поистине колдовскую картину. Николай заметил, что огоньки эти не статичны — они медленно двигались, перемещаясь относительно друг друга.

— Это что ж за волшебная иллюминация? — спросил он.

— Всего лишь ивановские червячки, — усмехнулся его проводник, — проще говоря, светлячки.

Сажин приблизил лицо к самой стене: и правда, по её сырой поверхности медленно ползали маленькие личинки с удлинёнными сегментированными брюшками, источающими призрачное люминесцентное свечение.

— Кстати, вещество, которое излучает этот свет, именуется «люцеферин», — пояснил Хирохито.

— Название весьма подходящее, — кивнул Сажин.

Через четверть часа или больше Николаю показалось, что он различает глухие удары, с равными промежутками доносящиеся из недр горы: бум... бум-бум... бум... бум-бум... бум... По мере их движения, звуки становились всё слышнее, всё отчетливее.

— Что это за тамтамы? — спросил он.

Вместо ответа Бурмасов указал на тёмный проём арки с уводящими вниз ступенями:

— Мы пришли. Ступайте осторожнее: спуск крутой, а камни скользкие.

Придерживаясь рукой за шероховатую стену, Сажин спустился следом за стариком в прямоугольную пещеру. Вдоль её боковых стен высились толстые, почерневшие от времени или копоты брёвна, сильно наклоненные вперёд, к центральной оси свода. Каждое бревно этой наклонной колоннады во всю высоту покрывала затейливая резьба, изображавшая, как успел разглядеть Сажин, всевозможных лесных обитателей — медведей, лосей, кабанов, волков и лис — и ещё каких-то совсем фантастических существ; ни один столб не походил на другой, однако все они венчались гигантской головой ворона. Вороньи клювы смыкались друг с другом, образуя своего рода потолочные балки, с которых свисали тусклые масляные светильники.

В противоположном конце пещеры на возвышении, покрытом медвежьей шкурой, лежал человек. У ног его сидела миниатюрная женщина. Сажин сообразил, что первый раз видит представительницу прекрасной половины чудского племени. Её можно было назвать даже миловидной, когда бы не ускользающие, словно едва намеченные, черты лица и не маленькие кривые ножки. Она мерно била деревянной колотушкой в зажатое меж колен короткое полое бревно, покачиваясь из стороны в сторону и тихонько мыча себе под нос. Бурмасов небрежно махнул тростью, женщина вскочила и, прижав к груди инструмент, скрылась во мраке. Они подошли вплотную к возвышению.

Наполовину утопая в толстых складках медвежьей шкуры, перед ними лежал тощий, коричневый старик. Огромный, худой, из-за крайней худобы казавшийся ещё огромнее, он лежал совершенно неподвижно, и если бы не ритмически вздымавшаяся грудная клетка, его можно было бы считать мёртвым. Тело его по пояс укрывала та же медвежья шкура, поверх которой покоились руки с длинными, как грабли, ладонями. Череп с редкими пучками жидких волос, обтянутый пергаментно-тонкой, усеянной

пигментными пятнами кожей, запавший беззубый рот, крайняя худоба — всё это делало его похожим на мумию Рамсеса Великого. Бурмасов опустился на колени и, склонившись к лежащему, громко произнёс, буквально прокричал тому в ухо:

— Мейде Кунингазс! Здесь ваш внук! Слышите меня? Я привёл вашего внука Николая!

Дыхание коричневого старика на мгновение сбилось, он чуть приоткрыл рот... и всё, никакой иной реакции не последовало. Хирохито подождал с минуту, потом обернулся к Сажину:

— Попробуйте поговорить с ним сами. Только погромче — он давно плохо слышит, а теперь почти оглох.

Николай встал на колени рядом с Бурмасовым.

— Здравствуйте, Алексей Гаврилович!

— Громче, громче, — попросил Бурмасов.

Сажин откашлялся и, набрав в лёгкие воздуха, гаркнул:

— Алексей! Гаврилович! Я... Николай! Сын Николая Сажина! Вашего! сына!

Гориллыч медленно поднял веки и повёл вокруг выпуклыми, испещрёнными жёлтыми прожилками глазами.

— Ш-што за... хипиш на болоте? — просипел он.

— Вот ваш внук Николай! — прокричал Бурмасов, легонько ткнув набалдашником трости в грудь Сажину.

— Алексей Гаврилович, здравствуйте, — повторил Николай.

Дед перевёл на него мутный взгляд; было неясно, видит он его или нет, но по спине у Сажина отчего-то забегали мурашки. Старик тяжело выдохнул:

— А-а... Щ-щ-ща-ас-с-с...

Руки Гориллыча, точно два снулых краба, пришли в движение: правая медленно поползла под шкуру, а левая протянулась к Николаю, ухватила его за предплечье и с неожиданной в столь измождённом теле силой дернула на себя. Николай взял деда за эту руку и увидел, что она с двумя безымянными пальцами. Лишний палец украшала синяя татуировка в виде перстня с крестом, а может, со знаком треф. Гориллыч выпростал из-под шкуры другую руку; в ней он сжимал белую кость длиною в локоть.

— Это он вам, берите, — пояснил Хирохито и, увидев замешательство Николая, настойчиво повторил: — Да берите же!

— Что это? — спросил Сажин, разглядывая кость. На ней были вырезаны какие-то значки, напоминавшие те, что Николай уже видел на круглой двери «кабинета» Бурмасова.

— Берцовая кость самого первого нашего Кунингазса.

Гориллыч вновь вцепился шестипалой ладонью в руку внука и невнятно забормotal. Николай наклонился к деду:

— Алексей Гаврилыч?

Дед зашамкал беззубым ртом, сяясь что-то сказать. Сажин склонился ещё ниже, к самому его лицу; от деда пахло прелой осенней листвой и — странное дело — водкой.

— Вор ворует... фраер пашет, — едва слышно просипел он и, выпустив руку Николая, медленно закрыл глаза. Через секунду из его груди вылетел легкий, короткий хрип, и дыхание Гориллыча остановилось.

По пещере прополз слитный шелестящий шорох. Сажин обернулся: из-за анфилады колонн выходила чужд — мужчины, женщины, дети — они выстраивались в две шеренги, от входа до самого смертного ложа. Их лица и фигуры были почти неразличимы в полумраке, только белые глаза мерцали каким-то кошачьим блеском.

Хирохито встал и тронул Николая за плечо:

— Пойдёмте, не будем мешать прощанию, — Николай осторожно положил кость на грудь покойного и тоже поднялся. — Нет-нет, жезл заберите, — требовательно попросил Бурмасов. — Он теперь ваш по праву.

Половина пути назад прошла в молчании, а потом Хирохито, словно спохватившись, сказал:

— Примите мои соболезнования, Николай Николаевич, в связи с кончиной вашего деда.

— Спасибо. Только я ведь и не знал его совсем, так что, полагаю, это бóльшая потеря для вас. Но я всё-таки не понял с этой костью, то бишь с жезлом: он символ чего? какой-то преемственности или чего-то в таком роде?

— Сейчас мы сядем и всё обсудим, — пообещал Бурмасов.

Глава 15

— Значит, Таганов не рассказал, как пробудить дремлющий в вас дар Кунингазса? — спросил старик, когда они устроились в креслах напротив камина.

— А я уже отвечал: ни про какие особые способности Виктор Антонович не говорил. И с чего вы решили, что ему вообще что-то известно? Даже если это не притча.

— Не притча. И Таганов, и те, кто стоит за ним, это знают. Почему, думаете, они вами так заинтересовались?

— Кто они?

Бурмасов сморщился и поправил тростью высунувшееся из камина бревно.

— Какая разница, кто? Это всё политика, я в неё не лезу. У меня иных забот не впроворот. *Диобус литигантибус, тэрциус гаугэм*¹. А причина интереса к вашей персоне очевидна — ваши потенциальные сверхспособности. И возможность использовать их в своих интересах.

— Да в чём они состоят эти сверхспособности?

— И об этом я говорил: всякий шестипалый потомок Кунингазса обладает силой подчинять других разумных существ своей воле. Есть ещё чрезвычайная живучесть, но это так — дополнительный бонус. А вот первый талант способен вызвать интерес многих, самых различных сил, согласны? Полагаю, упомянутые таланты — наследие ваших ушедших во тьму веков первобытных предков. Хотя доказательствами, что и другие неандертальцы обладали схожими ментальными способностями, наука не располагает.

— Допустим. Ну и как мне пробудить этот дар? Требуется некий обряд?

— А вам зачем?

— То есть?! Уж я соображу зачем. При общении с издателями, к примеру, такой дар точно не повредит.

— Извините, Николай Николаич, но вы всё о каких-то пустяках...

— Как понимаю, вы и сами не знаете.

— Отчего же? Знаю. И даже готов поделиться этим знанием. Но прежде нужно прояснить главное.

— Так проясняйте! Вы же об этом хотели говорить?

Старик Бурмасов крикнул и снова с силой ткнул тростью в камин, вызвав целый сноп искр.

— Вы правы. Хорошо. Впрочем, дело-то очевидное, и, полагаю, вы уже догадались, о чём речь: наш бог только что, чему вы были свидетелем, умер, и теперь моему народу жизненно необходим новый Кунингазс. Если вы готовы поставить свой дар на службу чудскому племени, я, со своей стороны, готов раскрыть секрет его обретения.

— Как вас понимать? Предлагаете мне занять вакантное место деда, что ли?

— Я предлагаю вам стать нашим живым богом, — подтвердил Бурмасов и, повернувшись всем телом к Николаю, выжидательно уставился на него своими синими окулярами.

— Скажите, Илья Бурмасович, вы всерьёз рассчитываете, что я, современный человек, брошу всё и добровольно заточу себя здесь, в недрах Чудь-горы, дабы служить кумиром для вашей чуди? Похоронить себя заживо на всю оставшуюся жизнь? Сладостная перспективка, нечего сказать! Нет, побывать здесь мне было весьма интересно, не скрою. Скажу больше: при иных обстоятельствах я с удовольствием погостил бы в вашем подгорном царстве денёк-другой. Но это и всё. И потом, сами-то вы, как я понял, ведёте жизнь вполне светскую, несмотря на... на духовный сан — профессор, научные труды имеете.

— На такую жертву с вашей стороны я, конечно, всерьёз не рассчитывал. Ваш дед — иная история, у него и выхода-то другого не было. Но мы можем рассмотреть облегчённый вариант. К примеру, вы отправляете обязанности Кунингазса лишь по определенным дням, несколько раз в году. А всё прочее время — живете себе как жили. Даже лучше, чем прежде: ведь свои новые таланты вы сможете использовать и в быту. Хоть с издателями, хоть с читателями или, хе-хе, с читательницами — сугубо ваше личное дело. Что скажете? Заманчиво?

— Заманчиво, — кивнул Сажин, — но скажу: нет всё равно.

Бурмасов снял очки и протёр их полый своего хитона, моргая на огонь белесыми слезящимися глазами. Потом, водрузив очки на место, спросил:

— Не поясните, почему?

— Хотя бы потому, что звучит это всё, извините, довольно дико. Да-да, дико. Подумать только: я — бог Кузя, здасьте! Смахивает на какую-то тоталитарную секту. А главное — никакой я не бог и не имею желаний надувать ваших бедных соплеменников.

— Они не бедные! — стукнул тростью Бурмасов и сердито засопел. — Они живут естественной природной жизнью. В противном случае их давно бы уже не было на свете: они бы просто — фьюить! — исчезли. Как болотный туман в летний полдень.

¹ «Двое дерутся, третий радуется» (лат.)

- Пускай так, — поднял руки Николай. — Всё равно не хочу.
- Это ваше последнее слово?
- Да! Да! Да! Благодарю за оказанное высокое доверие, но — нет, нет и ещё сто раз нет.
- Выдержал долгую паузу, старик спросил:
- Жалеть после не станете?
- Сажин глубоко вздохнул и покачал головой:
- Ненужный вопрос. Или... вы имеете в виду некие... негативные последствия?
- Их тоже.
- По спине Николая пробежал холодок, он невольно напрягся.
- Хочу напомнить про ваше давешнее обещание...
- Нет, я про то, что не смогу — не вправе буду — открыть секрет активации спящего в вас дара.
- Ах, это, — выдохнул Сажин. — Досадно, однако уж больно цена кусается, извините.
- Послушайте. Хочу привести ещё один довод в пользу моего предложения.
- Ну... слушаю.
- Отдаёте ли вы отчёт, что, так или иначе, вас всё равно используют? Вы обречены быть пешкой в чужой политической игре. И это ещё в лучшем случае.
- А в худшем?
- Крутанув набалдашник трости, Бурмасов чуть обнажил лезвие спрятанного в ней стилета и ударом ладони вернул его обратно.
- Могут просто ликвидировать. Да-с. Собственно, первая попытка уже состоялась.
- Что же изменится, прими я ваше предложение?
- Я позабочусь о вашей защите. Поверьте, это не пустое обещание.
- Однако ж вы и сами намерены меня использовать по полной, разве нет?
- Зачем же так? То, что предлагаю я — своего рода служение, благородная миссия. Вы станете высшим существом и смыслом существования для целого народа.
- Ага. Для нескольких десятков существ, зарывшихся от мира под землю.
- И монахи укрываются от внешнего мира за стенами монастырей, что здесь зазорного? А должность настоятеля монастыря и в миру весьма уважаема.
- И всё же — нет.
- Хорошо. Будь по-вашему, — Хирохито вновь стукнул тростью об пол. — Но знаете? Всё ж таки я оставляю вам время на размышление. Наверное, этот выбор для вас слишком тяжёл, внезапен и, гхм... экзотичен, что ли. Давайте повременим. Осмыслите всё хорошенько, а там... кто знает?
- Что? — заволновался Николай. — Не отпустите из горы? Вздумали запереть меня в этой берлоге?
- Зачем не отпустить? — оборвал его старик. — Дорога открыта. Просто-напросто дальнейшие обстоятельства вашей жизни, не исключая, могут сложиться так, что вы сами пожелаете вернуться.
- Ах так... Ладно... Разумеется. Всякое бывает. Никогда не говори «никогда» и всё такое, — чтобы сменить тему, Сажин спросил: — Между прочим, где же ваш неизменный спутник — ворон?
- Кутх? Он не любит замкнутых пространств.
- Значит, его имя Кутх. Неплохо вы его, скажу, адрессировали. И давно он у вас?
- Кутх был всегда. И я его не дрессировал, он сам по себе. Кутх — проводник в царство мёртвых. Это всё, что вам следует о нём знать.
- Свят, свят! А царство мёртвых-то тут при чём?
- Оно всегда при чём, — мрачно заметил волхв. — Вы, кстати, тоже приехали не куда-нибудь, а на землю предков, своих давно умерших пращуров.

Глава 16

В обратный путь двинулись задолго до восхода. Хирохито, снова одетый в свой шотландский твид, шёл впереди. На плече у него восседал ворон, который, как теперь знал Николай, звался Кутхом. За Бурмасовым четверо чудинов-денисовцев несли носилки с Тагановым, ещё столько же трусили рядом, периодически сменяя уставших товарищей. Замыкал шествие Сажин.

Процессия остановилась, чудины положили носилки на землю, и он подошёл к Таганову. Папа Хэм открыл глаза и поманил Николая пальцем:

— Николай Николаич... У меня ведь никого из родных, — произнёс он слабым голосом. — Так вы, голубчик, уж сделайте милость, позаботьтесь об Изе... об Изю-

ке-зююке моём. Он домашний, доверчивый — пропадёт... Обещаете?

Сажин осторожно накрыл его руку своей.

— Что вы, Виктор Антоныч! К чему это похоронное настроение? Вы непременно встанете на ноги.

— Обещаете? — настойчиво повторил Таганов. — И ещё: сможете передать мою коллекцию самоваров в музей?.. Жалко, если все труды — прахом.

— Не волнуйтесь, всё сделаю.

— Спасибо... И не доверяйте, ради Христа, этому... чудскому колдуну.

— Понял, Виктор Антоныч, не буду.

Отряд двинулся дальше. Сажин нагнал Бурмасова.

— Илья Бурмосович, а как быть с костью? Полагаю, мне правильнее её вернуть.

Коль скоро я отказался...

— Это не просто кость! Это скипетр божественной власти.

— Тем более. Я ведь отказался от этой власти.

— Мы, кажется, решили, что вы подумаете.

— Скорее, решили вы...

К старику подбежал один из денисовцев и прокурлыкал что-то, размахивая руками и трясая клочковатой бородой. Остальная чужь образовала кольцо вокруг своего предводителя, поместив внутрь этого кольца носилки с Тагановым и затолкав туда же Сажина. Тут Николай смог детально рассмотреть устройство камнемётного оружия чуди: ближайший к нему бородач освободил кожаный ремень, обматывавший его правую руку до локтя, при этом тот остался закреплен петлёй на его запястье, свободный конец ремня он взял в ту же руку, а в середину, где ремень расширился, вложил круглый увесистый булыжник и принялся раскручивать эту нехитрую конструкцию над головой. Ременная праща, сообразил Сажин.

— А что, собственно, стряслось? — спросил он Бурмасова.

— Тс-с! — приложил тот палец к губам. — Засада.

Николай осмотрелся, внимательно прислушиваясь: влажный утренний лес был объят тишиной, нарушаемой лишь зловецим гудением пращей; при полном безветрии ни одна веточка, ни один листик или былинка вокруг не шевелились. Вдруг из-за густого ельника раздался знакомый бархатный баритон:

— Всё в порядке, Николай! Это я, Георгий! Реконкистов. Скажи своим конвоирам, чтобы расслабились, я выхожу.

— Это свой, — пояснил Сажин Бурмасову, — это Реконкистов, я его знаю.

— Я тоже, — буркнул старик. — Только он не один пришёл, — и отрывисто выкрикнул несколько слов на чудском языке.

Повинуясь команде волхва, денисовцы прекратили раскручивать пращи. Еловые ветви всколыхнулись, осыпавшись алмазной росой, и из-за них выступил Реконкистов. Он поднял вверх правую руку с зажатым в ней пистолетом и повторил:

— Всё в порядке, господа-товарищи, всё в полном порядке, — сразу же пришли в движение лесные заросли справа и слева, и в мгновение ока их отряд окружили пятнадцать здоровяков в балаклавах с укороченными автоматами в руках. — Тут все свои, нет причин для беспокойства, — пояснил Реконкистов. Он решительно прошёл сквозь редкую цепь чуди и крепко стиснул Николаю руку, пытливо заглядывая тому в глаза. — Как ты? В порядке?

— Я-то в порядке, а вот... — он кивнул на Таганова.

Георгий быстро шагнул к носилкам и склонился к раненому. Автоматчики в балаклавах столпились рядом. Реконкистов пощупал лоб Таганова, приподнял ему веко, потом, приложив два пальца к шее, замер. Наконец он тяжело поднялся и покачал головой.

— Что? — уже угадав в чём дело, всё же спросил Николай.

— Мёртв, — подтвердил Идальго.

Сажин растерянно огляделся вокруг. Ни Бурмасова, ни других денисовцев нигде не было — они исчезли, растаяв, как болотный туман в летний полдень.

Глава 17

Четыре больших чёрных джипа и «Нива» длинной похоронной процессией катили в сторону Чухломы по сельскому бездорожью. Тело Таганова поместили в багажник первого внедорожника, предварительно завернув в покрывало, «Нивой» управлял один из людей Реконкистова, сам Идальго вместе с Сажинным ехал на пассажирском сидении второго джипа; кроме водителя, в салоне с ними сидели еще трое с автоматами.

— Прости, Николай, я опоздал, — первым начал разговор Реконкистов. — Мой прямой косяк. Но, снявши голову, по волосам не плачут... как сказал бы товарищ Вик-

тор. Он, знаешь, любил народные присловья. Эх, Витёк, Витёк...

— Я не совсем понимаю... Точнее, ничего не понимаю: каким макаром ты замешан в этом деле? Ты знаком с Тагановым? Кто эти люди? — Сажин кивнул на автоматчиков. — Они не похожи на чоповцев. И как ты вообще меня нашёл? В лесу?!

— Вопросы законные. Итак, по порядку: да, с Виктором Тагановым я знаком и давно. Это мой — наш товарищ. Нас объединяло дело, которому мы вместе служили. Если говорить формальным языком, он сотрудник той же организации, где работаю я. Помнишь разговор в поезде и моё предложение о сотрудничестве?

— Уж не об этой ли организации говорил Таганов как о некоей силе, противостоящей «Числу»?

— Так. Значит, Виктор ввёл тебя в курс дела. Странно, ведь я четко его проинструктировал, не спешить...

— Да ни черта он не ввёл! Кормил меня одними загадками да междометиями. Вот как ты сейчас. Постой... Выходит, и наша встреча в поезде не случайна?! Ты уже тогда знал и про Таганова, и о причине моей поездки в Чухлому... и про рукопись Печерского тоже?

Реконкистов похлопал Сажина по колену:

— Я всё объясню, не сомневайся. Теперь у меня и выхода иного нет. Понимаю, ты сейчас винишь нас, меня, Виктора. Но это судьба! Если угодно — рок, фагум, карма. Так уж тебе на роду написано. А если кого и винить, так, скорее, писателя Печерского. Он — первопричина всего, разве нет?

Сажин невольно рассмеялся:

— Не Реконкистов ты, а Иезуитов. Ишь как повернул: писатель виноват!

— Вот, узнаю прежнего Николая Сажина, — обрадовался Георгий и протянул ему фляжку. — На-ка, глотни с устатку коньячку, взбодрись.

— Подпойть хочешь? — оттолкнул его руку Николай.

— Как бы тебе объяснить? А, ладно! Скажу, как есть. Короче, в нашей структуре нашёлся предатель — посланный казачок, причём там, — Идальго закатил глаза вверх. — Он и слил тебя «Числу», то есть всю информацию о тебе, которой мы располагали. А те, видно, решили не рисковать. Может, посчитали, что ты уже — в наших рядах и полностью обрёл силу.

— Организация, структура, — проворчал Сажин, — опять одни намёки.

— «Слово». Таково наше название. Вот, теперь ты знаешь.

— Ишь ты. Красиво. Говорю, как литератор. Коли есть «Число», должно быть и «Слово». «В начале было Слово...», и прочее. А не боишься об этом вот так запросто и — вслух? Когда кругом соглядатаи «Числа».

— Мы знаем про них, они знают про нас, — пожал плечами Георгий. — Дело ж не в названии... Вообще говоря, у «Слова» есть одно немаловажное преимущество: мы гораздо лучше понимаем их, нежели они нас. Ведь мы читаем их книги, смотрим их фильмы, изучаем их историю, а они — нет. А в борьбе знание противника — всегда преимущество. Я другого не пойму: чего тебя с Виктором к Чудь-горе понесло? Нет, лучше давай по порядку, с момента приезда.

Выслушав рассказ Сажина, Георгий неодобрительно крякнул.

— Не профессионально как-то всё. Ну, теперь ничего не попишешь... Выходит, Гориллыц дожил до наших дней? Чудеса! А Илья Бурмасович — крутой перец. Надо же! Пятых уконтрапупить. Булыжниками... Ха! Наверняка то были не штатные бойцы «Числа», а наемники по случаю, но всё равно... Лихо! Значит, эти чудины — денисовцы, не сапиенсы — уж чего-чего, а подобного поворота мы никак не ожидали. Наверное, стоит наладить контакты, бес их знает... Таких лучше иметь в союзниках. Ладно! Оставим пока. Что конкретно Виктор рассказал про «Число»?

— Виктор Антоныч поведал историю, смахивающую на нф-роман. Про некое «Число», входящее во всемогущую «Сумму», которыми, дескать, управляет бессмертный мозг покойного Рокфеллера. По правде, мне трудно на полном серьёзе...

— Отстал ты, Николай, от жизни. Что здесь фантастического? Это же прошлый век, причём в буквальном смысле. Вот тебе конкретика... Впрочем, лучше дадим слово нашему заму по науке. Товарищ Вольт, введи товарища Сажина в курс. Заодно и познакомись, — склонившись к Николаю, Идальго едва слышно шепнул в самое ухо: — Ты по лику не суди, он малый толковый, проверенный.

Сидящий рядом с водителем боец стянул балаклаву и обернулся к ним. Бледная бугристая кожа лица, близко посаженные глаза и выпяченные губы, сложенные в брюзгливую гримасу, делали его похожим на жабу.

— Разработки по расшифровке нейронного кода, — без предисловий начал товарищ Вольт, неприятно шлёпая губами и брызгая слюной, — с помощью которого мозг, посылая сигналы, управляет конечностями, велась давно. Ещё в 1998 году учёные из Атланты вживили один электрод в мозг парализованного, и он смог одной лишь силой мыс-

ли двигать курсор по экрану компьютера и даже складывать буквы в слова. Примерно в это же время другая группа учёных из университета Джорджии добилась схожих результатов. Их пациент просто представлял себе, будто двигает рукой, возбуждая тем самым определённые зоны своего мозга; это фиксировалось вживлёнными в его мозг электродами, а сигналы при помощи миниатюрного передатчика, помещённого под кожу головы, передавались на компьютер. Потом, году где-то в 2004-м, Эрик Лейтхард, нейрохирург госпиталя в Сент-Луисе, тоже научил своих пациентов мысленно управлять курсором на экране компа. Но наибольшего успеха удалось достигнуть команде американских учёных из Дьюкского университета: они вживили одиннадцати пациентам, страдающим болезнью Паркинсона, по тридцать два электрода толщиной в человеческий волос в ту область головного мозга, что отвечает за координацию движений. Потом, подключив пациентов к компу, им предложили поиграть в компьютерные игры. И больные с задачей справились. А ученые смогли расшифровать нейронный код и разработать алгоритм, позволяющий переводить мысли о движении руки в компьютерный приказ. Сегодня люди с имплантированными микрочипами управляют протезами любой степени сложности...

— Спасибо, Вольт, достаточно, — оборвал лекцию Реконкистов. — Как видишь, Николай, никакой фантастики, сплошная рутина.

— Допустим, — признал Сажин. — Тут вот ещё что... Хирохито — тьфу! — старик Бурмасов говорил, что во мне якобы дремлют некие таланты — сверхспособности, которые можно пробудить. А как это сделать, не сказал, отказался. Тебе что об этом известно?

Идальго беспокожно заелозил на сиденье.

— Давай — тет-а-тет. Тем паче, мы прибыли. Я тебя поселю в гостинице, номер уже снят, вещи твои принесут. У Таганова сейчас опасно. Пошли, провожу в номер. Ближе к вечеру зайду, тогда и обсудим остальное.

Уже в номере Сажин хлопнул себя по лбу:

— Совсем забыл! Виктор Антонович поручил мне, перед самой смертью, позаботиться о его коте. Он страшненький такой, чёрный, зовут Изей.

— Знаю-знаю — корниш-рэкс. Сам подарил того кота Виктору, лет восемь назад.

— Я бы забрал себе, да у меня дома — пёс.

— Ладно, поспрашиваю по соседям. Не бросим животную.

— И ещё он просил передать в здешний городской музей свою коллекцию самоваров. В Чухломе музей-то вообще есть?

— Краеведческий. На Советской улице. И об этом не тревожься. Сделаем! А ты из номера — ни шагу. Еду тебе принесут, отдыхай, набирайся сил. Лады?

Вечером Реконкистов вернулся; в руках у него был полиэтиленовый пакет.

— Вскрытие сделали, шансов у Виктора не было. Всё дело в пуле: так называемый радикально-экспансивный боеприпас штатовского производства; выпускается под маркой R.I.P. При попадании в тело пуля разбивается на мелкие осколки, и каждый проделывает свой раневой канал, превращая плоть в фарш. Удивительно, как он ещё дотянул до утра. Помянем Виктора, — он взял с журнального столика два стакана. — Будь другом, порежь лимончик... А теперь поговорим о деле, — зажевав лимонной долькой, предложил Идальго. — Значит, интересуешься, как пробудить скрытые возможности своего организма?

— Уж конечно.

— Почему? — прищурился Реконкистов.

— Ненужный вопрос. Вдруг за этим и впрямь что-то есть? Что ж я, дурак — отказываться от своего счастья? Это только в сентиментальных романах герой гордо отвергает подарки судьбы вроде бессмертия, всемогущества, богатства и тому подобного. Дескать, хочу быть как все. То бишь заурядным обывателем. Писатель, который робеет сделаться не как все — оксюморон. А я — писатель, между прочим.

— А как же персонаж Снегирёв у Стругацких¹? — парировал Идальго. — Он-то, помнится, тоже писатель, однако отказался от вечной жизни.

— Ты про Феликса Снегирёва? Посредственность, испугавшаяся, что за века это станет очевидным всем и — главное — ему самому.

— Выходит, ты и рецепт Макропулоса сжигать не стал бы? — прищурился Реконкистов, подливая коньяк в стаканы.

— Выходит, так.

— Это хорошо. Хорошо, что ты не интеллигентский хлюпик, не моралист чахоточный. В данном случае это существенно, хотя о бессмертии речи и нет... Но почему ты, в таком разе, отверг предложение Бурмасова?

¹ Реконкистов имеет в виду персонажа киносценария А. и Б. Стругацких «Пять ложек эликсира»; по этому сценарию в 1990 г. был снят телефильм «Искушение Б».

— Ну, знаешь, — развёл руками Николай. — Он хочет, чтобы я сделался этаким... живым фетишем для его ненаглядной чуди. И Петрушкой — для него. И вообще, мне, как убеждённому атеисту, такая роль противна.

— Понял, — кивнул Георгий, — резонно, допускаю. Тогда слушай. Таганов должен был тебя посвятить в перипетии судеб твоих прапрадеда Богдана по прозвищу «Сажа» и деда Алексея Гавриловича по кличке «Гориллыч».

— Во всех криминальных подробностях.

— Но кое-что он умышленно опустил. Одну весьма существенную деталь.

— Да? — насторожился Сажин. — Что за деталь?

— Он не рассказал, каким образом тёмный малограмотный крестьянин, пускай и с замашками ката, превратился в атамана разбойничьей шайки и как рядовой уголовник, пусть и дюжий, аки бык, стал фартовым и почти неуязвимым тузом преступного мира. Что, так сказать, послужило триггером, спусковым крючком для внезапного пробуждения их лидерских качеств.

— А ты знаешь?

— Знаю, — спокойно подтвердил Георгий. — Ведь документы-то Виктору из архивных спецхранов я подбирал самолично. Поэтому знаю, да. Только давай сперва хлопнем чуток.

— Больше не хочу, — Николай накрыл свой стакан ладонью.

— Надо, Коля, надо, — заверил Реконкистов, отстранив его ладонь. — Услышать такое про своих предков на трезвую голову... тяжко, поверь.

— Будет сгущать, говори уже!

— Вот, слушай, — Георгий пригубил свой коньяк и не торопясь закурил. Некоторое время он флегматично разглядывал струйку дыма, поднимавшуюся к потолку от его сигареты, а потом неспешно продолжил: — Как тебе известно, в девятьсот третьем Богдана Сажу приговорили к двадцати годам каторги. Срок он отбывал в каторжной тюрьме Усть-Каменогорска; теперь это Казахстан, а тогда — Томская губерния Российской империи. Однако ж долго он там не засиделся — бежал совместно с ещё несколькими осуждёнными. Сохранился протокол допроса одного из тех беглецов, Семёна Квакина, который в 1906 году вновь попался властям, уже после того, как Сажа сколотил собственную шайку. Мне удалось ознакомиться с теми его показаниями. Так вот, об обстоятельствах побега он поведал следующее. Вместе с Сажей тогда бежали ещё шестеро каторжан. «Иваном» у них был некий Пётр Шилов, матёрый варнак, имевший за плечами два побега.

— Каким таким «иваном»? — перебил Николай.

— «Иванами» в те времена величали уголовных авторитетов, нынешних «воров в законе». Ты выслушай до конца, а вопросы — после. На чём я остановился? Да! Почти все беглецы были родом из здешних костромских мест, потому и стопы свои направили в этом направлении. От Усть-Каменогорска до Костромы пеший путь неблизкий, добираться им пришлось не один месяц, в том числе и по зимней тайге. Бежали-то они в ноябре. А зимой в тайге — ни грибов, ни ягод — верная голодная смерть. Так вот, согласно показаниям Семёна Квакина, где-то в глухих тюменских лесах между Тоболом и Ишимом ими был убит, а потом съеден бежавший с ними каторжник Степан Попов — молодой парень лет двадцати. Скорее всего — об этом есть и у Квакина — Пётр Шилов подговорил Степана на побег, изначально уготовив тому участь, так сказать, походного провианта. Как бы там ни было, Степана убили, разделали, а мясо зажарили на костре. История жуткая, но совсем не уникальная.

Сажин скривился и залпом опрокинул в себя коньяк:

— Да, я тоже не раз читал о подобных случаях. Но, ты был прав, узнать такое про собственного предка... Фу-у! — он передёрнул плечами и потянулся за бутылкой.

— Поймай! Тут важно другое: на утро после каннибальской трапезы Сажа начал вести себя, словно заправский «иван» — командовать остальными и отдавать приказы. А когда подлинный «иван», Пётр Шилов, попытался урезонить зарвавшегося товарища, Сажа, опять же по показаниям Квакина, просто взглянул на него и велел «ивану» повеситься на ближайшем дереве... И тот ровно так и поступил: послушно сплёл петлю, накинул на сук и удавился. Сам! С телом Шилова поступили, как с телом Попова — разделали и зажарили на костре, поделив провизию поровну на всех пятерых. И с того момента оставшиеся в живых, помимо самого Сажи, четверо беглецов слушались нового самостийного атамана беспрекословно и настолько трепетали перед ним, что ночами спали по очереди, всегда оставляя одного дежурить — боялись, что Сажа сожрёт и их. Ещё Квакин показал на допросе, что якобы взгляд Богдана Сажи как-то особенно *тяжелил*, от него, дескать, *туманился ум*, отымались руки-ноги, а все его повеления исполнялись беспрекословно, потому что противиться им не было никакой физической возможности.

Заметив, что Николай хочет что-то сказать, Реконкистов поднял ладони в оста-

навливающим жесте:

— Погоди, Коля, дай закончить. Теперь касательно твоего деда Алексея Гавриловича. Таганов тебе рассказывал, что свой второй срок — девять лет за разбой — Гориллыч «мотал» в Коми АССР? И вот именно там с ним и произошла метаморфоза, чрезвычайно сходная с той, что случилась в своё время в сибирской тайге с его дедом Богданом. На шестом году срока Гориллыч совершает убийство сокамерника, причём непростого, а из авторитетов. Причина в данном случае опять же неважна. Но сам способ убийства свидетельствует, что, по всей видимости, твой дед впал в крайнюю ярость, поскольку ударом кирки пробил авторитету грудную клетку и, более того, не удовлетворившись этим, вырвал ему сердце и, как зафиксировано в документах личного дела осужденного, частично съел его прямо на глазах у очевидцев этой расправы. Вот с этого самого момента он и превратился для всех окружающих в непререкаемого лидера. Он же потом дважды бежал: первый раз — из поезда, во время этапирования, второй — в пятьдесят шестом, из тюремной больницы. И всякий раз побег осуществлялся с помощью тех, кто, по долгу службы, должен был тому воспрепятствовать: конвоир в «теплушке» сам отдаёт ему винтовку, медперсонал тюремной больницы — открывает ему двери на свободу. Я читал и материалы служебных исследований, и показания этих людей. Все — и конвоиры, и больничный персонал — утверждали, что просто не в состоянии были сопротивляться приказам Гориллыча, а почему — объяснить толком не могли или не умели; лишь ссылались на необычайную и необоримую гипнотическую силу Гориллыча. Звучит, казалось бы, малоубедительно. Тем не менее, руководство МВД восприняло эти факты со всей серьёзностью. Несомненно, именно этим объясняется появление секретного милицейского приказа о запрете вступать с Гориллычем, в случае его обнаружения, в словесный или любой иной контакт, а сразу открывать огонь на поражение. «Подлежит немедленной и безусловной ликвидации на месте», такова буквальная формулировка в приказе.

Реконкистов закончил рассказ, и в гостиничном номере сгустилась напряжённая тягостная тишина. Через минуту-другую Сажин откашлялся и, делая долгие паузы, негромко спросил:

— Так ты... хочешь сказать, что... способом активации моих подспудных талантов является...

— Каннибализм, — закончил за него Георгий, подавшись вперед на стуле. Он уже не казался спокойным и невозмутимым, а напоминал теперь kota, заметившего рядом беспечно птичку. — Совершенно верно. Я мыслю так: если для твоих предков — кунингасзов — тех, которые рождались, жили и умирали в Чудь-горе, каннибализм изначально являлся, так сказать, пищевой необходимостью, а потом, с течением времени, превратился в освящённый веками обычай, то инициация твоих прапрадеда и деда произошла спонтанно, им помог случай, и — отчасти — допускаю, некая внутренняя потребность. Вот как-то так... А тебе, Николай, готов помочь я.

Глава 18

Таганова похоронили вечером следующего дня на небольшом погосте, расположенном в черте города, на съезде с улицы Свободы. Могилу выкопали в ограде семейного захоронения Тагановых, рядом с могилами деда, отца и матери Виктора Антоновича. Когда гроб опустили в яму и забросали землёй, Идальго раздал пластиковые стаканчики и наполнил их «крыжовенной» из запасов покойного. Проглотив самогонку, он шумно занюхал рукавом и сказал со вздохом:

— Ну, давайте нашу — отходную.

Бойцы сначала тихонько, вразнобой, потом громче и слаженней запели «Как родная мать меня провожала». Николай обратил внимание, что некоторые куплеты этой давно знакомой песни слышит впервые. «С Красной Армией пойду я походом, — пели бойцы, — смертный бой я поведу с барским сбродом». И далее:

*«Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!*

*Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою, —*

*Не кровавый пьяный рай
Мироедский, —
Русь родная, вольный край,
Край советский!»*

Расходились уже затемно. Сквозь рваные тучи проглядывала полная луна, с озера веяло осенней прохладой. Николай шёл вместе с Реконкистовым и товарищем Вольтом, которого «окрестил» про себя «Абажем». Когда они поравнялись с Лениным, простёршим руку посреди поросшего травой пустыря в центре города, Реконкистов предложил:

— Вольт, ты ступай, а мы с Николаем тут чуток постоим, покурим. Уж больно место располагает.

Абаз безропотно нырнул во мрак, а они двинулись по проложенной местными жителями тропке к монументу. Подойдя к памятнику, Георгий со вздохом погладил рукой облупленный голубой постамент, дал прикурить Сажину, закурил сам и указал горящим кончиком сигареты на выкрашенного серебром вождя:

— Помнишь, что Владимир Ильич говорил про белые перчатки?

— Э-э... Что революцию в них не делают?

— Именно. И еще он говорил: надо уметь учитывать момент и быть смелым в решениях. Сечёшь?

— Это ты сейчас к чему? — сделал вид, что не понял, Николай.

Идальго пристально посмотрел на него, щурясь от табачного дыма.

— Не передумал, Коля? — спросил он.

Вчера он до поздней ночи уговаривал Сажина, убеждая в жизненной необходимости пробудить его неандертальский дар; приводил различные аргументы, говорил, что и речи нет ни о каком криминале, что всё можно повернуть легко, безболезненно и без всякого ущерба для чьего-либо здоровья, утверждал, что у него уже есть договоренность с неким хирургом из «Склифа»... Но все его доводы лишь усиливали ужас и омерзение Николая, и Реконкистов ушёл, несолоно хлебавши.

— Так как? Не передумал? — повторил свой вопрос Реконкистов, поглаживая ладонью ленинский постамент.

— Знаешь, Георгий, мне этой ночью сон приснился, — вместо ответа сообщил Сажин.

— Что за сон?

— А будто бы мы с тобой в какой-то не то котельной, не то бане заживо сварили главного редактора журнала «Луноход» Матушкина, а потом ты уговорил меня съесть его язык. И всё советовал: «Поперчи, поперчи, с перчиком лучше пойдёт».

— О как! А дальше?

— Дальше? Дальше я проснулся, и меня стошнило.

Реконкистов поцокал языком и усмехнулся:

— Твой Матушкин, небось, старый, жилистый да желчный, вот и не усвоился. И с коньяком мы вчера, честно сказать, переборщили; вторая бутылка была лишней — мой косяк... Ну а ты это к чему рассказал?

— К тому, что довольно выклёвывать мне мозг; хватит — тема закрыта.

— Раз закрыта, — пожал плечами Идальго, — собирай манатки, и поехали. Нам надо успеть на поезд до Москвы, он в Галич в час ноль две прибывает.

— А чего на поезде? Почему не на машине?

— Комфортнее на поезде.

Глава 19

На вокзал они успели вовремя и сели на поезд, следовавший аж из Владивостока, разместившись в четырёхместном купе, но вдвоём — Георгий выкупил его целиком. Как и подозревал Сажин, выбор поездки на поезде был продиктован тем, что Идальго так и не расстался с надеждой его переубедить. Едва состав отъехал от Галича, его визави заказал два стакана чая и вновь приступил к агитации.

— Я прямо удивляюсь: какая особенная корысть вашему «Слову» в моей скромной персоне? Ну, хорошо, допустим, этот дикий и тошнотворный способ инициации действительно приведёт, как выражаются геймеры, к «прокачке» моей личности. И что дальше? Станете показывать меня в ток-шоу? Даже если на миг забыть об абсолютной неприемлемости самого способа, неужто ты думаешь, что меня прельщает роль пешки в вашей политической игре?

— Ты, Николай, не пешка и даже не ферзь, ты — джокер. И тот игрок, кому такой джокер выпадет, сорвёт весь банк. Вопрос лишь в том, кому из двух игроков пофар-

тит: «Числу» или «Слову».

— Никому.

— «Число» не оставит тебя в покое, даже не надейся.

— Покамест покоя нет от тебя, — вздохнул Николай.

— Да я-то лишь пытаюсь апеллировать к твоему разуму и сердцу. Тот факт, что «Числу» теперь всё известно — смертельный риск. Пойми, числители и стоящая за ними «Сумма» тянуть не станут. Собственно, они уже показали это на деле.

— Действия твоих товарищей, да и твои, Георгий, тоже не назовёшь честной игрой. Числители, говоришь... Между прочим, а как вы называете друг друга? Просто «товарищи»? Или есть какое-то специальное внутрипартийное обращение?

— Есть и специальное.

— Постой, дай угадаю, — поднял руку Сажин. — «Словесники»?

— Неплохо, но как-то... беззубо. Нет, для своих мы «барбудос».

— «Слышишь чеканный шаг? Это идут барбудос», — тихонько напел Николай.

— Вот именно так. Но ты с темы не съезжай. Ты спросил, какую роль мы отводим тебе во всей этой истории. Готов прояснить. По нашей задумке ты должен возглавить левое движение России. При этом под «левыми» я не имею в виду тех розовощёких оппортунистов, что паразитируют на понятии «социализм»; со всеми этими парламентскими «паркетниками» нам не по пути.

— А с кем тогда по пути? С несистемной оппозицией?

— Тыфу ты! Наша несистемная оппозиция, она вообще не про смену социальной модели. У них даже своей идеологии нет. Так, один трендёр, дескать, те, которые нынешние — сплошь жулики, и надо на их место поставить других. А реальная цель, она, собственно, и не скрывается: нужен-де новый президент. Какой? Который предаст национальные интересы, разумеется. Вот и вся их нехитрая сверхзадача, по Станиславскому. По сути своей они — наймиты «Числа» и верные адепты «Суммы». Ты знаешь, я отнюдь не являюсь сторонником нынешней власти; целеполагания нашей провластной элиты и «Слова» во многом противоположны. Порой диаметрально. Это факт. Но, согласись, вот в этой вечной готовности «несистемников» вставать на сторону Запада и осуждать собственную страну по всем без исключения спорным вопросам есть что-то... тошнотворное. Да и чем, по большому счёту, такая позиция отличается от предательства? А предательство, оно при любом социальном строе останется предательством. Предатель — он и в Африке предатель. Нет, Коля, ты возглавишь подлинно левое — коммунистическое движение. Харизматичный, авторитетный и непререкаемый лидер левого реванша. Вождь! Вот как мы, барбудос, видим тебя, Николай. Так что ты не пешка — ты наш кормчий. Если, конечно, у тебя самого достанет духа стать таковым.

— Ну вы, товарищи, даёте! Сговорились вы, что ли? Один, значит, решил из меня живого бога извлекать, другой прочит в вожди грядущей социальной революции.

— Не сравнивай: одно дело — племенной божок, и совсем иное — лидер огромной страны, президент великой державы. Вещи несопоставимые.

— С нами крестная сила! — выпучил глаза Сажин. — Час от часу не легче. Ты меня уже в президенты РФ прочишь?!

— Естественно. Иначе, какой смысл? К президентским выборам в марте следующего года мы, понятно, и напрягаться не станем — поезд, считай, ушёл, а вот выборы в двадцать четвёртом году будут нашими. Семь лет — достаточный срок, чтобы превратить тебя в главного претендента от левого реванша. Я понимаю, Коля, фактически мы просим от тебя жертвы. Это так. Но, согласись, у тебя есть уникальный шанс: ты можешь употребить свой потенциальный дар на дело построения подлинно справедливого общества, счастливого будущего для нашей родины... Казённо прозвучало, да?

— Мягко говоря, — криво усмехнулся Николай. — И потом, как так? Разве сам Ленин не считал буржуазные выборы маскарадом? А ты мне предлагаешь в нём участвовать?

Реконкистов открыл портфель, вытащил бутылку коньяку и вопросительно глянул на Сажина.

— Не буду! — замахал руками Николай. — Рожаеть ты их, что ли? Лучше ответь на вопрос.

Идальго пожал плечами и сунул бутылку обратно:

— На «нет» и суда нет. А Владимир Ильич, как всегда, абсолютно прав. Любые выборы при капитализме — обман и надувательство. Ведь в чём их суть? Кандидаты уверяют избирателя: я лучше! нет, я лучше! нет, я! Гражданин смотрит, как те выхваляются друг перед дружкой в телевизоре, поливают друг друга ушатами грязи, и у него возникает иллюзия сопричастности, дескать, он — участвует, что-то решает. А по сути, он всего лишь роется в кучке разноцветных фантиков и вытаскивает из

этой кучи тот, который ему больше глянется. Фикция, химера, не более. И учти, дабы финансировать свою медиа- и прочую раскрутку, кандидат должен сам быть весьма состоятельным, ну, или за ним должны стоять влиятельные силы. Вот и выходит — любой кандидат либо представитель имущего класса, либо его марионетка. Зачастую — и то и другое. Это даже не рулетка — в рулетку можно и выиграть при случае. А здесь, какой фант ни вытяни, получишь прежнюю буржуйскую власть. Гарантировано.

— Да... Но ведь при том же Брежневе выборов, строго говоря, не было вовсе. Что за выбор из одного кандидата? Выбор без выбора.

— Опять не так. Тогда, при советской власти, кандидатов в депутаты выбирали трудовые коллективы, партийные и общественные организации, собрания военнослужащих, профсоюзы... даже кооперативы. И выдвигали они тех, кого хорошо знали — самых достойных и компетентных из своей среды, а не тех, кто горланит громче, не цветные фантики. Да, по сути, это был плебисцит, но честный плебисцит. Плюс система наказов избирателей и право на отзыв нерадивых депутатов, которая исправно работала. И заметь, депутаты советов всех уровней — от поселкового до Верховного — денег за своё депутатство не получали.

— А жили на что?

— На время исполнения полномочий за ними сохранялась средняя заработная плата по основному месту работы. Вот так, Коля.

— Ладно, бог с ними. Но раз теперь так, на черта твоему «Слову»...

— Не прикидывайся, Николай! — перебил его Реконкистов, грозя пальцем. — Все ты отлично понял: мы обернём их же оружие против них самих. Лучше представь: ты сможешь вычистить авгиевы конюшни нашей страны от грязи и мрази. От торгашей и продажных чинуш! От предателей всех мастей! Три процента упырей владеют восьмьюдесятью процентами национального богатства России. А ты их — к ногтю, к ногтю! За ушко да на солнышко, толстопузых! Прими во внимание, что благодаря твоему дару социальная революция осуществится мирно, сверху, новая справедливая власть придёт выборным путём. Никакого вооруженного восстания. Тебя изберёт сам народ. И он таки тебя изберёт, будь уверен.

— Откуда такая уверенность?

— А современные технологии на что? Прикинь, какой кумулятивный эффект возымеет, скажем, твоё выступление в телеэфире перед многомиллионной аудиторией глаза в глаза! Если, понятно, ты обретёшь гипнотическую мощь Кунигазса. Нет, начнём мы с интернет-площадок: с видеоблогов и соцсетей, а затем... Твоя популярность будет расти стремительно, в геометрической прогрессии! Сначала тысячи, потом сотни тысяч, и вот уже миллионы россиян прозреют благодаря твоим разоблачениям, призывам и аргументированным просветительским лекциям. Для этих целей «Слово» подготовило целый штат ученых-философов, историков, политологов и экономистов, вооружённых марксистско-ленинским учением. Адепты «Числа» будут зубами скрипеть в бессильной злобе. Что они против твоей сиищи? Ты вернёшь веру в коммунистический идеал миллионам и миллионам своих сограждан, оболваненных нынешней буржуазной пропагандой. А?! Каково? Да на алтарь столь грандиозной цели не жаль и жизнь положить!

— Благая цель оправдывает средства?

— Да! — хлопнул ладонью Реконкистов. — Великая цель оправдывает жёсткие средства. Особенно если без них никак. Но ещё раз подчеркну: с тобой у страны есть шанс на мирную смену общественного строя.

— Передел собственности по-любому не обойдётся без крови...

— Не передел! — перебил Георгий. — Не передел, а смена формы собственности. Мы не собираемся забирать у одних и отдавать другим, нет. Природные богатства и основные средства производства должны быть общенародными. Сообрази сам: состояния, в мгновение ока приобретённые нашими олигархами, по законам экономики возникнуть не могли, так? В начале девяностых страну просто отдали на разграбление кучке мародёров. А как следует поступать с мародёрами? Если по справедливости?

— Ты мне скажи.

— Фигурантов — под суд, награбленное национализировать, и всего делов.

— Твои фигуранты не лопухи — в Лондон сдриснут. А с Лондо́на, как с Дона — выдачи нет.

Реконкистов пожал плечами:

— Да пёс с ними! — потом почесал затылок и, усмехнувшись, добавил: — Чубайса только не отпускай. Эту гниду — повесить. Прямо напротив американского посольства. И не снимать. Чтоб висел и вонял.

— С Чубайсом решено. А прикормленные такими чубайсами клиенты и свора

ливрейных лакеев на содержании? А наша политическая элитка, плесенью выступившая на руинах преданной и разграбленной ею страны? Она, считай, и сегодня — во власти. А наши чиновники? Многие из них аж сочатся предательством. А те, которые почитают себя креативными элитариями? Все эти актёры и актёрки, комики и комички, певуны и певички? Да что греха таить, среди нашей писательской братии таких — ох! — предостаточно. А вполне осознавший себя класс новорусской буржуазии? Если по совокупности, не одна сотня тысяч выйдет. Да приплюсуй сюда целое поколение оболваненной молодежи с гаджетами вместо мозгов? Им только дай повод да брось клич.

Подняв на Сажина удивлённый взгляд, Георгий крикнул и, потянувшись через столик, потрепал того по плечу:

— Правильно мыслишь, Николай! — воскликнул он с чувством. — Как зрелый марксист. Ещё раз убеждаюсь: ни я, ни мои товарищи в тебе не ошиблись. Рад, чертовски рад. А с молодёжью проблема, факт. Ревизия, причём политическая ревизия, нашего среднего и высшего образования назрела давно. Как клопы в ковре окопались там всякие грандоеды, русофобы и откровенные предатели. Довольно уже этим господам и мадамам загаживать мозги наших детей и юношества. И вообще, эту гидру измены с рукопожатными щупальцами надо придушить во что бы то ни стало. Иначе на будущих фронтах нас ждёт крах, как в июле 1916 года.

— Ты не ответил на вопрос, — напомнил Сажин. — Если всё это всплывёт и разом хлынет на улицы, что тогда?

— Вот тогда, Коля, придётся действовать быстро, решительно и максимально жёстко, безо всяких дамских сантиментов и интеллигентских мерехлюндий. Дэн Сяопин тебе в образец.

— Ну вот опять: цель оправдывает средства.

Идальго вздохнул и спросил:

— Ответь, причинять человеку физические и моральные страдания — зло?

— Понятное дело.

— Выходит, нельзя сажать в тюрьмы грабителей, насильников и убийц? Ведь там они, по факту, страдают. Это зло, но совершаемое ради благой цели: дабы защитить общество от всяких отморожков.

— Хорошо-хорошо, — поднял ладони Николай, — ты прав. Да и вообще, о чём мы спорим? Я ваши убеждения разделяю. И всегда разделял. Просто хотел услышать твой довод.

— Не спеши, постой, — поднял палец Идальго. — Я ещё не закончил. Разобраться с внутренними врагами — важно, но это полдела. Будущий лидер государства должен ясно понимать: за Цифрой стоит Сумма, а под негласным контролем Суммы — весь коллективный Запад. Пора, наконец, расстаться с иллюзиями девяностых. Всё просто: Запад — наш враг, его цель — уничтожить Россию. Это война, Коля, и она идёт давно. Всегда шла. Война цивилизаций. А мы постоянно — в обороне. В лучшем случае. Но сидючи в окопе, войны не выиграть. Полный разгром и уничтожение Запада — вот какую цель обязан обозначит себе будущий президент России! Понимаешь? Либо мы их, либо они нас. И цель эту следует продекларировать на уровне военной доктрины. Ну и на политическом, конечно. Кстати, у советской России такая цель была, хотя так прямо и не декларировалась. Но ты ж понимаешь, победа коммунизма в мировом масштабе и означала бы смерть Запада, конец этой цивилизации-кровососа, возросшей и разбухшей, как упырь, за счёт крови колоний.

— То бишь, как ни крути, Третья мировая, да?

— Не обманывай себя, Николай. Третья мировая уже была. И мы её проиграли в девяносто первом.

— О как!

— Да, так. В атомную эпоху время классических мировых войн минуло. Никто не хочет сгинуть в пламени ядерного апокалипсиса, даже Запад. Теперь глобальные войны стали гибридными и, в силу этого, растянутыми во времени. Они приобрели тяжёлый характер и ведутся на множестве пространств: на территориях третьих стран, зачастую чужими руками, на информационном и экономическом фронтах. Так вот, Третья мировая шла где-то с пятидесятого по девяносто первый, с переменным успехом: в Корее и Вьетнаме, в Венгрии и Чехословакии, а потом на Кубе мы одержали тактические победы, но уже в Афганистане крепко увязли. А окончательно проиграли потому, что отказались от социализма и коммунистической идеи. Сами сдались на милость победителя. Распустили СЭВ, Варшавский договор, предали союзников, короче, признали свое полное стратегическое поражение. Итог налицо: утрата трети территорий, в том числе земель Руси изначальной: Украины, Белоруссии; потеря обширных земель исторической России, приобретённых в процессе освоения Сибири, которые теперь в составе Казахстана, уничтожение промышленности, сокращение народона-

селения, ну и далее, по списку.

— Значит, ты прочишь меня в полководцы грядущей Четвёртой мировой?

— Она уже идёт. Кто-то считает её началом Южную Осетию и Абхазию, я полагаю — четырнадцатый год, Крым. Её интенсивность будет нарастать день ото дня. Прикидываю, апогея мы достигнем лет эдак через пять. Может, раньше. Но дело не в датах! Беда в том, что мы сейчас в гораздо худшем положении, нежели Советский Союз. Даже банально — по численности населения. Считай сам: натовская Европа — шестьсот миллионов без малого, да США — ещё триста тридцать. В сумме — почти миллиард. Это супротив наших ста сорока пяти миллионов. Про несравнимость экономических потенциалов я уж молчу.

— Выходит, шансов ноль?

— Почему? Надо искать союзников. Точнее, возвращать дружбу прежних, ранее преданных: Северной Кореи, Кубы, Никарагуа, Вьетнама. Опять же полутора миллиардный Китай нам в помощь. Надеюсь. Тогда образуется совсем иной расклад. И заметь — это всё страны социализма. Симптоматично, не находишь? Впрочем, в нынешней ситуации не до капризов и чистоплюйства: любой враг нашего врага — наш друг. Глобальную войну с Западом необходимо интернационализировать. Отчего бы не снабдить тот же Иран межконтинентальными ракетами? Или технологиями их производства. Персы Америку ненавидят люто.

— Ага, а если те оснастят их ядерными боеголовками?

— Вот и славно. Пускай янки сидят и боятся. Но и этим наши возможности не исчерпываются! Надо с международной трибуны, гласно, громко, поддержать стремление свободолюбивых шотландцев и каталонцев к независимости. При необходимости, помочь деньгами, оружием. А как иначе? Только так. Как говорил великий Ленин, войну надо вести по-настоящему или не вести её вовсе, середины тут быть не может. Почему, опять же, не протянуть руку солидарности угнетённым афроамериканцам? Это вообще святое дело, считаю. Они там свергают памятник своим отцам-основателям? Те, дескать, голимые рабовладельцы. Отлично! Культуру отмены — поддержать однозначно. Народ, отказавшийся от исторической памяти — обречён. Никто не пойдёт в бой за миску похлёбки. Далее. ЛГБТ, транс-шмансы-лесбиянсы и вообще любые формы оскотинивания их населения тоже нам в помощь. От осинки не родятся апельсинки, как сказал бы покойный товарищ Виктор.

— Лишь бы эта «культура отмены» к нам не переползла, — пробормотал Николай.

— Да, за этим нужен строгий пригляд, — кивнул Реконкистов. — Но самое главное, нам самим жизненно необходимо перестраивать экономику на мобилизационный лад. Что в рамках нынешней экономической модели и с нашей торгашеской, насквозь прозападной элитой в принципе невозможно. Так вот, чтобы всё это воплотить в жизнь и победить в войне, нужен суперлидер. Кормчий. Вождь! Предельно харизматичный, абсолютно безжалостный к врагам государства, как внешним, так и внутренним. Слышишь, Николай? Понимаешь, про что я?.. Чего примолк?

Сажин глубоко вздохнул и покачал головой:

— Я тебя услышал и понял. Ты, Георгий, сам услышь и пойми: ну не в силах я пойти на то, о чём ты просишь, к чему подталкиваешь. Я не Сажа и не Гориллыч. Думаешь, мне самому не хочется обрести новые таланты? Сделаться неуязвимым и прочее. Хочется, конечно. Или, полагаешь, один ты болеешь за судьбу державы? Просто не могу я так... Вот если бы речь шла о каком-нибудь ритуале вроде масонского или... ну, ты понимаешь. А представь, если после выяснится, что всё это: про регенеративные способности, про гипнотический дар — басни? А?! Пойти на такое, а потом... Фу-у! Мне аж дурно сделалось.

Реконкистов прищурился и наставил на Николая палец:

— А если я тебе докажу, что это не басни, а чистая правда?

— Это ничего не изменит, — Сажин потянулся и протяжно зевнул. — Ох, заболтал ты меня: то выборы, то Четвёртая мировая. Утомил, чесслово.

— Неубедительно говорю? — прищурился Георгий.

— Не в том дело.

— А в чём же, ядрён-батон?!

— В том, что решения своего я всё одно не изменю, оно окончательно.

— И бесповоротно?

— Так точно, — Сажин прислушался к колесному перестуку и посмотрел в окно:

— О! вроде тормозим?

— Да, — подтвердил Реконкистов, — подъезжаем к Судиславлю. Но стоянка здесь всего две минуты, нет смысла выходить.

— Ладно... пойду хоть по составу пройдуся, а то ноги затекли.

— И я с тобой, — бодро вскочив, заявил Идальго. — Предлагаю посетить вагон-ресторан. Мне щепнули, что сёмга «по-царски» тут весьма неплоха: с лимончиком, пе-

трушечкой, маслинами и красной икоркой. А? Готовят сами, не в микроволновке.

К сёмге «по-царски», которая и впрямь оказалась годной, Сажин заказал бокал белого вина, а Реконкистов — пятьдесят граммов водки. За едой он, к облегчению Николая, к прежней теме не возвращался, а, вспомнив свою давнюю поездку во Владивосток, с увлечением поведал, как ел там морских гребешков, сладкого камчатского краба и трепангов и какой жуткой гадостью оказалась икра морских ежей. Когда они завершили трапезу, поезд как раз сделал остановку в Костроме. Они с полчаса погуляли по ночному перрону, но и тут разговор шёл на отвлечённые темы. В купе Сажин лёг на койку и моментально уснул.

...Он возвращался с Тайсоном с вечерней прогулки и притормозил на выходе из парка рядом с церковью апостолов Петра и Павла. Из окон храма лился золотистый свет и доносились приглушённые песнопения. Поодаль остановилась маленькая, замотанная во множество цветастых платков старушонка.

— Чего мешкаешь? — обратилась она к нему. — Заходи, вечерня ещё не кончилась.

— Да я с собачкой.

— Ништо, батюшка Иалтабаоф у нас до-о-обрый, он их и к причастию допускает.

— Кого? — поразился Николай. — Собак?!

— А ты загляни на наш погост, — отвечала старушка, ткнув пальцем в сторону близлежащего Ясеневого кладбища, — там всё таксы упокоены, иных пород и нет — всё таксы, таксы, таксы... И, прости Господи, таксисты.

Сажин посмотрел в указанном направлении: в тёмных купях кладбищенских деревьев вспыхивали и гасли зелёные искорки. Следуя за старушкой, он поднялся по ступеням паперти и зашёл в притвор. Слева, за свечным ящиком, сидела знакомая половецкая проводница; заметив Николая, она сложила губы гузкой и послала ему воздушный поцелуй. Пройдя в трапезную, он осмотрелся: церковь была пуста, даже старушонка куда-то делась. Его шаги гулко разносились под сводами безлюдного помещения. Царские врата высокого иконостаса оказались открыты, и за ними, под семисвечником, восседал толстый, похожий на старый раскисший гриб, господин в высоком шёлковом цилиндре, с моноклею в глазу и сигарой во рту; перед ним, на престоле, стояли золотой потир и дискос с просфорами. «Я где-то его уже видел, — подумал Сажин, вглядываясь в диковинную фигуру, — не помню только, где и когда». Господин вынул сигару, взглянул на дискос и причмокнул: несколько просфор, птичками вспорхнув с блюда, одна за другой отправились напрямиком ему в рот; с чавканьем разжевав хлебцы, он взял потир и стал жадно пить; по его многочисленным подбородкам потекли ручейки густой тёмно-красной жидкости. Допив, он небрежно сунул в потир сигару, вынул моноколь и уставился на Николая белыми, словно варёные яйца, глазами; в них, пощёлкивая, замелькали циферки, точно в старинном арифмометре; вот они остановились, сложившись в цифру «24». Толстяк направил на Сажина увенчанный массивным перстнем палец-сардельку и глухим гнусавым голосом пропел: «*Веа хи-и-уз!*»¹ В тот же миг по обеим сторонам иконостаса распахнулись диаконовские врата, и оттуда повыскакивало множество лохматых карликов, со свистом раскручивающих над головами кожаные пращи. Сажин, собираясь бежать, нагнулся за Тайсоном, тут один из снарядов угодил ему прямо в лоб и с влажным шлепком упал на пол. Это был кусок сырого мяса...

Когда Николай открыл глаза, за окном давно рассвело. Идальго сидел за столом и пил чай, задумчиво встречая взглядом набегающий предосенний пейзаж.

— Ты вообще не ложился, что ли? — спросил Сажин. — Где мы?

— Час назад проехали Ярославль, скоро Ростов. Чай будешь?

— Спасибо. Сначала умоюсь.

— Остынет, — возразил Георгий, кивая на второй стакан. — Я с лимончиком заказал.

Сажин сел, яростно потёр лицо руками и, ощутив сухость в горле, потянулся к стакану:

— Уфф! Как началась со мной эта катавасия, всякая дрянь снится, — он жадно отхлебнул и посмотрел в окно. За насыпью плотной стеной тянулись могучие сочно-зелёные заросли с гордо торчащими зонтиками гигантских соцветий. — Ты глянь, борщевик. Ого, сколько его! Боролись с этой заразой, боролись...

— А-а! — махнул рукой Реконкистов. — Очередной проект для отмывки денег. Ты не в курсе, что ли? За счёт нашего кармана и, главное — нашего здоровья. Сколько бабла вбухали во всякие телестрашилки, демонстрируя под зловещую музыку людей в костюмах химзащиты на фоне таких вот ж-ж-жутчайших растений. Посмотришь эдак, послушаешь: прямо триффиды, да и только. Всё брехня, не верь.

¹ «Вот он!» (англ.)

Николай посмотрел с недоумением:

— Но он же реально опасен. Ядовит, вызывает ожоги ...

— Говорю, брехня! Красивое сильное растение, полезное к тому же: поглощает угарный и углекислый газы, из него можно производить пищевой спирт и сахар... Да хоть картон! Притом урожайность — в четыре раза выше, чем у сахарного тростника; отличный медонос — вона какие соцветия. А борщевичный мёд — элитный, с карамельным вкусом и седативным эффектом. И вообще, ты можешь хоть голышом пройти сквозь его дебри — ничего с тобой не случится. Вот если кому придёт блажь натираться соком борщевика, аки миром и мускусом, тогда да — сразу после лучше не загорать: получишь солнечные ожоги.

— Вот видишь!

— Чего видишь-то? — поморщился Идальго. — Во-первых, борщевик светолюбив, в леса не лезет, на возделываемых землях его тоже нет. Он растёт вдоль дорог да на пустырях. Кому он там мешает? Бомзам? Так они его как раз не боятся. Во-вторых, у нас полно растений во сто раз опаснее твоего борщевика — смертельно ядовитых: белена, борец, дурман, пятнистый болиголов — тот самый, которым отравился Сократ. Или в любом нашем лесу в изобилии вороний глаз — чёрненькая симпатичная ягода, видел, небось, не раз; вполне можно спутать с черникой. Между тем, одна такая горошинка способна убить взрослого человека. А волчье лыко? Красные, красивенькие, чем не смородина? Смертельная доза для ребёнка — пять-шесть штук. Так что ж теперь, все леса и луга полить «оранжем»? А ведь у немалого числа людей вообще аллергия на любую пыльцу. Выходит, надо всё живое выжечь и всё кругом заасфальтировать.

Николай с удивлением поднял брови:

— Чего ты завёлся-то?

— А того! Под предлогом уничтожения борщевика сотни километров поливают гербицидами. А после ахают: ах, пчёлы гибнут! Ах-ах, онкология растёт! Говорю же: очередной отъём денег у населения, из той же серии, что и ежегодная замена бордюров во дворах; так там хоть без ущерба здоровью и природе.... Впрочем, чего и ожидать от общества, где на первом месте — прибыль, интересы торгашей, — Идальго искоса взглянул на Сажина. — Вот иные и могли бы всё это изменить да предпочитают оставаться в сторонке, замараться боятся.

— Так, пойду-ка умоюсь, — заявил Сажин.

Когда он вернулся, ни Реконкистова, ни его вещей в купе не было, а на столике, прижатая бутылкой коньяку, лежала записка и ещё — маленький кнопочный телефон. «Извини, что ушёл по-английски. Телефон — для тебя, он специальный, защищённый. Будет случай — звони. Г.Р.», — прочитал Сажин.

Глава 20

— Мариша, здравствуй. Как дела? Дома или на работе?

— Ой, пап, это ты! Привет! А чего с другого номера? Айфон потерял?... Я — в офисе и буду поздно, а Тайсон там совсем один... Нет, утром я с ним погуляла. Я тогда после работы — сразу к себе, в Бутово, можно? А за вещами заеду завтра... Виталий? Знаешь, пап, ты был прав, он оказался порядочной свиньёй, мы расстались... Я и не переживаю. Ладно, целую, пап! Вечером созвонимся, ок?

Николай абсолютно не помнил, чтобы называл Маринино бойфренда свиньёй, тем более, он его даже в глаза не видел. Но чувство некоторого удовлетворения его всё равно посетило: во-первых, потому, что квартира свободна, а во-вторых, оттого, что хоть где-то и в чём-то «был прав».

Сажин вставил ключ в замочную скважину, но тот отказался поворачиваться. Что за чёрт? Нажал дверной звонок. Дверь сразу отворилась изнутри; на пороге стоял мужчина лет тридцати, в стильном костюме, светловолосый, голубоглазый; причёска безупречная, лицо ухоженное, с лёгким загаром, брендовые очки в безободковой оправе — короче, на «домушника» он никак не походил, скорее — на топ-менеджера крупной компании, на эдакого «креакла». Отставленный бойфренд, сообразил Сажин и, нахмурившись, спросил:

— Вы, вероятно, Виталий?

— Абсолютно верно, — подтвердил креакл, отступая в сторону, чтобы пропустить Николая. — А вы, конечно, Николай Николаевич?

Сажин, не скрывая неудовольствия, утвердительно угукнул и зашёл в квартиру.

— Но Марина мне сказала, что вы больше... не вместе.

— Так и есть. Увы. Я — только за вещами и сейчас ухожу.

— Вот как? В таком разе вещи-то заберите, а ключики, наоборот — оставьте... — Николай бросил сумку, скинул обувь и прошёл в гостиную, придирчиво осматриваясь:

вроде порядок не нарушен. — А где Тайсон? — он заглянул на кухню, потом в спальню — таксы не было и там.

— Ах, собачка, — Виталий виновато развёл руками и печально улыбнулся. — Марина отнесла её в ветлечебницу, какая-то проблема с ЖКТ, я точно не знаю...

Сажин резко повернулся к говорившему:

— Что вы несёте?! Я созванивался с дочерью. Где моя такса, спрашиваю?! — он сделал шаг вперёд, намереваясь взять того за грудки.

Улыбка сползла с холёного лица Виталия, он отступил назад, неуловимо быстрым движением выхватил из-за пазухи маленький блестящий пистолет и направил его на Сажина:

— Ведите себя прилично, Николай Николаевич. Вашей собаки здесь нет. Сядем и поговорим спокойно, как цивилизованные люди, — он указал дулом пистолета на кресло. — Садитесь, говорю вам! И не пытайтесь воздействовать на меня ментально. Учтите, специальный чип в моём мозгу блокирует любые попытки гипнотического давления.

«Они считают, я обрёл силу. А пса в заложники, что ль, взяли? Какой-то бред», — растерянно подумал Сажин, садясь в кресло. Виталий присел на край дивана, продолжая держать Сажина на мушке.

— Полагаю, вы уже догадались, кого я представляю? — спросил Виталий.

— Да мне плевать! — взорвался Сажин. — Чего тебе надо? Говори и выметайся!

— Спокойнее, не стоит грубить, — покачал головой Виталий. — Всё не так просто. Мне поручено определенное задание, и пока я не получу фидбэка на наш месседж, никуда не уйду.

— Так говори и уматывай! И, ради Христа, изъясняйся по-русски, твой суржик просто бесит.

— Мы хотим сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

— Ха! Тоже мне, дон Карлеоне.

Виталий поправил очки:

— Давайте без шутовства, Николай Николаевич. Это вам не идёт, поверьте.

— Давай уже по делу — утомил. Какое предложение и почему я на него соглашусь?

— Во-первых, мы не примем отказа, а во-вторых, ни один человек, обладающий хоть толикой честолюбия, просто не в силах отказаться от подобного. Вы — писатель, следовательно, честолюбие вам не чуждо. Готовы слушать?

— А у меня есть выбор?

— Нет. Но сначала вопрос: вы уже овладели, гхм... особыми психофизическими свойствами Кунигазса?

— Не твоё дело.

Виталий терпеливо вздохнул:

— Какой вы непозитивный. Давайте порассуждаем вместе: вам удалось побывать в Чудь-горе, следовательно, вы либо овладели ментальными возможностями своих предков, либо выяснили способ их активации. Как видите, нам известно всё. Учтите, мы контролируем каждый ваш шаг. И не только — мы контролируем *реальность*. Просто примите это как данность. Это многое упростит.

— Вот даже как? Тогда, может, сам назовёшь способ активации?

Креакл вновь поправил очки. Они не знают, решил Сажин.

— На такой вопрос я отвечать не уполномочен, — заявил Виталий. — Меня делегировали озвучить суть нашей оферты. Раз вы торопите, буду лапидарен. Итак, шаг первый: мы обеспечиваем переход под ваше прямое управление влиятельной финансово-промышленной группы (наименование ФПГ вынесем на текущий момент за скобки). Проще говоря, вы возглавите один из крупнейших бизнес-холдингов Эрэфии. Шаг второй: мы организовываем ваше постоянное присутствие на всех ведущих медиаплощадках страны, где формируем вам позитивный имидж глобально мыслящего управленца, но при этом ненавязчиво позиционируем как конструктивную альтернативу действующему режиму. Шаг третий: мы выдвигаем вашу кандидатуру на президентских выборах двадцать четвертого года. Спрогнозированная нашими аналитиками вероятность успеха — восемьдесят с лишним процентов. Это очень высокая вероятность — практически гарантия! Риски также просчитаны и носят статистически незначимый характер, — он сделал паузу. — Что скажете? Как видите, я не лукавил: от такого предложения мало кто откажется.

Николай молча поднялся и, сопровождаемый по пятам Виталием, прошёл в прихожую; там вытащил из портфеля бутылку коньку и вернулся обратно; откупорив бутылку, он несколько раз отхлебнул прямо из горлышка, потом уселся в кресло и, не торопясь, закурил.

— Пассивное курение тоже убивает, — потянув носом, заметил Виталий и сел на диван напротив Сажина.

— Если бы, — вздохнул Сажин; выпустив струю табачного дыма в направлении кreakла, он спросил: — Почему именно я?

Тот помахал свободной рукой перед лицом, брезгливо разгоняя дым:

— Сами знаете, почему. Но для большей ясности добавлю: мы дважды — в 2003 и 2012 годах — пытались реализовать подобный проект. Опыт оказался негативным.

— Вот-те раз! Это с вашими-то хваленными возможностями? Вы же реальность контролируете.

Виталий достал из кармана пиджака серый шёлковый платок с монограммой «W\$&» и прикрыл им нос.

— Тогда мы не учли одного существенного фактора. Помимо наличия финансовой составляющей, кандидат должен пользоваться любовью народа, быть ему ментально близким. А что лежит в основе русского менталитета? Неубиваемая тяга к мифической справедливости: «всё взять и поделить», поровну, естественно. А в сухом остатке что? Зависть лапотника к успешному соседу, вот что. Отсюда звериное желание прищипнуть богатого, задушить его налогами, чтоб не смел жить лучше других.

— Народец, выходит, подкачал?

— Увы, российский народ так и не изжил корявую родоплеменную мораль, где нет места ни индивидуальному достоинству, ни соревновательному началу. Общинное мышление — вот что до сих пор тормозит развитие страны, — он осторожно поныхал платок и продолжил: — Кроме того, русский народ абсолютно лишен критики собственного поведения. Взять ту же аннексию Крыма или поддержку «сепаров» на Донбассе. Отсутствует само представление о том, что он — народ — неправ, не туда пошёл. Вам сложно представить, что русский народ может быть плохим, ужасным, падшим. Тем не менее, сейчас он именно таков... — Виталий перевёл дыхание. — Плюс — ресентимент под видом национальной идеи.

Николай поперхнулся коньком.

— Чего-чего? — спросил он, откашлявшись.

— Сублимация чувства неполноценности в особую систему морали, — со снисходительной улыбкой пояснил кreakл. — «Можем повторить» — классический пример ресентимента. Вся мифология современной России строится на ресентименте, обусловленном травмой потери якобы великого «совка». Отсюда — и шабаша на Девятое мая, и некрофильские шествия с фотографиями покойников, и нескончаемые стенания о подвиге народа-победителя, вообще всё это... — он покрутил пистолетом. — Всё это победобесие, извините за штамп.

— Сколько с нами проблем: и сознание-то у нас общинное, и славой предков мы по недомыслию гордимся.

— Проблем хватает, — кивнул кreakл, то ли не замечая сарказма, то ли игнорируя его. — Но с вашими экстраординарными талантами они все вполне разрешимы. Немного ментальных усилий — и массовый избиратель проникнется к вам самой искренней симпатией. А когда за спиной избранника — поддержка плебса, подлинно массовая поддержка, ему даже политические репрессии властей не страшны. Кроме того, надёжный тыл у вас уже в наличии.

— «Число»?

— «Число» само собой. Но электоральной поддержкой вам станет яппи-интернационал.

— Что ещё за зверь?

— Менеджмент международных корпораций и крупных российских компаний с иностранным участием. Наш креативный, атакующий класс!

— Вот как? Исповедуете классовый подход?

— Борьбу классов отрицать глупо. Ведь в чём прелесть и главное достоинство яппи-интернационала? Он лишен рудиментарной привязанности к конкретной территории.

— То бишь к родине?

— Трескучее устаревшее понятие, — поморщился кreakл, — пережиток феодализма.

— Ну да, а территорию можно и поменять. Чего к ней привязываться?

— Абсолютно! Вот сейчас вы мыслите позитивно. Пожалуй, мы с вами придём к консенсусу... Николай Николаевич Сажин — президент Российской Федерации. Звучит? Заманчиво?

— И что же вы ожидаете от меня на этом посту? — щедро отхлебнув из бутылки, спросил Николай.

— Вы бы не налегали так на коньячок, — посоветовал Виталий. — У нас серьёзный разговор, а вы того и глядя наклюкаетесь. Важнейшей вашей задачей станет как раз реформирование российского менталитета. Во-первых, необходим переход от верховенства коллективистского сознания к приоритету личности. А для этого

надо воспитывать культуру индивидуального эгоизма. Индивидуализм — вот основа и высшая форма свободы! Свободы индивида от общества и государства. Мы в России работаем над этим давно, с конца восьмидесятых. И не без результатов. Однако до полного успеха ещё далеко.

— Но и достижения налицо, — Николай, прищутив глаз, посмотрел бутылку на просвет. — Что во-вторых?

— Во-вторых, пора изжить детскую травму утраченного имперского величия и перестать, наконец, нянчить память о былых победах и героических дедах. Следует уже понять — нынешние поколения не имеют к этим победам никакого отношения. Никакого! В-третьих, новая демократическая Россия невозможна без признания национальной вины.

— Господи, а провинились-то мы перед кем?

— Перед всем свободным демократическим миром, разумеется.

— О как!

— Именно так. Вот это всё вам и придётся исправлять. Челлендж нелёгкий, согласен. Но так и только так мы сможем влиться в семью цивилизованных народов, — Креакл наморщил лоб и, посмотрев куда-то в пространство, спросил: — Кажется, я доступно изложил базовый кейс?

— Более чем. Ну, это, так сказать, цели стратегические... — Сажин прервался, чтобы сделать порядочный глоток. — Наверняка имеются и тактические задачи.

— О них вас проинформируют в своё время, — на какой-то едва уловимый миг — не более секунды — глаза креакла закатились и по телу пробежала лёгкая судорога. А может, Николаю это просто почудилось. — Да. В своё время. Впрочем, могу озвучить две цели ближнего порядка: безъядерный статус России — согласитесь, доктрина ядерного сдерживания исчерпала себя, и мы должны, наконец, перестать пугать Запад, нас не должны бояться. Итак, первоочередная оперативная задача — денуклеаризация страны. Второй вашей задачей станет смена формы правления. Для нас — боевого форпоста свободного мира — очевидно: в России мы боремся не с безумным диктатором, а с автономной и раз от раза самовосстанавливающейся агрессивной системой власти. Её надо ломать. Нужна парламентская республика, как в той же Италии. Субъекты федерации при этом получают в разы больше самостоятельности, вплоть до свободы выхода; некоторые регионы давно пора отпустить на все четыре, они лишь тянут нас назад, в прошлое, являясь препойкой на пути к евроинтеграции.

— Московия же Европа, понятно. А почему вы уверены, что, став президентом, я буду плясать под вашу дудку? Обратных примеров полно в истории, в том числе и в нашей, российской.

— Хороший вопрос, — кивнул Виталий. — Разумеется, мы обязаны будем подстраховаться.

— Это как?

— Очень просто. Вживим вам микрочип, и если вы затеете свою игру, всегда сможем вас остановить. Уверяю, это абсолютно безвредно и безопасно, оцените на моём примере, — Виталий легонько постучал себе по виску. — Никакого дискомфорта, — он прислонился к спинке дивана и вытянул длинные ноги в зауженных по моде брюках.

Николай окинул его взглядом и вдруг со всей очевидностью ощутил, что способен расправиться с ним прямо сейчас голыми руками. Он ясно представил, как, выбив пистолет, хватает того за горло и душит, душит, душит... пока не хрустит шейные позвонки. Да, он сможет это сделать... Только что это даст? Понятно же, креакл — лишь посыльный, и от «Числа» так легко не отделаться. Барбудос Реконкистова, вероятно, и смогут его защитить, но обратиться к ним — значит, встать на сторону «Слова», со всеми вытекающими... Укрыться в подгорном царстве чуди? Вообще не вариант!

— А если я всё же откажусь участвовать в вашем... проекте? — хрипло спросил он после минутной паузы.

— У вас же, Николай Николаевич, дочь.

— Так просто и так пошло? Понимать как угрозу похищения?

— Я уже говорил: мы контролируем реальность. Однако точнее сказать иначе: не только контролируем, но и в значительной мере конструируем новую. Вы так и не осознали всей безальтернативности своего положения и всю серьёзность наших намерений. Что ж, вставайте и пройдём на балкон — вижу, вам требуется маленькая наглядная демонстрация. Вставайте-вставайте!

«Прав был Идальго, — лихорадочно размышлял Николай по пути к балкону, — сожрут они меня, сожрут и не поперхнутся...» Открыв балконную дверь и войдя в застеклённую коробку, уставленную разной мало потребной в быту утварью, Сажин обернулся:

— Что дальше?

Креакл молча указал дулом пистолета в самый угол балкона. Николай присмотрел-

ся. В первое мгновение ему показалось, что там лежит какой-то коричневый шерстяной рулон... Но нет — это был Тайсон. Сажин быстро шагнул к нему, упал на колени и принялся ощупывать таксу — она была мертва и уже начала коченеть. Он тяжело поднялся и долго-долго, свесив свои длинные руки, стоял над телом старого пса.

— Я жду вашего решения об участии в проекте, — деликатно кашлянув, напомнил за его спиной Виталий.

— Вы не оставили мне выбора, — не оборачиваясь, ответил Николай.

По лицу креакла растекалась победная улыбка:

— Это правильный инсайт.

Постояв ещё минуту, Сажин осмотрелся по сторонам и вытащил из-за гладильной доски сапёрную лопатку.

— Зачем она вам? — спросил Виталий, отступая назад.

— Поможешь похоронить пса? — вместо ответа спросил Николай.

— Где?

— В Битцевском парке, где ещё? Здесь недалеко.

И снова, как в прошлый раз, Виталий закатил глаза, странно передёрнул шеей, но тут же встряхнулся и едва слышно пробормотал: «О`кей, йес, сэр». Потом кивнул и повторил: «О`кей». Сажину показалось, что адресовано это было кому угодно, только не ему.

— Так можешь или что? — нетерпеливо переспросил он.

Креакл взглянул на Николая и выдохнул:

— Разумеется! Ноу проблем.

— Тогда пошли.

Эпилог

Из Битцевского парка Сажин возвращался один. В подъезде, когда он уже заходил в лифт, его тревожно окликнула консьержка:

— Николаич! У вас из сумки капает, гляньте.

Он остановился и посмотрел на хозяйственную сумку, в которой отнёс Тайсона к месту его последнего упокоения: один её угол действительно сильно промок и сочился тёмно-красной жидкостью.

— Парного мяса прикупил в магазине, — пояснил он. — Протекло.

Переступив порог квартиры, Сажин сразу ощутил — тут кто-то есть. И действительно, не успел он снять обувь, как навстречу из гостиной шагнул Реконкистов, за его спиной возвышались два незнакомых Николаю крепких молодца. Подойдя вплотную, Идальго пытливо заглянул Николаю в глаза и, указав пальцем на сумку, спросил шёпотом:

— Что там, Коля?

— Сердце. Человеческое сердце.

Реконкистов укоризненно поцокал языком:

— Наследил ты изрядно. Ладно, это и мой косяк, — он обернулся к крепышам: — Дуйте в парк, и чтоб в ближайшие сто — нет, двести лет — никто, ничего ни с собаками, ни с детекторами, ни даже с бульдозером! — когда бойцы скрылись за дверью, Идальго снова впился взглядом в Сажина. — А почему именно сердце? — понизив голос, спросил он. — Взял бы филейную часть. А! Понимаю: про Гориллыча вспомнил. Дескать, вышло в тот раз, получится и сейчас? Резонно.

— Слушай, Георгий. Я вот что тут подумал... Помнишь тагановского кота Изю?

— Ну? С ним всё в порядке, я его соседке пристроил.

— Так вот, я бы хотел его забрать. Это возможно?

— Всё это в наших руках. Сделаем.

С кухни раздался звон металлической посуды, и чей-то голос в стиле нежного бельканто пропел: «Гунчаньдан сян тайян, чжао гао нали нали ян»¹.

— Это наш китайский товарищ Ли кашеварит, — ответил Идальго на невысказанный вопрос Сажина. — Между прочим, не только поёт хорошо, но и повар совершенно исключительный — из летучей мыши конфетку состряпает, не то что из этого, — он кивнул на сумку, которую продолжал держать Николай. — Давай-ка её мне. А сам вон сядь пока на диван и отдохни — на тебе лица нет.

31.01.2022

¹ «Коммунистическая партия подобна солнцу, принесит свет всюду, где она сияет» (китайская революционная песня «Алет Восток»).